
Юрий Крымов
Танкер „ДЕРБЕНТ“
ДЕРБЕНТ

БИБЛИОТЕКА ЮНОШЕСТВА

Юрий Крымов

Танкер „ДЕРБЕНТ“

Повесть

Кишинев
Литература артистикэ
1984

84.8Р7
К 85

Художник И. Либерман

Писатель Юрий Крымов (1908 — 1941) прожил недолгую, но яркую жизнь. С юных лет он активный участник социалистического строительства: строит радиостанцию, проводит испытания на судоверфях Каспия, занимается научно-исследовательской работой, пишет повести. С первых дней Великой Отечественной войны Юрий Крымов на фронте; он погиб во время боя.

«Танкер Дербент» — одно из лучших произведений советской прозы 30-х гг., зримо и правдиво показывающее духовный рост советского человека. Рядовой партиец Басов превращается в талантливого вожака масс, в трудных испытаниях крепнет и закаляется коллектив танкера, зарождается социалистическое соревнование. По мотивам произведения поставлен одноименный кинофильм. Повесть выдержала более двадцати изданий и переведена на многие иностранные языки.

Текст печатается по изданию: Юрий Крымов. Танкер «Дербент». М., Гослитиздат, 1955.

Крымов Юрий Соломонович

К 85 Танкер «Дербент»: Повесть. Для ст. школ. возраста./Худож. И. Либерман.— Кишинев: Лит. артистикэ, 1984. 192 с. (Б-ка юношества).

В повести, написанной молодым писателем в 1938 году на материале того времени, нашли свое яркое эмоциональное отражение героизм пятилеток и стахановского движения.

Это книга о том, как меняется лицо команды обычного советского танкера под влиянием социалистического труда и новых отношений между людьми.

К $\frac{4803010102-83}{М756(12)-84}$ 108—84 84.8Р7

КЛЮЧ

Вечером на радиостанции Каспийского пароходства дежурили двое: радист Тарумов и ответственная по обмену Белецкая. Ему было двадцать лет, но его считали лучшим слухачом по бассейну. Говорили, что он может давать ключом больше ста знаков. Когда его спрашивали об этом, он улыбался — человек не машина! Он изучил аппараты и обходился без помощи радиотехников. Заметит неполадку, посвистит, покусает ногти и лезет на щит исправлять. Белецкая смеялась: «Если тебя убьет током, Арсен, я здесь умру со страху. Пожалей хоть меня!»

Они были однолетки и давно работали вместе. Белецкая принимала и сортировала телеграммы. Это была утомительная, однообразная работа, не требовавшая никаких познаний. Он любил наблюдать ее, когда оставались они вдвоем в аппаратном зале. Она работала споро, незаметно, слегка шевелила губами, читая телеграмму. Короткие волосы спускались ей на глаза,— она отбрасывала их быстрым движением головы. В такие минуты она казалась ему очень привлекательной.

К концу смены она была так же свежа, как в начале работы, только руки немного дрожали.

На радиостанции ее звали Муся. Выглядела она совсем юной, любила посмеяться и была дерзка на язык. Иногда Тарумов провожал ее после работы, и она спокойно брала его под руку.

Он знал, что она замужем, но ничего не слыхал о ее муже. Как будто его не существовало вовсе.

Однажды, когда они шли по набережной, он увидел на скамье обнявшуюся пару и отвернулся.

— Чего только целуются люди? — озорно шепнула Муся, заглядывая ему в лицо.— Удовольствие какое, подумаешь!

Он ответил грубо, скрывая смущение:

— Тогда целуйся пореже со своим мужем. Будь умнее других.

Муся помолчала.

— Я давно не видала его,— сказала она не то со вздохом, не то зевнув,— не знаю уж сколько...

— Что так? — спросил он, не понимая, шутит ли она, или говорит правду.

— Он уехал далеко-о,— сказала Муся протяжно.— Механик он на танкере «Дербент».

Вскоре отношения Муси и Тарумова стали изменяться. Он ловил себя на том, что продолжает думать о ней в ее отсутствии. Ему нравилось прикасаться к ее вещам или одежде, и ему было приятно, когда их имена упоминались вместе, а это часто случалось на радиостанции.

Иногда начинал он беспричинно злиться на себя: влюбился, как школьник, в товарища по работе, чужую жену. И ничего, кроме мечтаний, из этого не может выйти.

А иногда, наблюдая, как растет на ее столе кипа бумаг, он вдруг пугался: надоест ей работа, уйдет — и все кончится. Он не мог себе представить, чтобы другая сидела на ее месте. Но Муся не уходила. Она попрежнему была весела, неутомима и, расставаясь с ним после работы на перекрестке, кричала ему вслед:

— Спасибо, рыцарь! Не попади под трамвай!

В тот вечер работы было немного. В двадцать три часа Тарумов передал метеорологическую сводку: «В районе Астраханского рейда средняя облачность без осадков. Ветер норд-ост до трех баллов. В районе Махачкала — Красноводск возможны незначительные

осадки. Ветер норд-ост не свыше пяти баллов. На ближайшие сутки ожидается дальнейшее падение ветра и легкая облачность». В журнале он нашел утреннее радио от судов, нарушивших график из-за неблагоприятной погоды. В середине дня донесений не было.

Штормовая полоса ушла на юг, но хвост ее еще был где-то между Красноводском и Баку. К вечеру в порту сняли штормовые знаки, и в сухогрузной гавани победно протрубил первый пароход, покидая причал.

Отправив сводку, радист перешел на прием. Судя по утренним телеграммам, прибытия нефтеналивных судов в ближайшие два часа не ожидалось. Позывная волна бездействовала. Едва слышно просачивалось сквозь наушники слабое пение, настолько слабое, что казалось — крошечное, хрупкое насекомое царапает лапками в мембрану.

Тарумов завертел верньер — и звук окреп, усилился, явственно обозначилась мелодия, перевитая аккомпанементом рояля. Еще один поворот, и удивительно чистый женский голос оборвался, покрытый шуршанием долгих аплодисментов.

Радист включил громкоговоритель и сбросил наушники. Репродуктор шипел, сотрясаемый трескучим гамом, из которого вырывались отдельные голоса, визгливые, как вопли о помощи. Белецкая покинула свое место у телефона и приблизилась.

— Ты с ума сошел,— сказала она испуганно,— а если кто вызовет?

Она оперлась о спинку его стула и дышала ему в затылок. Аплодисменты смолкли. Снова женский голос запел ту же простую колыбельную песенку.

— Колыбельная,— шепнула Муся.— Хорошо поет, правда? Ну-ка, подвинься, Арсен!

Она присела на краешек стула и, чтобы удержаться, обняла его рукой за плечи. Ее лицо было так близко, что он видел влажный блеск ее зубов из-за полуоткрытых губ. Медленно он наклонил к ней голову, и ее волосы защекотали его щеку. Она не заметила этого, пристально глядя в черную тарелку репродуктора. Он не слушал музыку, он думал, что еще никогда они так не сидели, обнявшись, что близость их незаметно растет и будет еще расти, пока... пока они не станут мужем и женою. «Это бывает,— думал он радостно,— да, именно так и бывает». Он опомнился, когда снова загремели аплодисменты.

— Хватит,— сказала Муся.— Тебя там проклинают где-нибудь в море. Выговор заработаешь!

Поворачивая рукоятку, он покосился на Мусю. Закинув руки к затылку, она потянулась всем телом, глаза ее были ласковы и дружелюбны. Вот она как будто знает уже, что нравится ему, и не отстраняется. Напротив! Ему уже казалось возможным заговорить с ней о своем чувстве.

Медленно натянул он наушники, настроился на морскую позывную волну. Молчание. Муся уже сидела за столом, и руки ее быстро разбирали ворох бумаг, сортировали, подкалывали. В аппаратном зале было тихо, только газовая печь гудела за перегородкой. Он посмотрел на часы — было один час пятьдесят минут ночи. Неожиданно подумал: если до двух часов заговорит морская позывная волна, надо объясниться с Мусей сегодня же. Стало вдруг тревожно и весело. Вспомнилось, как в детстве с товарищами решали крупные споры, бросая вверх палку. Делали это серьезно, в полном молчании. Палка вертелась в воздухе и падала стойком или плашмя. Тык или ляп?

...Пятьдесят четыре минуты. До двух часов осталось шесть минут — вероятность небольшая. Лучше думать о другом. О чем бы это? Мусин муж плавает на танкере «Дербент». Этот «Дербент» недавно наделал много шума — ему принадлежала идея стахановского рейса, и он первый ее осуществил. Но он соревнуется с другим танкером — «Агамали», тоже крепкий коллектив, и еще совсем неизвестно, кто возьмет первенство. Утром с «Дербента» была радиограмма: ведет на буксире какое-то судно с испорченной машиной... Муся видела радиограмму — и хоть бы слово. А вчера был шторм. Никогда не упоминает о муже. И один раз (это было в день стахановской победы «Дербента») не пошла его встречать на пристань. Танкеры стоят в порту не более трех часов. Так и отвыкли друг от друга. Это бывает... Интересно, какой он? Судовой механик, его фамилия, кажется, Власов... нет, Басов... Вероятно, немолодой и молчаливый, как все судовые механики. А Муся любит смеяться.

...Пятьдесят шесть минут. Несомненно, включилась какая-то судовая радиостанция: слабый щелчок и гул в наушниках. Скорее бы начали вызывать! Он обмакнул перо и придвинул журнал. Надо сегодня заговорить

с Мусей. Но на вахте неудобно, надо пойти провожать, и тогда...

...Пятьдесят семь минут. Громко и настойчиво зазвенел в тишине телеграф. Озадачили непривычные однообразные сигналы, словно задурила рука на ключе. Три точки, три тире, три точки... СОС... Он дернул книзу шнуры телефона, и стальное полукружие сдавило темя. Бешено забили в виски звонкие хрустальные молоточки:

— СОС, СОС, СОС... Я, «Узбекистан», нахожусь на 42,36 и 18,02 к югу от острова Чечен. На судне возник пожар... Ликвидировать не можем... СОС... СОС...

Радист начал записывать. С ним было так, как бывает во сне: среди ленивых образов-мыслей вдруг крикнет кто-то над ухом одно слово, и все вокруг становится жутко зловещим. Молоточки стучали:

— СОС... СОС... 42,36 и 18,02 к югу от острова Чечен. Самостоятельного хода не имею. Буксировавший танкер «Дербент» обрубил буксир. Уходит прежним курсом. На сигналы не отвечает. Мы в безвыходном положении... СОС...

— Муся, аварийную! — крикнул Тарумов.— Скорее, Муська!

Глухо сквозь наушники он услышал ее голос:

— Что случилось, Арсен?

— Не говори со мной. Вот телеграмма.

Ее рука протянулась из-за его плеча и схватила журнал.

Он слышал, как стучала она рычагом аппарата.

— Пароходство,— сказала она спокойно,— аварийную мне. Живо!

Опять затрещал телеграф:

— СОС, СОС, СОС... «Узбекистан», имею на борту груз мазута. Взорвались десятые танки. От взрыва теряю остойчивость. Шлюпки спустить трудно из-за огня на юте. 42,36 и 18,02. Танкер «Дербент» уходит, не отвечая на сигналы... СОС, СОС...

Пауза. Муся передает телеграмму. Она отвернулась и загородилась рукой. Говорит тихо, чтобы не мешать приему. Молодец Муся! Но вот она бросает трубку на рычаг и подходит к нему.

— Сволочи! — говорит она гневно.— Бросили товарищей... Послушай, Арсен!

— Ну?

— Ты слышишь что-нибудь?

— Нет.

— Арсен, почему они уходят?

— Не знаю. Они ведь тоже с грузом мазута. Боятся сгореть.

— Подлецы! Шкуру спасают, да?

— Ага...

— Арсен, ты слушаешь?

— Да. Не говори со мной.

Радист сдавил ладонями наушники и почувствовал боль в ушах. Разноголосой сумятицей сигналов загудел потревоженный эфир.

— ...«Узбекистан», я «Большевик», тридцать миль, иду к вам... Баку, Махачкала, Красноводск, вызывайте сухогрузные суда, 42,36 и 18,02 к югу от острова Чечен...

Тарумов перевел рукоять на передачу. За перегородкой взвыла динамо, набирая обороты. Окна передатчика осветились желтым светом ламп. Он положил руку на ключ и застучал. Из-под контакта ключа сверкнули голубые искры, свистел контрольный репродуктор.

— Всем сухогрузным судам... 42,36 и 18,02...

Потом он опять включил приемник. Пискнули судовые радио раз-другой и затихли. Наступила сосредоточенная деловая тишина, в которой ему слышался грохот якорных цепей, свист пара, шипение вспененной винтами воды. И вдруг отчетливо засвистело хриплое тональное радио:

— «Узбекистан», «Узбекистан», я «Дербент», иду к вам. Подойду с правого борта, спускаю шлюпки. Соберите людей, сохраняйте спокойствие. Кончаю... Вызываю Баку, Махачкалу...

— Муся, звони в аварийную! — заорал Тарумов, теряя связную последовательность знаков.— Ты слышишь, Муся?

— Баку, Махачкала, я «Дербент», иду на помощь экипажу «Узбекистана». Имею на борту полный груз мазута. Несмотря на принятые меры, рискую пожаром. Вышлите спасательное судно на 42,36 и 18,02...

Муся подбежала к столу.

— Аварийная ждет у аппарата,— сказала она.— Ты уже кончил?

Она схватила листок и подбежала к телефону. Тарумов видел, как приложила она трубку к уху и взглянула на бумагу. Вдруг она прислонилась к стене, заку-

сила губу и зажмурилась. Продолжалось это недолго, несколько секунд всего. Потом она открыла глаза и сказала в трубку совсем обыкновенным голосом:

— Готово? Передаю радиограмму: Баку, Махачкала, с танкера «Дербент»...

Тарумов отдыхал, навалившись грудью на стол. Опять затрещали судовые станции. За их шумом он боялся пропустить хриплое посвистывание тонального радио. От напряжения звенело в ушах, и мысли путались в обрывках телеграфных фраз.

...Плохо, что ни одного парохода не оказалось поблизости. Почему вызывают сухогрузных? Нефтеналивные легче воспламеняются. «Дербент» — нефтеналивной... Обрубил буксир и ушел, потом вернулся! Как странно! Теперь ему будет труднее спасти людей. Радист вышел из рубки последним... Кто на «Узбекистане» радистом?.. Валька Ластик, мальчонка, юнкор. Может, задохнулся? Или все задохнулись? Нет, «Дербент» спустит шлюпки и подберет всех. Но почему он ушел? И не отвечал на сигналы? И почему вернулся? Там опасный груз — красноводская нефть. В ней много летучих, и она воспламеняется, как бензин. Что говорили об этом танкере? Да, стахановские рейсы! Он идет впереди по выполнению плана перевозок. На «Дербенте» Мусин муж, Басов, механик. Она испугалась, когда прочла радиограмму... Ветер пять баллов, гонит искры, на море крупная зыбь... Главное — не пропустить позывные! Они передавали, что судно теряет остойчивость — ложится набок. Значит, в то время, когда горят надстройки и судно готово перевернуться, в радиорубке еще сидит за ключом Валька Ластик. На нем дымится одежда, и огромным черным ртом глотает он дым, едкий, удушливый дым горящего мазута и краски... Мальчонка, юнкор...

Судовые радио смолкают. Опять просачивается в наушники едва слышная музыка. Тифлис, Ереван?..

...Прощай, мой табор, пою в последний раз...—

словно из-за глухой стены выкрикивает певица с залихватским цыганским надрывом.

Плохой приемник, скверная избирательность! Тарумов поворотом регулятора старается отсеять ненужный звук. Он сердится, цыганская певица поет и не знает ни кода Морзе, ни расстояния до каменных

бурунов острова Чечен. Но вот отшумели аплодисменты, и все стихло. Пусто стало на морской позывной волне.

Тарумов обернулся и увидел Мусю. Она стояла за его стулом, прижав руки к груди. Лицо ее было бледно. Ему показалось, что она может упасть.

— Ничего нет, Арсен?

— Ничего.

— Знаешь, я не могу работать. Я постою тут... можно?

— Можно,— он подвинулся на стуле, давая ей место.— Садись сюда. Не волнуйся.

Он чувствовал свое превосходство над ней, потому что был спокойнее. И в то же время ему отчего-то было досадно.

Муся присела на край стула и зябко вздрогнула.

— Меня трясет,— пожаловалась она,— здесь холодно.

— Это от волнения, Муся.

— Нет, здесь правда холодно. Слушай, Арсен!

— Ну?

— В прошлом году сгорел нефтевоз «Партизан». Ты помнишь? Они тогда красноводскую нефть везли. Эта нефть — взрывучая, правда?

— Ерунда!

— Нет, ты скажи?..

— Говорю, ерунда!

— Эх, врешь ты все... Я очень боюсь, Арсен,— произнесла она жалобно.— Если что случится...

Он обнял ее и притянул к себе, удивляясь, что не чувствует уже никакой робости. Рядом он видел бледное Мусино лицо, склонившееся к нему на плечо с тоскливым безразличием. И, желая ободрить ее, он сказал:

— Твой муж не участвует в спасательных работах. Он в машинном отделении, там опасность меньше.

Муся вздохнула:

— Ты это про Басова? Так он мне не муж больше.

— Как так?

— А просто. Мы с ним расстались. Расстались совсем...

Она помолчала.

— Знаешь, мне кажется, он и не любил меня никогда. А может, и любил по-своему, не пойму я. Он такой... странный. Только он уехал, и все кончилось. Нет,

ты не думай, что я за него боюсь! Их там сорок пять человек на «Дербенте», и если что случится...

Он гладил ее плечо и думал, что, должно быть, тот человек чем-то оскорбил ее, она несчастна и не может забыть... Он чувствовал гордость оттого, что она доверилась ему и искала у него сочувствия, как бы объединяясь с ним против того неприятного человека — ее бывшего мужа. Потом его взгляд упал на страницы журнала и пробежал по словам телеграммы: «уходит, не отвечает на сигналы». Он представил себе яркое зарево пожара и уходящий в темноту предательский силуэт корабля. Ему казалось, что здесь как-то замешан механик Басов.

Теперь он представлялся ему огромным, краснолицым и свирепым: стоит на корме и, ухая, как леший, рубит буксирный трос. А на палубе собралась команда, все растеряны, но никто не решается к нему подойти. Он вспомнил, что на судне есть капитан, которому подчиняется и механик Басов и другие моряки, и ему стало досадно, что сцена, нарисованная его воображением, не вязалась с действительностью.

Муся вдруг выпрямилась и порывисто встала.

— Ух, тоска какая,— сказала она низким, злым голосом.— Неужели не кончилось? Смотри, не прозевай, Арсен!

Она побрела к своему месту у стола, села и потрогала бумаги. Он понял, что она забыла о нем и совсем не думает, какое впечатление произвели на него ее слова. Отвернувшись, он увидел свое отражение на лакированной поверхности стола — вихрастую голову с черными колпачками на ушах — и подумал, что с Мусей у него ничего не выйдет. А ровный унылый гул в ушах не прекращался, как будто проникал сквозь наушники стремительный морской ветер. По временам его заставлял вздрагивать треск атмосферных разрядов, и он хватался за перо, но сигналов не было.

Посинели квадраты окон, и звезды в них стали крупнее и бледнее,— начинало светать. За пустырем блеснула зеленая молния и осветила крыши пекарни,— пробежал из нефтегавани первый трамвай.

Внезапно щелкнули мембраны телефонов. Тарумов придавил ладонями наушники и схватил перо. Муся тотчас же вскочила и подбежала к нему. Он успел подумать коротко и удивленно: «Как она узнала?» Громко засвистело тональное радио:

— РЕИ, РЕИ, я «Дербент». Верните спасательное судно. Теплоход «Узбекистан» затонул на 42,36 и 18,02. Экипаж снят и доставлен на борт. Обеспечьте к приходу медпомощь. Есть обгоревшие.

Секундная пауза и торопливая короткая строчка: «За помполита «Дербента» Басов».

— Здорово! — завопил Тарумов, сбрасывая наушники.— Они подобрали экипаж! Понимаешь, Муська?

Она схватила журнал и быстро прочла, шевеля губами.

— Басов подписал,— сказала она тихо.— Видишь, он какой! Я говорю... он очень странный.

Тарумов ответил не задумываясь:

— Твой Басов, наверное, золото, молодец парень. Ты подумай, ведь у них красноводская нефть в танках. Она воспламеняется, как бензин.

— А ты говорил — ерунда! — улыбнулась Муся болезненно.

— Ну мало ли что говорил. Ты же скулила. Теперь вы с ним увидитесь, и все будет хорошо. Просто у вас размолвка вышла. Это бывает. Нет, но какие молодцы! Зыбь на море, ветер искры несет, а они подошли и взяли. Ай, моряки! Танкер «Узбекистан» затонул вот, жалко, но...— люди важнее.

— Там есть обгоревшие,— сказала Муся тихо.— Может быть, они... как ты думаешь?

— Ничего, вероятно, обожглись немного. Послушай, да кто он такой, этот Басов?

— Ты же знаешь. Механик.

— Странно. Почему не капитан подписал радио? Ну, все равно. Это же замечательно! «Верните спасательное судно». Вот они, наши моряки! Ты гордишься, Муська?

— Да. Только там есть обгоревшие. Я боюсь.

— Эх ты, заладила — боюсь. Эх, Муська, это такие ребята, такие...

Он счастливо улыбался и возбужденно ерошил волосы.

Глядя на него, начала улыбаться и Муся. Потом он вдруг посмотрел на журнал и задумался.

«Только почему же они ушли сначала? — спросил он себя в десятый раз.— Сначала ушли, потом вернулись?»

КОМАНДИРЫ

I

Подобио многим старым морякам, Евгеиий Степаиович Кутасов был суевереи. По весие, выезжая под парусом иа взморье ловить рыбу, ои оставлял иа песке щепоть табаку, чтобы ие потерять снасти. Когда лодка попадала в полосу штиля и парус тряпкой обвисал иа рее, Евгеиий Степанович посвистывал тихонько сквозь зубы, вызывая ветер.

Иногда ветер действительио приходил и иадувал пузырем парус. Лодка креиилась и бежала резво. Евгеиий Степаиович ие торжествовал и ие задумывался, пришел ветер — и ладно. А иной раз сверкающее зеркало штиля простиралось до самого горизоита, сливаясь с раскаленным иебом, и иикакой свист не мог вызвать даже самого легкого колебаиия воздуха. Тогда Евгеиий Степаиович, ие унывая, брался за весла.

Одинокие поездки были любимым развлечеиием капитана Кутасова. Останавливаясь с пожилыми штурманами буксиров у пивиой стойки, капитан Кутасов любил потолковать о своей прежией профессии. Сам ои давио оставил плаваиие и служил в отделе учета

Каспийского пароходства. Служба была спокойная, и шестичасовой рабочий день уютно укладывался между длинными ящиками карточек, набитых залежалыми сведениями о прошлогодних перевозках. Окна комнаты были обращены к морю. Над плоскими крышами домов голубая полоска рейда курилась дымками судов. Жужжание вентилятора, очищавшего воздух от архивной пыли, напоминало ему гул паровой машины, еле различимый на капитанском мостике корабля.

Но бывало и другое. Выезжая по выходным дням на взморье, провожал он глазами уходящие в море суда, пока не таял на горизонте кудрявый прозрачный дымок. Тогда кидал он взгляд на берег, отделенный от него узкой полосой нечистой воды, и испытывал смутное сосущее чувство, похожее на тоску по родному месту. Но воспоминания таили в себе опасность, и он боялся заглядывать в свое прошлое...

Однажды, сидя дома за чаем, капитан Кутасов оторвал листок календаря. На подслеповатой картинке красноармеец в шишаке замахивается штыком, угрожая уходящим в море пароходам. Под картиной он прочел надпись: «1920. Установление советской власти в Одессе». Евгений Степанович взглянул на жену. Наталья Николаевна читала книгу, и свежее полное лицо ее отражало спокойное довольство.

Если бы она узнала все, что случилось в ту ночь, ровно пятнадцать лет назад, была бы она так спокойна? Может, она и не любила бы его вовсе? И он торопливо, с ужасом и стыдом, стал вспоминать, смутно надеясь, что, возможно, теперь он найдет себе хоть какое-нибудь оправдание.

«Вега» тогда стояла в порту, ожидая погрузки. Белые поставили у сходней караул, а с палубы слышно было, как солдаты гремели прикладами по доскам причала. За ужином в кают-компании кто-то произнес слово «эвакуация», и все заговорили разом, но так тихо, словно кто-то спал рядом и его боялись разбудить.

— Плетью обуха не перешибешь,— уговаривает Евгений Степанович.— Если мы откажемся везти, нас убьют... Да закройте же дверь!..

— Я не повезу,— медленно произносит механик Греве бледнея.— Убьют? Пусть! Их побили — и они мстят еврейским женщинам, грязные свиньи. Я сам видел...

— Греве, ради бога! — поднимает руки Евгений Степанович.— Здесь все согласны с вами, но зачем же кричать? Ведь иллюминаторы...

Старший штурман хлопает ладонью по столу.

— Разогнать команду,— хрипит он гневно,— открыть кингстоны — и все! Ну?

Греве кусает ногти.

— Сейчас нельзя. Они заметят — и нам будет конец. Значит, надо ночью. Слышите, нынче ночью.

Евгений Степанович озирается. Все они словно рехнулись сегодня, и их невозможно уговорить. Он произносит покорно:

— Хорошо. Сегодня ночью.

Его тучное тело била отвратительная дрожь. Ему хотелось домой: напиться чаю, успокоиться, увидеть жену. На улицах темно и пустынно, ветер несет по мостовой струйки снега. Евгений Степанович думает, что люди меняются на глазах, даже Греве. Но дома, против ожидания, ему становится легче. Наталья Николаевна прислушивается к каждому звуку, доносящемуся с улицы, тревожно заглядывает ему в глаза. Что может он сказать ей? Что нынче ночью распустит команду и откроет кингстоны «Веги»?

На улице уже происходит что-то. Сквозь ставни доносится топот шагов. Что-то громоздкое ползет по мостовой так тяжело, что дребезжат стекла. А над всем этим медленные, тяжкие удары, словно кузнечный молот бьет в чугунную доску.

Евгений Степанович одевается, чтобы идти в порт. Наталья Николаевна ухватилась за борт его кителя и крестит мелкими, торопливыми крестами его плечо. Он отрывает ее руки, смотрит в ее трясущееся лицо и чувствует, как падает его решимость.

Опрометью выбежав на крыльцо, он не узнает улицы. В темноте мимо него движется людской поток, затаенно вспыхивают огоньки цигарок. Они движутся молча и поспешно, заполняя всю улицу, грохоча по камням множеством ног. Это отступают белые. Евгений Степанович крадется вслед за ними по тротуару, оглушенный и притихший.

У пристани качаются на столбах блестящие шары фонарей. Евгений Степанович пробирается сквозь густую толпу солдат и беженцев к сходням, где конвоиры скрестили штыки. Однако конвой его пропускает — у него фуражка с капитанской кокардой.

Он стоит на палубе «Веги», моряки собираются вокруг него. Они ждут приказа, но он только щурит глаза, чтобы не видеть в жестком свете фонарей блестящих погонов конвоя...

Неожиданно Греве появляется рядом. Лицо у него измученное, изжелта-бледное, злое.

— Началось раньше, чем мы думали,— говорит он озабоченно.— Надо уходить, каптэн. Ребята ждут приказа.

Евгений Степанович вздрагивает.

— Подождите, голубчик,— бормочет он невнятно.— Видите, что творится, и... я думаю, не повезти ли в самом деле?..

— Зачем вы пришли сюда? — печально говорит Греве.— Ах, каптэн!..

В это время людской поток снимает заслон у сходней и растекается по палубным проходам, оглашая их буйным топотом мятущегося стада. У бакборта притаились темные фигуры матросов. По очереди медленно перекидывают они ноги через перила, сжимаясь в комки, бесшумно, как мягкие кули, падают на пристань и по темному ее краю крадутся, сгибаясь, как школьники, играющие в чехарду.

Евгений Степанович облегченно вздыхает. Команда покинула судно, не дожидаясь приказа. Но тотчас же его охватывает новый приступ леденящего страха. Он стаскивает с головы фуражку и ногтями срывает предательскую кокарду.

— Капитан, прекратите дезертирство!

Этот резкий окрик заставляет его втянуть голову в плечи. Зачарованно впивается он в округленные бешенством глаза.

— Я не капитан,— говорит он не своим, каким-то шепелявым, срывающимся голосом,— и я ничего, ничего не знаю...

— Так ты не знаешь? — раздается над ухом Евгения Степановича.— Ты не знаешь, подлец? Будешь знать!

Сильный удар заставляет его потерять равновесие, и он оседает на палубу всем своим рыхлым телом. Сквозь набегающую слезу он видит блестящее голенище сапога, взбегающее к лампасам, и руку, поспешно рвущую застежку кобуры.

— Не надо! — пронзительно взвизгивает Евгений Степанович, охватывая обеими руками сапог, рванув-

шийся от его прикосновения.— Не надо. — кричит он протяжно, поймав, наконец, ногу и прильнув к ней разбитым лицом.

Лежа ничком и не поднимая головы, он чувствует, что опасность миновала.

— Где же капитан? — рычит офицер.— Ты слышишь, холуй!

— Он там...— Стоя на четвереньках, Евгений Степанович показывает куда-то на ют.

Он поднимается на ноги и зажимает рукою лицо. В таком виде — растерзанный, с непокрытой головой — он легко может покинуть судно. Когда он спускается на пристань, до него доносится нарастающий грозный гул голосов, и он оборачивается в последний раз, чтобы увидеть, что происходит на «Веге». От грохота выстрелов он вздрагивает всем телом, словно невидимый бич с размаху ожег его вспотевшую спину. Евгений Степанович знает, что случилось. Расталкивая толпу, задыхаясь, закрывая платком разбитое лицо, он уходит прочь и останавливается, только миновав пристанскую ограду. Прислонившись к фонарному столбу, сотрясаясь, он плачет долго и разглядывает пальцы, перепачканные в крови. Боль не так уж сильна, но, преувеличивая свои страдания, он протяжно стонет, и это помогает ему подавить бессильное отвращение к себе. По главной улице еле тащится хвост отступающих. Евгений Степанович слышит гулкие, неторопливые удары, наплывающие из темноты.

— Погоди, сволочь,— бормочет он, оборачиваясь в сторону пристани.— Не уйдешь!

Им овладевает обессиливающее его самого бешенство. Но то неведомое, что надвигается из степи, сотрясая воздух чугунными ударами, может быть еще ужаснее. Ведь каждую минуту могут ворваться к нему, избить его, оскорбить Наталью Николаевну, а он может только умолять или смотреть, как ее оскорбляют. Он знал, что не в силах будет противиться этому. Хорошо бы стать совсем незаметным, отказаться от капитанства...

В ореховой гостиной по-прежнему горит керосиновая лампа, тикают стенные часы. Словно и не уходил он отсюда вовсе. На вопросы Натальи Николаевны он ответил коротко, односложно:

— Греве убили... Хотели убить меня, но я скрылся. Оскара Карлыча убили...

Нестерпимо горела душа от ее взгляда, любовного, преданного, от осторожных прикосновений ее мягких рук, делавших перевязку.

Несколько дней провел он дома, сидя в кресле и почти не двигаясь. Изредка подходил к окну и отодвигал занавеску. На улицах было спокойно. Однажды он увидел необыкновенного солдата в шишаке и без погон, с малиновыми нашивками на груди. Он стоял, по-хозяйски расставив ноги, и читал листок, наклеенный на стене. Евгений Степанович посмотрел на солдата, на прохожих, не обращавших на него внимания, задевавших его локтями, и понял, что война кончилась. Тревога прошла, осталась апатия, похожая на постоянную усталость. Но надо было жить, и однажды он сказал жене, краснея и пряча глаза, словно признаваясь в чем-то позорном:

— Я бы хотел уехать отсюда... совсем.

Она, не задумываясь, ответила:

— Как хочешь, мой друг. Куда же мы поедем?

И посмотрела на него тем соболезнующим и долгим взглядом, который делает излишним всякое объяснение.

— А хоть бы на Каспий,— говорил Евгений Степанович.— Я думаю, там грузооборот не меньше нашего, пожалуй. И жарко. Я люблю жару.

Они тронулись в путь, как только стаял снег и с моря потянул теплый ветер. В Батуми они ходили по Ботаническому саду, покупали мандарины, завернутые в зеленые листья, и Евгений Степанович оживился. Ему казалось, что он стал незаметнее, мельче. Он явился в Каспийское пароходство небритый, одетый не по форме, в пенсне и с галстуком, распущенным по-старинковски концами врозь,— ни дать ни взять мелкий служащий... Слушая молодого веселого комиссара, толковавшего о значении социалистического учета, он солидно кивал головой; ему очень понравился и комиссар, и непривычно светлое море на рейде, и даже дело, которым ему предстояло заняться.

За пятнадцать лет, проведенных на одном месте за сидячей работой, Евгений Степанович постарел, утратил подвижность и приобрел много привычек. Его безотчетно пугало то новое, что встречалось ему на каждом шагу. В нефтегавани он рассматривал огромные плоскодонные суда-танкеры, в которых все казалось ему неестественным, перепутанным, сдвинутым со своих привычных мест. Вместо трюмов все гру-

зовое пространство разбито на мелкие отсеки-танки. В палубе только узкие люки с круглыми смотровыми окошками. В море люки задраены, и судно закрыто, как пивная бутылка. В машинном отделении не паровая машина, а дизель-моторы. Все шпили и руль движутся не паром, а электричеством, а пожарные устройства подают не воду, а углекислый газ. Бог с ними! Ему казалось, что на «Веге» все было устроено гораздо мудрее и целесообразнее. Когда-то он смеялся над безграмотными шкиперами и, первый из капитанов, изучал паровую машину. Теперь он недоумевал, зачем понадобились на Каспии теплоходы и радиотелефон вместо искровых станций и электрокраны вместо паровых лебедок.

Однажды, в послеобеденный час, когда затих треск арифмометров и благопристойные голоса в отделе учета снизились до шепота, Евгения Степановича вызвали к начальнику Каспара[1] Годояну. Пока подымался он по лестнице, покачиваясь, подобно плавной крутобокой ладье, его одолевали предчувствия. Может быть, напутал в сводках и это обнаружилось? У дверей кабинета он остановился и оправил пиджачок.

Годоян сидел за письменным столом, нагнувшись к бумагам. Он поднял голову и блеснул очками.

— Капитан Кутасов? Садитесь, капитан. Где вы работаете?

У него был мягкий, спокойный голос, и голова его казалась маленькой и хрупкой рядом с каменной головой бюста на столе. Евгений Степанович ободрился.

— Я инспектор учета.

— Вы капитан дальнего плавания?

— Да.

— Где вы плавали?

— На сухогрузном пароходе «Вега» десять лет.

— О, это большой срок! Вы специалист своего дела, я думаю.

Годоян поправил очки и улыбнулся. Заулыбался и Евгений Степанович. Как видно, начальник Каспара был прекрасный человек. Безмятежно улыбаясь, начальник продолжал:

— Вы хорошо работаете, капитан. Штурманская практика, вероятно, здорово помогает вам?

[1] Каспар — Каспийское пароходство. *(Прим. ред.)*

— Не-ет, практика не помогает. Здесь ведь совсем другое дело — статистика.

— А когда так,— брякнул Годоян, облегченно вздыхая, как следователь, установивший главный пункт обвинения,— когда так, то нечего вам и сидеть в канцелярии. По-моему, ясно.

— Что же мне делать? — пробормотал Евгений Степанович упавшим голосом. У него опять мелькнула догадка о какой-то ошибке в сводках.

Годоян поднялся и хлопнул ладонью по бумагам:

— Дело найдется, капитан! Танкер «Дербент» сейчас проходит сдаточные испытания. На днях выйдет из доков. Это будет подходящее место для вас, не правда ли? Нам не хватает опытных капитанов.

От неожиданности Евгений Степанович ответил не сразу. Он знал, что нужно отказаться немедля, но под взглядом Годояна у него как-то не поворачивался язык.

— Мне кажется, лучше бы мне остаться,— начал он просительно, стараясь придать голосу задушевную мягкость.— Мне уже трудно, знаете... годы мои...

Выражение лица Годояна мгновенно переменилось, оно сделалось насмешливым, словно он вдруг понял, что перед ним не тот человек, которого он искал.

— Хотите остаться в канцелярии? Ну, как знаете.— Он поглядел устало мимо лица Евгения Степановича и добавил: — Ведь я дело вам предлагаю, настоящее, большое дело. Эх, капитан!

Евгений Степанович почувствовал, что краснеет. Ему хотелось возразить Годояну. Разве он плохо делает порученную ему маленькую работу? Но в то же время хотелось, чтобы этот молодой, стремительный человек снова улыбнулся ему дружелюбно, как равному.

— Какая грузоподъемность у «Дербента»? — спросил Евгений Степанович неожиданно, сам удивляясь своему вопросу.— «Точно уж готов согласиться»,— подумал он с испугом.

Годоян усмехнулся:

— Восемь тысяч тонн брутто. Вам мало?

— Н-н-ет, не то чтобы мало, а надо же знать...— ответил Евгений Степанович, натянуто улыбаясь. В последний раз ёкнуло у него сердце от сознания, что говорит он совсем не то, что нужно. Но Годоян поднялся, протянул ему руку и пожал ее со странной поспешностью.

— Значит, по рукам! — сказал он весело.— Ну, желаю успеха. Другой бы обеими руками схватился и думать не стал бы, а вы... Эх, капитан!

Евгений Степанович улыбался, вытирая пот со лба. Покойная комната в отделе учета, сводки и цифры отодвинулись далеко назад, словно выдул их из сознания засвистевший в ушах широкий, свободный ветер.

II

Человек этот ехал издалека и от скуки заводил знакомства в вагоне. Молоденькой девушке в соседнем купе он поднес букет ранних цветов и помог уложить вещи на полку.

— Я люблю дорогу,— говорил он непринужденно, нигде не завяжешь таких любопытных и разнообразных знакомств. Дорогой вы отдыхаете, но в то же время как будто делаете полезное дело — приближаетесь к цели. От этого рассудок ваш становится восприимчивее, в вас пробуждается интерес к людям. В дороге люди становятся гораздо общительнее. Вот мы с вами еще час назад не знали друг друга, а сейчас вы слушаете меня, как будто я ваш старый знакомый. А ведь заговори я с вами на улице — вы, пожалуй, оскорбились бы. Кстати, пора нам познакомиться,— штурман Касацкий.

Они стояли у раскрытого окна вагона. На горизонте уже маячили вышки нефтяных промыслов и далекое море сверкало, как полоска стали. Штурман Касацкий вежливо отстранился, затягиваясь папиросой, чтобы дым не попадал в лицо собеседнице. Она смотрела на него с любопытством и опаской. С любопытством потому, что движения его, так же как и обороты речи, были неожиданны и быстры, и потому, что она никак не могла даже приблизительно определить его возраст; с опаской потому, что по временам он взглядывал на нее очень пристально, как бы оценивая, а когда отворачивался и смотрел в окно, ей все казалось, что он видит ее и отмечает каждое ее движение.

— Я изъездил полсвета и бо́льшую часть жизни провел в пути. Все мысли моряка устремлены всегда к конечному пункту плавания. Там начинается новая страница его жизни. Что может быть чудесней ночи в незнакомом южном порту? Вы приходите с моря,

и вас обступают береговые огни. Они отражаются в воде и струятся из глубины моря целыми потоками света. Судно приваливается к стенке набережной, вы слышите голоса, говорящие на незнакомом языке, видите причудливые силуэты зданий, купы неизвестных вам деревьев. Вам хочется поскорее углубиться в этот город, где вам суждено провести всего одну ночь. И потому, что в вашем распоряжении только одна ночь, вы чувствуете себя так, будто только что появились на свет, и чужой город для вас чудная игрушка. Уверяю вас, это совсем особое состояние — только любопытство и беззаботная легкость, ничего больше.

— Да, это, должно быть, хорошо,— сказала девушка. Она зажмурилась и облизнула полные, яркие губы.— Расскажите еще что-нибудь. Может быть, вы поэт?

Касацкий сдернул фуражку и запустил в волосы длинные пальцы. Она с удивлением отметила, что голова его совсем седая.

— В молодости я писал стихи, но... бросил,— весело засмеялся он.— Подверг себя самокритике и не одобрил. Бросил, как и многое другое, о чем и вспоминать не стоит. А вы любите стихи?

— Люблю. Расскажите еще что-нибудь. Вы будете плавать, я вам завидую.

— Напрасно. В нашем деле, как и во всяком другом, есть свои верхние этажи, есть и подвалы. Теперь мне придется спуститься в подземелье, в самую грязь. Я еду на Каспий и буду плавать на нефтевозе. Каспий — внутреннее море, там нет ни неведомых городов, ни новых рейсов. Зверская жара, берега — пустыня и огненный груз. Я назначен на «Дербент» — один из танкеров новой постройки. Это, знаете ли, пловучие цистерны гигантских размеров. Своеобразные морские ночлежные дома. Называют их так потому, что моряки не плавают на них долго и сбегают под разными предлогами. Трудно выдержать убийственное однообразие одних и тех же рейсов, во время которых обязанности распределены и заучены, как постылая пьеса. И антракты коротки — трехчасовые стоянки во время налива. Нашли чему завидовать.

— Бедный вы,— сказала девушка сочувственно.— Вы любите далекие скитания, зачем же вы едете туда?

— Да, плавать будет тяжело,— меланхолично продолжал Касацкий, словно не расслышав вопроса.—

На берегу события оглушают людей. Кто бы они ни были, каждый новый день готовит им крупицу неожиданности. Я же буду только слушать радио и изредка читать газеты. Впрочем, и для меня может быть уготовлена неожиданность в своем роде. Недавно на Каспии сгорел нефтевоз «Партизан», может быть слыхали?.. Такие-то дела...

Он говорил медленно, полузакрыв глаза, и лицо его казалось печальным. Девушка вздохнула.

— Не грустите,— сказала она, дружелюбно дотрагиваясь до его руки.

Касацкий тотчас встрепенулся.

— Сейчас я представил себе свое будущее. В большие праздники судно будет вставать у причала, и время стоянки удлинится разве что на каких-нибудь полчаса. Больше обыкновенного будет женщин на пристани. У них вся забота — мужья, да отцы, да братья, которых они видят только три часа в пятидневку. Но ко мне никто не придет. Я один.— Он помолчал.— Один — как перст... Я вам не надоел, простите?..

— Пожалуйста, продолжайте,— сказал она.— Смотрите, солнце заходит!

Солнце спускалось за бурые холмы, и тучки над ним порозовели. Девушка прислонилась к косяку окна, и ветер шевелил ее волосы. Штурман смотрел на нее сбоку пристально и пытливо.

— Так уж странно устроен человек,— заговорил он опять,— никогда не перестает он мечтать. И в море я буду мечтать о береге, как будто кто-то ждет меня там.

В купе, которое занимала девушка, стучали костями домино и громко смеялись. Оттуда выглянул темнолицый парень и крикнул:

— Женя, идите к нам. У нас весело.

Девушка ответила с неудовольствием:

— Нет уж, играйте одни!

Касацкий торопливо сказал:

— Не пройтись ли нам выпить чего-нибудь? Здесь так жарко.

Они прошли несколько вагонов молча. На сцепных площадках он поддерживал ее, крепко сжимая руку выше локтя. В ресторане он потребовал вина и папирос. Она спокойно выпила бокал. Он спросил ее, кто она такая. Она улыбнулась.

— Я студентка Нефтяного института. Собственно говоря, я уже инженер.

По его лицу прошло что-то вроде нетерпеливой судороги. Несколько минут он как бы собирался с мыслями.

— Техника...— сказал он,— как она изменяет лицо, дух профессии. Возьмите хоть мою профессию моряка. Парус изобрели люди бронзового века. По-видимому, это была козья шкура, натянутая на деревянную крестовину. Эти люди были смелыми моряками. Их ремесло было невероятно трудным и, наверное, казалось им увлекательным. Парусное судоходство развивалось не одну тысячу лет, и это был все тот же парус, который всецело зависел от воли ветра. Люди боролись со стихией, и море было для них таинственным, грозным существом. Оно кормило, выбрасывало на берег сокровища, иногда убивало. Жизнь моряка всегда была окутана дымкой романтических приключений. Но вот английский механик Фультон поставил на парусную шхуну паровой двигатель. Суда стали ходить против ветра. Они были еще неповоротливы и двигались, как черепахи. Гребной винт напоминал штопор. Предполагалось, что такая длинная штука будет лучше ввинчиваться в толщу воды и тянуть судно.

Однажды случилась авария, и от винта откололись куски нарезки. Это случилось в открытом море, и чинить было невозможно. Работать пришлось на остатке винта, и... судно увеличило скорость почти вдвое. Так появились лопастные винты. Море начало сдавать позиции одну за другой. С появлением радиосвязи исчезли тайны кораблекрушений. Стоит посмотреть сейчас на наши танкеры. Назвать их кораблями как-то не поворачивается язык. Скорее фабрики скорости, транспортные средства. Чтобы потопить их, нужен не шторм и не ураган, а целая метеорологическая катастрофа. И плавающий состав на них — не матросы, капитаны, штурманы, а рабочие, техники, инженеры. Со времени Фультона не прошло и ста лет, а море уже потеряло власть над людьми. Каково!

Касацкий пил вино, и глаза его блестели. Он видел, что собеседница ловит каждое его слово, чувствовал обаяние своего точного, послушного языка. Он вспомнил темнолицего парня в купе и усмехнулся. «Татарин, наверное»,— подумал он.

— Вас ждут ваши спутники,— сказал он внезапно,— может быть, вы хотите вернуться?

Она покачала головой.

— Нет, рассказывайте. Вы говорили о духе вашей профессии. Он изменился? Исчезла романтика?

— Да. Техника мореплавания создавалась сначала руками моряков. Все они жили в море, любили его и в конце концов, вероятно, захлебнулись соленой водой. А вот немецкий инженер Дизель едва ли плавал по морю иначе, как в каюте первого класса. Это не помешает «Дербенту» при помощи дизель-моторов развивать до тринадцати миль на полном ходу. Модели судов испытываются сейчас в специальных лотках, установленных в лабораториях. Там искусственно создаются водяные течения, игрушечные волны. Может быть, люди, сидящие в лабораториях, никогда не видели настоящего шторма, не боролись с ним и не испытывали на себе его ударов. И все-таки транспортные средства, которые проектируют они, не боятся штормов. Романтика моря ютится теперь на рыбачьих шаландах, и ею наслаждаются разве только туристы из континентальных городов. А жаль, знаете!

Он допил вино и отодвинул стакан.

— Я с вами не согласна,— вдруг сказала девушка.— На парусных судах люди несут тяжелую, неблагодарную работу. Они не могут совладать с морем и рады, когда им посчастливится выйти сухими из воды. Это и есть их романтика, по-моему. Только ведь это минутная радость, а будни у них тяжелые и скучные. Мне больше нравится романтика достижений. Подводники достают корабли со дна моря. Ледоколы идут в Арктику. Это жизнь! Главное, нет границ человеческим возможностям. Сегодня на дне моря, завтра под океаном или на Северном полюсе. Может быть, это сделаю я... или вы. Почем знать? Нет, борьба с природой только еще разгорается. Сколько впереди побед! Как вы говорили о винтах, мне очень понравилось. А потом вы все испортили,— закончила она с ласковой гримасой.

Касацкий опустил голову.

— Вы правы,— сказал он со смирением,— я грубый и невежественный моряк и только...

— Э, нет. Вы очень толковый, очень! Только романтику вы видите не там, где надо.

Они помолчали, взглянули друг на друга и засмеялись.

А в купе, которое занимала девушка, продолжали играть в домино. Темнолицый парень с силой ударял ладонью по скамье, выбрасывая кости. Удары звучали резко и оглушительно, как выстрелы.

— Потише бы, Гусейн,— мягко сказал старичок, разложивший перед собой кости в виде забора,— может быть, спят рядом, а вы...

— Ни черта не видно,— сказал парень, смешивая кости.— Темно. Надоело.

Он поднялся, сплюнул в окно и сел на место.

— Послушайте,— заговорил он, придвигаясь,— вы ведь доктор, кажется. Верно?

— Ну, доктор.

— Вот и скажите мне, доктор, что такое запой!

— То есть какой запой? Алкоголизм, что ли?

— Ну, пусть алкоголизм, все едино. Но что это такое? Болезнь или нет?

Доктор погладил бородку.

— Безусловно да. Привычка организма к алкоголю идет рука об руку с отравлением, перерождением тканей. Тяжелая болезнь. И она передается по наследству, заметьте!

— А как лечат от этой болезни?

— К сожалению, есть только одно верное средство,— сказал доктор улыбаясь,— бросить пить.

— Хорошее средство.

Парень вытянул ноги, прислонился к стенке и затих. Он докуривал папироску, и в темноте казалось, что он держит в зубах уголек.

— А вы запиваете, стало быть? — полюбопытствовал доктор.

— Предположим.

— Бросьте, Гусейн. Обязательно бросьте!

— Будьте покойны...

Замолчали. Доктор посидел немного и полез за корзинкой с провизией. Аккуратно разложил на коленях газету и вытащил крутые яйца, хлеб, цыпленка. Нащупал бутылку с водкой, но оставил ее и быстро закрыл корзинку.

— Славная птичка,— сказал он, прожевывая цыпленка.— Хотите кусочек?

— Не хочу,— отозвался Гусейн.— Слушай, доктор.

— Ну?

— Можно ли судить человека за то, что он болен?

— Не понимаю.

— Очень просто! Вы, например, запойный, или, по-вашему, алкоголик, сделали два-три прогула, и вот вас судят общественным судом с обвинителем за красным столом и все такое. Правильно это?

— М-м... Правильно, конечно. То есть я говорю вообще. Видите ли, Гусейн, алкоголизм мы называем болезнью в том смысле, что он сопровождается болезненными явлениями, отравлением организма и так далее. Но от вас зависит положить этому конец, перестать употреблять алкоголь. Если вы этого не делаете и вдобавок нарушаете дисциплину, вас судят. Судят не за то, что вы больны, а за отсутствие воли к выздоровлению. Понимаете?

— Очень просто!

— Вы живете в коллективе, Гусейн, а в коллективе отсутствие доброй воли часто равносильно преступлению. Вы должны были сделать, но не сделали,— преступление, так сказать, пассивное, но... преступление.

— Довольно. Все ясно!

— Уж вас не судили ли, чего доброго?

— А пожалуй, что и так!

— За что же?

— Да все за это.

Гусейн поднялся, и его большое тело заслонило окно. В купе стало темнее.

— Осудили меня крепко,— сказал он спокойно.— Вышибли из комсомола, списали с корабля. Что я теперь? Меченый люмпен...

— Не говорите вздора,— сказал доктор строго.— Как это случилось?

— Да просто. У меня, доктор, это вот как бывает. Работаю месяц или два, а то и три, думать забуду, как оно пахнет, спиртное. Потому что я знаю за собой эту слабость и говорю себе: цыц! Но все-таки она сидит во мне, болезнь моя. Сидит и ждет той минуты, когда я ослабею и не смогу удержаться. Потому что бывают у меня состояния, когда я сам собою недоволен и когда мне кажется, что и другие на меня смотрят волком. А ведь без столкновений не проживешь ни в дружбе,

ни в работе. Вот и кидаешься на людей. И все-то делается противным, безнадежным.

— Так это нервы. За что вас судили?

— Извольте! Я ведь судовой моторист. Машина на судне — первое дело, и я человек нужный. Машину я знаю как практик, по опыту, по привычке, не то что судовой механик. Тот сначала учился, изучал машину по книге, а потом уже получил практику. Мне бы тоже интересно узнать, что к чему, да как узнаешь? Механик говорит: делай. Мое дело — исполнять. Привязался я к нему как-то: почему да отчего? Он оборвал: делай, не разговаривай! Не нужно ему, чтобы я знал, когда он сам знает и на себя надеется. А меня заело. Почему он свои знания при себе держит? Кажется мне, что я не хуже его понимать могу. Поругались мы на стоянке в порту. Тут эта самая минута и подошла... Одним словом, потребность запить. Я и запил моментально.

— И на судно не вернулись?

— Не вернулся. Я как в духан залез, мигом налился и стал зверем. Пьяный — я нехороший, свободно могу обидеть человека. К тому же у меня сила чрезмерная, знаете... Товарищи начали уговаривать, и вышла пьяная буза — вспоминать не хочется...

— Прибили, что ли, кого?

— Да, было и это. А судили меня уж потом, когда судно обратно вернулось. В красном уголке всю команду собрали и меня посадили отдельно, как полагается. Помполит обвинителем был... «Он, говорит, льет воду на мельницу классового врага». Это я-то! Говорил он много, но мне ничуть не стыдно было, и я еще больше озлился, так что и защищаться не захотел... А стыдно мне стало только вот теперь, сейчас...

— Почему же теперь?

— Да как-то вы толково объяснили. Обыкновенный человек! Ножку цыпленка гложете... А так объяснили!

— Чудак-человек,— улыбнулся доктор.— А куда вы едете, позвольте спросить?

— Поступаю на новый теплоход «Дербент». Отдел кадров посылает. Думают, что я на новом месте брошу пить. Я обещал, мне что ж...

— Надо бросить, обязательно надо,— сказал доктор покашливая,— необходимо взять себя в руки.

— Ладно. Вы тогда хорошо сказали. Лучше не скажешь... Хватит...

Над ними вспыхнул свет. Гусейн стоял посредине купе, заложив руки за спину. Он был грустен и словно прислушивался.

— Куда-то Женя исчезла,— сказал он.— Неужто все с этим долговязым?

— Нравится? — спросил доктор улыбаясь.

Гусейн молча наклонил голову и вышел в коридор...

Поезд подходил к станции. На темном небе огни нефтяных вышек мигали, как звезды, крупные и желтые. Женя, на ходу оправляя волосы, быстро прошла по коридору. Завидев Гусейна, она остановилась и повернулась к раскрытому окну. Он видел, что она вытерла глаза носовым платком. Тогда он подошел к ней и стал сзади.

— Дайте на вас посмотреть,— сказал он грубовато.— Случилось что-нибудь, Женя?

— Оставьте,— сказала она тихо,— пройдет... Я не хочу, чтобы заметили...

Гусейн взял ее за руку.

— Никто и не увидит, здесь темно. Он к вам приставал, да?

— Ничего,— она яростно высморкалась.— Такой подлец... Только, пожалуйста, молчите!

— Я вас позвал тогда, а вы не пошли,— сказал Гусейн укоризненно.— Где же он теперь?

— В тамбуре стоит... Но вы не вздумайте сказать ему что-нибудь...

— Не скажу.— Гусейн вынул из кармана медный пятак и подбросил его на ладони.— Знаете что? Идите себе в купе, как будто ничего не было. Понятно?

Она взглянула на него пристально.

— Вы хотите что-то делать?.. Гусейн...

— Изуродую его, как бог черепаху,— сказал он тихо и озабоченно,— только и всего.

— Вы с ума сошли!

— Ничего подобного...

— Не смейте!—Она вцепилась в его рукав и отчаянно зашептала: — Я вас умоляю, я кричать буду, если вы...

— Чего вы волнуетесь? — сказал Гусейн удивленно.— Если вам неприятно, я не трону его. А не мешало бы.

— Нет, нет, я вас прошу. Что за дикость! Я чуть было сама не ударила его.— Она повела плечами.

— Жалко, что не ударили...

— Нет, теперь я довольна, что удержалась. Вырвалась и ушла.— Она заговорщицки приблизила к нему лицо.— Сейчас вы меня больше испугали. Дикарь этакий! Только не отходите от меня, он может прийти.

Гусейн покосился и рассеянно поиграл пятаком. Она стояла рядом и разглядывала его с интересом.

— Послушайте,— сказала она, наконец,— зачем вам вдруг понадобилась эта монета?

— Эта? — Гусейн раскрыл ладонь и тотчас, сжав кулак, сунул ее в карман.— Это обыкновенный пятак...

— Вижу,— с усмешкой сказала Женя.

— От него удар тяжелее...— неохотно пояснил он.

Девушка округлила глаза и вдруг прыснула хохотом. Она хохотала, отвернувшись к окну и закрыв лицо руками. Нахохотавшись, она вздохнула и закусила губу.

— Простите,— шепнула она, силясь подавить смех,— это что-то невозможное, вы просто потрошитель какой-то.

Потом она сразу стала серьезна и горячо сказала:

— Все-таки я благодарна вам — вы хороший товарищ. Теперь мы выйдем вместе, и вы поможете мне нести вещи. Как славно, что мы познакомились! Через несколько дней мы можем встретиться с вами. Хотите?

— Хочу,— пробормотал Гусейн; он осторожно освободил руку и оглянулся.— Кажется, идет кто-то.

Штурман Касацкий шел по вагону, тихонько посвистывая. Теперь, при вечернем освещении, он казался моложе и стройнее. Он шел, четко выбивая каблуками размеренные шаги и картинно развернув плечи. Поровнявшись с Гусейном, он посмотрел ему в глаза светлым, наивным взглядом. «Не вышло,— казалось, говорил этот взгляд,— попробуй ты теперь. Не зевай, малый».

— До чего нахальный, бесова морда! — сказал Гусейн, провожая его глазами.— Кто он такой, интересно?

Поезд пронесся между длинными рядами товарных вагонов, грохоча колесами на стрелках. В окнах замелькали вереницы огней, черные колонны перегонных печей, окутанные клубами дыма. Касацкий сидел у дверей на чемодане.

— Степь, жара и дым,— говорил он проводнику.— Где же цветущий край? Теперь вот извольте: копченый город. Чистейшее надувательство эта экзотика.

Он наслаждался угрюмым молчанием проводника и оглядывал пассажиров смеющимися быстрыми глазами.

Женя, украдкой наблюдавшая его, шепнула Гусейну:

— Этому человеку ничуть не стыдно, сейчас он глядел на меня и улыбался. Знаете, я его боюсь...

III

В ту ночь, когда новый танкер «Дербент» впервые встал у причала в нефтегавани, а будущий капитан его, Евгений Степанович Кутасов, последний раз ночевал дома, в ту самую ночь на приморском бульваре бесцельно прошатался до рассвета вновь назначенный механик «Дербента» Басов.

С виду был он как будто немного пьян и очень задумчив. То подходил к воде и зажигал папиросу, то садился на скамью и подолгу глядел на звезды сквозь ветви акаций.

Перед рассветом, когда погасли огни на рейде и месяц утонул в море, он облокотился о парапет набережной и сплюнул сквозь зубы в плеснувшую волну.

— Поломалась жизнь,— сказал он тихо,— неудачная жизнь... Неудачник.

И он копался в памяти, восстанавливая обрывки прошлого и стараясь найти причину своего несчастья. Он думал о людях, которые были ему близки и из которых у него теперь никого не осталось. И трудно ему освоиться с мыслью, что все они живут здесь, в этом городе, а все-таки ему некуда пойти и он вынужден коротать ночь на бульваре...

Вот инженер Яков Нейман. Как улыбался он в те дни, когда встретились они впервые в доках. Был тогда Нейман весел, краснощек и речист, голос его, как удары гонга, звонко гудел по причалам.

Сблизились они во время зимнего судоремонта. Зимою в доках становилось тревожно. Суда десятками вставали на ремонт и забивали причалы. Цехи работали в три смены, по площадкам и подъездным путям слонялись штурманы, капитаны, механики судов. Они угощали папиросами обалдевших от усталости инженеров, заговаривали на третьем слове о том, нельзя ли вне очереди протолкнуть заказ.

Бригаду Басова бросили на ремонт двигателей большого танкера. После гудка бригада собралась на палубе. Поджидали запоздавшего инженера доков Неймана. Механик танкера ходил вдоль борта, поглядывая на причал. Басов видел, что механик сердится на Неймана за вынужденный простой и готов перенести свое раздражение на него, Басова.

Нейман явился на судно через два часа. Тяжело волоча ноги, взошел он по сходням и опустился на кнехт.

Басов нагнулся к нему и заглянул в лицо.

— Ты больной, не можешь работать,— сказал он озабоченно,— ишь у тебя губы белые... А мои люди без дела сидят. Как же быть?

Он помолчал, слушая, как тяжело дышит Нейман. Басова томило желание взять на себя ответственность, только бы действовать немедленно.

— Я возьмусь сдать заказ,— сказал он быстро,— все будет в порядке. Горшки-то не боги обжигают.

Инженер с трудом расклеил воспаленные веки.

— Ой ли? Не напорешь, милый? — Он смутно оглядел стоявшего перед ним Басова с сомнением и надеждой.— Ведь ты недавно работаешь.— Он помолчал, но, видимо, ничего не придумал.— Ну, берись...— сказал он и ушел.

Бригада спустилась в машинное отделение. Пока сборщики снимали дефектные части, Басов успел сбегать на буксир, поставленный в ремонт у соседнего причала. Там бригадир Бронников тоже ожидал инженера Неймана.

— Нейман заболел,— сказал Басов.— Дефектная ведомость у тебя? Тогда раздевай двигатель. Сами сдадим заказ.

Бронников всплеснул руками.

— Кажется, ты с ума сошел. Я буду подменять инженера? Как это, помилуй!

— Да ведь не стоять же ремонту,— сказал Басов нетерпеливо.— Эй, черт, думай скорее! Заячья у тебя душа, Брони.

Возвращаясь к себе на танкер, он видел, как бегает по причалу Бронников, собирая слесарей. Сам он уже не сомневался, что справится с заказом. Его беспокоило то, что у Бронникова мало людей и он как будто боится чего-то и потому может напутать.

Когда дефектные детали были сняты, Басов пошел в технический отдел. Но оказалось, что все конструкторы заняты и некому взяться за составление чертежей.

— Ну нет у меня людей,— говорил начотдела, разводя руками,— нету, и все. Разговор окончен! — Он попытался обойти Басова, загородившего ему дорогу.

Басов посмотрел на его раздраженное лицо и пожал плечами.

— Дайте мне бумаги, я сам составлю эскизы,— сказал он твердо.— Не стоять же ремонту!

На танкер он вернулся со свертком бумаги и расположился в свободной каюте. Прибежал с буксира Бронников. Он находился в злобном состоянии, в каком бывает человек неуверенный, но поддавшийся на уговоры.

— Что мне делать с этой кучей деталей? — накинулся он на Басова.— Техотдел не хочет составлять чертежей.

— Мы сами составим,— сказал Басов, кнопками прикалывая лист бумаги к доске.

Он незаметно наблюдал Бронникова, стараясь казаться равнодушным. В действительности он сам волновался.

— Ты рехнулся,— злобно сказал Бронников,— с тобой влезешь в историю, ей-богу!

— Ты будешь проставлять размеры,— спокойно ответил ему Басов.

Они работали до глубокой ночи. Бронников притих, ходил снимать размеры деталей, бегал в магазин за съестным.

Когда они кончили и вышли из каюты, было темно и на черном небе горели яркие зимние звезды. Из освещенных окон корпусов, где помещались мастерские доков, струился густой дрожащий гул. На высоких и темных палубах судов то здесь, то там вспыхивали зеленые искры сварки.

— Не надо сдавать без Неймана,— сказал умоляюще Бронников и схватил Басова за руку,— беды наделаем. Брось, Саша.

Он уже не злился и не досадовал на себя, но весь был полон ожидания возможной неприятности. Басов обнял его за талию.

— Ты забыл наши учебные проекты,— сказал он насмешливо.— Мы сдавали их храбро, потому что

они не шли в дело. Но неужели мы ничему не научились?

Они сдали чертежи в цех и расстались у ворот завода...

Нейман явился на завод в тот день, когда цех выдал бригадам готовые детали. Он был еще бледен и, зябко потирая руки, все подставлял лицо солнцу.

— Отвалялся я,— весело сказал он Басову.— Как дела на танкере?

— Технический отдел был загружен,— ответил Басов,— мы сами провели заказ.

— Молодцы! Ну, посмотрим их скорее и сдадим.

— Я сдал их в тот же день. Сегодня выдадут детали.

Нейман сосредоточенно посвистал, искоса поглядел на Басова и чем-то неуловимо стал похож на Бронникова, когда тот волновался.

— Часть деталей, вероятно, еще не успели расценить? — спросил Нейман тихо, и Басов понял, что скрывалось за этим осторожным вопросом: «Уверен ли ты в себе? Может быть, еще можно приостановить? Что, если ты ошибся?»

— Я же говорю, что сегодня будут готовы,— сказал Басов.— Цех обещал выдать к двум часам.

«Не вмешивайся,— отвечал он Нейману,— все знаю и хочу рискнуть».

Нейман понял. Он хлопнул Басова по плечу, и лицо его прояснилось.

— У меня куча дел накопилась в управлении,— сказал он весело,— ты один проведешь сборку. Хорошо?

К обеду цех выдал детали, и бригады приступили к сборке. Басов наблюдал за работой. Ему показалось, что можно по-новому расставить людей. В бригаде у Бронникова был невыход на работу — Басов направил ему часть своих сборщиков. В машинном отделении стало свободно.

Подняли первый поршень, он повис на цепях — шестерни заели. Басов распорядился опустить поршень на решетку, полез на балки и заставил промыть шестерни керосином. Он лично осматривал каждую деталь, вымазался в машинном масле и вспотел. Но казалось, что он вовсе не торопится, так спокойно делал он все.

Сборщики хмурились, но повиновались молча. Когда потащили первый поршень, Басов посмотрел на часы. На кране работали трое и как будто мешали друг другу. На двигателе, наоборот, люди суетились — их было мало.

Поршень опустили и завинтили крышку. Басов позвал одного из работавших на кране и послал его вниз помогать укреплять шатун. Сборщики посмеивались: хронометраж, а не сборка.

Подняли второй поршень. Каретка крана быстро катилась по балкам. Сборщики торопились. Их раздражали остановки, они боялись, что заработают мало. Басов проследил всю операцию крепления шатуна. Она заняла десять минут.

С третьим цилиндром покончили в восемь минут. Сборщики работали молча, с какой-то небывалой сосредоточенностью.

В машинное отделение пришел Нейман. Он стоял, наблюдая за работой, и не окликал Басова.

Ставили распределительный вал и другие детали, требующие тщательной пригонки. Басов опять по-новому расставил людей. Теперь он сам почти не прикасался к работе, чтобы иметь возможность наблюдать и руководить. Потом он увидел Неймана, поднялся наверх и подошел к нему.

— Ты видел, как я расставил их? — спросил он торжествуя.

Нейман посмотрел на него ласково и любовно.

— Я мог бы не приходить совсем,— сказал он.— Орджоникидзе говорит, что лучшая организация там где не существует незаменимых людей. Это верно.

Басова тронула похвала, но он понял, что Нейман не заметил главного: сборку провели быстрее обычного.

Ему хотелось рассказать Нейману о своем опыте. Но Нейман торопился.

— Тебе следует сходить на буксир к Бронникову,— сказал он озабоченно,— там задержались.

В техникуме преподаватель физики говорил Басову:

— У вас светлая голова, но вы слишком практичны.

Басов не возражал. Он сам чувствовал, что в нем не хватает чего-то, может быть — терпения... Когда читались лекции на отвлеченные темы, ему становилось не по себе, словно всем существом ощущал он без пользы уходящие минуты. Зато на лекциях по теплотехнике или по деталям машин он ловил каждое слово. Это бы-

ло как раз то, чего недоставало ему до техникума, когда он плавал на судах мотористом. Двигатель терял свою пугающую непостижимость, становился прост и понятен.

В доках его внимание привлекали процессы труда. Его интересовала последовательность операций при производстве деталей, и он иногда подолгу задерживался в цехах.

Точатся на станке поршневые кольца, и Басову кажется, что можно сделать быстрее и сэкономить материал, если поставить на станок два резца.

Заливают монтеры кабельную муфту — и опять ему кажется, что можно придумать, как заливать скорее и проще.

Однако порой то, что на первый взгляд выглядело простым и случайным, оказывалось продуманным до мелочей. Приемы создавались годами, и всякая попытка изменить их наталкивалась на затруднения. Он задавал мастерам вопросы, и они перемигивались за его спиной: «молодо-зелено», «скороспел виноград». На время он сдавался, чтоб наново пересмотреть,— и снова пытался перестроить так, чтобы сберечь время.

Басов часто думал о том, что улучшить работу может легче всего рабочий, который стоит у станка, но рабочие не знают теории резания, не знают, зачем нужны те детали, которые они делают на станке. На заводе многие рабочие любят подержать в руках книгу и листают ее с бессильной завистью бедняка у витрины дорогого магазина. Некоторые начинают учиться, бросают производство и больше на завод не возвращаются. Завод теряет лучших людей, а на смену им выдвигаются новые, из чернорабочих. И Басов думал, что лучше всего было бы учить людей на заводе.

Однажды он зашел в кабинет Неймана. Инженер был как-то особенно оживлен. Он отложил чертежи, усадил Басова на стул.

— Я только что с пленума райкома,— сообщил он,— постановили охватить учебой все цехи завода. Нам предстоит большая работа.

Он ходил по комнате, и от его полнокровного голоса гулко звенел потолок.

— Я им сказал: что же получается, товарищи? Комсомольцы из цеха лезут в обеденный перерыв на суда, чтобы посмотреть, куда идут детали, а меха-

ники гоняют комсомольцев, потому что им не до объяснений. Технический отдел наврет в чертежах, а цех выполняет под копирку какую угодно галиматью. А потом сборщики проклинают и конструктора и цех, да перед самой сборкой немилосердно калечат деталь — «нехай, как-нибудь влезет». Тут, говорю, дисциплинарные взыскания не помогут. Не выговоры нужны, а техническая культура. Учить надо...

Он передохнул и закончил торжествующе:

— Одним словом, учить будем.

Басов хотел сказать, что он уже думал об этом, но промолчал. Его интересовало, как удастся организовать техучебу на заводе. Среди рабочих были способные и тупые, культурные и малограмотные. Учить их скопом казалось немыслимым. Через несколько дней ему предложили организовать учебу сборщиков, он согласился: если райком считает учебу возможной, почему не взяться за это ему — Басову?

По вечерам на клубной сцене за красным столом заседала комиссия. Яков Нейман, в папахе и козловых сапогах, похожий на опереточного разбойника, вызывал поодиночке сборщиков. Они выходили из глубины зала, останавливались у стола, и на лицах их пятнами горел румянец. Неудачный ответ вызывал гул в зале, из передних рядов доносился шепот подсказки, и Нейман позвякивал пробкой о край графина.

Здесь происходила сдача техминимума — удивительная кампания, надолго зарядившая Басова бодростью и счастливой уверенностью. Он сидел рядом с Нейманом, напряженно вглядываясь в лицо каждого отвечающего, всей душой боясь, что тот оробеет или потеряет нить мысли. Но сборщики отвечали бойко и, словно ожидая еще вопросов, не торопились садиться на место. Басов просидел за красным столом много вечеров и не уставал наблюдать знакомые, но по-новому возбужденные, словно изнутри освещенные, лица рабочих.

Скоро на заводе заговорили о предложении токаря Закирия Эйбата. Басов уже знал его.

Маленький азербайджанец, почти мальчик. Он приходил на занятия сборщиков — худенький черный человечек с курчавой шапкой волос на голове, задавал Басову вопросы, иногда спорил. Один из первых сдал

он экзамен на «отлично». После экзаменов пришел на теплоход, где работал Басов.

— Дело есть,— сказал он таинственно,— такое дело...

Он волновался, глаза его блестели. Басов взял его под руку.

— Ну, пойдем погуляем,— сказал он дружески.— В чем дело, Закирия?

— Знаешь, я вчера удвоил скорость обработки на станке,— сказал Закирия взволнованно.— Взял более толстую стружку. И прекрасно вышло. А мастер увидел и раскричался: «За длинным рублем гонишься, станок мне угробишь!»

— Спокойней, Закирия,— сказал Басов.— Мы это уладим...

— А еще я придумал, как обрабатывать поршни. Мы ведь поршень зажимаем в кулачки, головку его подпираем центром задней бабки. Вот и выходит, что донышко неудобно обрабатывать по шаблону, когда центр уже закреплен. Я освободил головку от нажима. Рассчитал все, зажал сильнее поршень. Замечательно хорошо получилось. Теперь мне нетрудно выбрать донышко по шаблону, понятно? Раньше я за шесть часов один поршень обрабатывал, а теперь я два с половиной делаю. Это пока не заметили, и ты молчи смотри.

— Почему молчать?

— Ах, ты не знаешь нашего цеха. Опять скажут — угробишь станок, и выйдет скандал.

Басов потемнел и швырнул папироску за борт.

— Ты говоришь так, словно обокрал кого-то,— сказал он возмущенно.— Сволочь ваш мастер. Погоди, я поговорю с Нейманом.

К Нейману Басов пошел в конце дня, когда в кабинете были люди. Бронников рассказывал что-то, заливаясь мелким шуршащим смешком, и Нейман вторил ему раскатистым хохотом.

Басов сел на стул.

— Безобразия творятся в механическом цеху,— сказал он раздраженно.— Мастер Лухнов устраивает истерики рабочим за то, что они повышают производительность труда. Ты послушай-ка.

Припоминая все подробности разговора с Эйбатом, он рассказывал медленно. Нейман еще улыбался благодушно, но в комнате водворилась тишина и люди слушали как-то настороженно.

— Ведь правильно парень рассчитал,— говорил Басов.— Освободить головку от зажима — и выбирай по шаблону. Это обязательно надо внедрить. А мастеру накрутить хвост, чтобы не гадил.

— Постой, постой,— перебил Нейман; он перестал улыбаться, и лицо его приняло то сухое, настороженное выражение, какое у него бывало, когда он выслушивал претензии заказчиков.— Я уже слышал об этом. К твоему сведению,— он строго посмотрел на Басова,— мастер Лухнов не гадит, а учит людей дисциплине. Твой изобретатель мог погубить станок. Прикажешь мастеру идти к нему на выучку что ли? — Вот, не угодно ли,— обратился он к Бронникову,— кажется, с техучебой попали в другую крайность. Они теперь нам на шею сядут в погоне за рублем. И у них есть защитники! — Он кивнул головой в сторону Басова.

— Черт знает что ты говоришь! — сказал Басов, раздувая ноздри.— Администрация в панике от того, что рабочие начали шевелить мозгами. Ты прости, но это какое-то мракобесие, трусость...

Он оглянулся кругом, ища сочувствия. Но лица присутствующих не только были безучастны, на многих выражалось даже какое-то брезгливое недоумение, точно Басов сделал неловкость.

— От этих рационализаторов одно беспокойство,— заговорил Бронников мягко,— порох хотят изобрести. Насчет обработки поршней есть указания в литературе. Почитай-ка,— обратился он к Басову.— И мы ведь тоже не первый год работаем. Освободить головку! Да кто же так делает?

Нейман смотрел в окно и барабанил по столу. Вдруг он обернулся и побагровел.

— Обвинять меня в трусости ты не имеешь права! — загремел он запальчиво.— Сначала поработай с мое!..

— Да я тебя и не обвиняю,— с тоской сказал Басов.— Только мне дико как-то все, что вы говорите...

Он поднялся и побрел к двери. Он не понимал, почему так враждебно молчали за его спиной, и испытывал такое чувство, точно с разбегу налетел на стену.

IV

Итеэры завода устраивали вечеринку. Басов вернулся домой поздно и едва успел переодеться. Второпях нацепил он на шею яркий галстук бабочкой, второпях же для этой вечеринки купленный. Он чувствовал, что галстук не совсем хорош, но ему было все равно. Проходя мимо подъезда гостиницы, он на секунду остановился у зеркала, и не по себе ему стало. Костюм его оказался нелеп и безвкусен, но он тут же выпил пива в киоске и развеселился. На Морской купил огромный цветок и воткнул его себе в петлицу.

Бронников встретился у входа. Он удивленно оглядел Басова, но ничего не сказал. Бронников был в высоких сапогах и спортивном костюме, белый воротничок красиво оттенял его юношески стройную шею.

В комнатах было много народа, пахло духами и съестным. Нейман, с выражением скуки теребя свою бороду, сидел у стола. Басов подумал, что хорошо бы воспользоваться случаем и еще раз заговорить о предложении Эйбата.

Девушка в белом платье расставляла на столе посуду. Выпрямившись, она отбросила волосы быстрым движением головы. Лицо ее показалось знакомым Басову. Он подошел к ней, протянул руку, и она назвала себя — Белецкая. Он понял, что никогда не видел ее раньше.

Он как-то забыл вдруг о Неймане и о предложении Эйбата. Сел у стены, чтобы глядеть на нее сбоку. Случайно тронув подбородок, он наткнулся на галстук-бабочку и испуганно отдернул от него руку.

Еще до техникума, плавая машинистом, он наклеил на крышку своего сундука маленький, из газеты вырезанный, портрет. Может быть, то была актриса или какая-нибудь кинозвезда. Ребята в кубрике написали под фотографией похабное слово, и он набросился на них, словно был влюблен в эту женщину. Потом фотография намокла во время шторма, и ее пришлось выбросить...

Когда девушка в белом наклоняла голову, она походила на ту, с фотографии. Впрочем сходство было не в чертах ее лица, а, казалось, в самом его ощущении. Он не спускал с нее глаз, и она покосилась в его сторону, и спокойные брови ее шевельнулись. Бронников потянулся через стол и взял ее руку. Она вырвала руку

и засмеялась. Нейман, обращаясь к ней, звал ее просто Мусей. Басов испытывал к Бронникову и Нейману неприязнь.

Когда все встали и пошли к столу, он машинально двинулся за ее белым платьем, но по правую руку от Муси сел Нейман, по левую — Бронников. Нейман, задумчиво пожевывая губами, налил себе водки. Бронников склонился к Мусе и зашептал. Под столом громко скрипели его высокие сапоги.

Вечеринка была самая обыкновенная. Сначала были тихие разговоры и стук посуды, но понемногу все заговорили громко и перестали слушать друг друга. Женщины отказывались от вина, их уговаривали.

Нейман медленно выпивал рюмку и, положив подбородок на широкую ладонь, сочувственно и нежно рассматривал говоривших. Бронников, закинув руку за спинку Мусиного стула, как бы обнимал ее. Она с любопытством, плохо слушая Бронникова, оглядывалась вокруг, потом вдруг с улыбкой оборачивалась к Бронникову, будто бы извиняясь за свое невнимание. Басову казалось, что они сидят слишком близко друг к другу и что под столом колени их непременно соприкасаются. Сам он пил машинально много, быстро пьянел и все глядел на нее. Один раз Муся взглянула на него пристально и твердо, словно приказывая не смотреть, отвернуться. Он отвернулся.

Почему-то все поднялись и стали чокаться. Тогда он быстро вышел в другую комнату, где было полутемно, нащупал завязку галстука и рванул ее с яростным наслаждением. Пуговица отскочила и покатилась по полу. Он вытащил из петлицы цветок и смял его в кулаке. У него кружилась голова и горечь подступала к горлу. Успокаивая себя, он подумал, что через шесть часов будет на заводе. Надо зайти в партком насчет предложения Эйбата. Но эта мысль, вызванная насильственно, не принесла ему облегчения и растаяла. В соседней комнате была девушка Муся, у нее быстрые неласковые глаза, белая кожа и сильные плечи физкультурницы. Бронников нагибался к ней, и об этом больно было вспоминать.

Когда он вернулся в общую комнату, за столом остался только Нейман. Танцующие пары кружились по комнате. Конструкторы Бейзас и Медведев затеяли брудершафт и громко кричали. Они давно были со всеми на «ты», просто им хотелось целоваться. Муся спо-

койно клала им руки на плечи, и они целовали ее. Она взглянула на Басова и усмехнулась — ничего не поделаешь, так полагается. Он медленно кружил по комнате, чтобы быть поближе к белому платью. Как-то они очутились рядом на подоконнике. Мусины глаза ярко блестели из-под ресниц.

— Вот вы какой, Басов,— сказала она негромко.— Мне рассказывал о вас Яша Нейман. Яша редко кого хвалит. Он говорит, что вы изумительный работник. Только я вас совсем иначе себе представляла.

Басов сказал с усилием:

— Не знаю, что имел в виду Нейман. Я обыкновенный механик. Такой, как Бронников.

Муся покачала головой.

— Нет, Яшка знает. Он очень грубый, Яшка Нейман, но я с ним дружна... А почему вы так смотрели на меня за столом? Мне было неловко.

Было жарко, она, наверное, была немного пьяна и говорила медленно, словно изнемогая.

— Я работаю на радиостанции пароходства. Собственно, мы ведь тоже моряки, только служба связи. Говорят, нас оденут в морскую форму. Пойдет мне форма, как вы думаете?.. Ну, расскажите мне о себе!

— Не знаю, что и рассказывать,— сказал Басов.— Правда, я самый обыкновенный человек. Но у нас есть чудесные ребята. Вот, например, Закирия Эйбат, азербайджанец.

Ему было очень интересно ей рассказывать.

Она слушала, склонив немного набок голову, и вдруг по-детски всплеснула руками:

— У тебя рубаха рваная, с мясом пуговица вырвана. Эх, ты-ы,— и она тронула руками его шею. Руки были сухие, горячие, и он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть ее. Она сказала ему «ты», конечно, незаметно для себя.

— Я целый вечер смотрел на тебя,— сказал он тихо,— и боялся подойти. Со мной это впервые, честное слово.

— Правда? Ну, а я себе сказала: он подойдет. И нарочно села сюда одна, чтобы так вышло.

Он задернул портьеру, стараясь сделать это незаметно. Муся шепнула: «Увидят». Они остались одни в полутьме. В окно падал желтыми пятнами свет уличных фонарей. Ему удалось поцеловать ее в губы, но она сейчас же отодвинулась.

— Нейман много рассказывал о заводе,— сказала она,— и я тебя представляла солидным, каким-то производственным маньяком. А ты вон какой. Сразу лезешь целоваться.

Он предложил проводить ее. Муся покачала головой.

— Не надо,— сказала она.— Завтра приходи на радио. Я сменяюсь ночью, в двенадцать.

На минуту у него упало сердце. Она не теряла головы и, даже прижимаясь к нему, не забывала поправлять платье, чтобы оно не мялось. Выйдя из портьеры, она точно перестала думать о нем. У вешалки ее окружили конструкторы, наперебой помогая ей одеваться. Она даже не оглянулась на прощание.

Басов прошатался по набережной до света. С моря дул ледяной ветер, и лицо его горело. Белецкая оказалась скверной девчонкой — он заинтересовал ее на минуту, вот и все. Но, когда он вспоминал о ней, его охватывала нежность. Она держалась со всеми простодушно и по-товарищески просто. Вокруг нее слишком уж вертелись ребята. Вероятно, потом говорили о ней гадости и разбирали ее наружность. На другой день на заводе он сторонился участников вечеринки, боясь, что кто-нибудь заговорит с ним о ней...

На радиостанцию попал он после долгого блуждания в темноте по пустырям. Радиомачты исчезали в черном небе, и вверху, как звезды, мигали желтые огни. Часовой выскочил из будки и щелкнул затвором. Басов остановился у ограды, подставляя спину ветру. Прошло полчаса. Он стоял не двигаясь, и руки его закоченели.

Муся показалась в освещенном подъезде. У него замерло сердце — наверное, она забыла. Они двигались навстречу друг другу, как случайные прохожие, и встретились молча. Кругом было пусто, часовой ушел с головою в тулуп. Муся закинула Басову руки за шею и отвернула воротник. Стоя на пустыре у колючей проволоки, они обнялись так крепко, словно им предстояло расстаться навеки.

— Я убедила себя, что ты не придешь,— сказала Муся, отстранившись и задыхаясь немного.— Я так всегда делаю, когда очень хочу чего-нибудь, чтобы потом душа не болела.

Она потянула его за руку. Вокруг них поясом расположились огни, и дорогу к морю указывали тоненькие свистки буксиров. Басов сказал:

— Зачем ты так думала? Я тебя люблю. Не видишь разве?

— За один-то день, Саша? — усмехнулась она укоризненно.— Нет, так не бывает.

— Значит, бывает, раз я говорю! Теперь мы вместе, и мне так хорошо. Слушай меня: я думаю, нам надо расписаться.

Муся смеялась.

— Ты точно командир: ать, два, левой!.. Сейчас и расписаться! А мы и не говорили с тобой порядком.

Она в темноте чутко находила дорогу и опиралась на его руку, чтобы быть к нему ближе. А он не разбирал дороги и жадно искал ее руку и мешал ей идти.

— Из-за тебя я сегодня на заводе был как больной,— сказал он.— Говорят, это бывает раз в жизни.

На набережной они остановились у каменных перил. Ветер встряхивал голые ветки акации. Торопливые волны бежали с рейда, разбиваясь о сваи купальни. Внизу черная, как деготь, вода фыркала, взбираясь на каменную стенку. Муся поправила шапочку, глаза ее ярко блестели. Он обнял ее, как только она подняла руки. Но она освободилась и потянула его на скамью. Неожиданно она заговорила о заводе.

— У тебя большие способности, Саша,— сказала она.— Нейман очень ценит тебя. Но сейчас он тобою недоволен, я знаю. Он говорит, что ты всюду находишь недостатки и берешься их исправлять. Это раздражает людей, и потом... ты отстаиваешь глупое предложение Эйбата и идешь против всех. Может быть, я что-нибудь путаю, но мне обидно, что ты такой простой и честный, а тебя считают чуть ли не интриганом. Нейман говорил...

— Муся, давай бросим об этом,— сказал он уныло,— все это совсем не так. Ты не знаешь, Муся...

Она молча наклонила голову и чертила каблучком по песку. В этом молчании между ними проползло что-то мутное, и радость его померкла.

— Может быть, тебе лучше работать спокойно, как все,— сказала Муся простодушно.— Ты можешь выйти в большие люди. Я вот способная, но из меня ничего не вышло, вероятно потому, что у меня нет честолюбия. Но для тебя я могла бы пожелать многого. Тебе следует работать, как все, но... лучше всех!

Басов слушал и гладил ее руку. Ее слова казались ему странными, он едва понимал их смысл. Она отни-

мала руку, стараясь сосредоточить его внимание на своих словах. Его охватило нетерпение, и он сказал, почти не думая:

— Я постараюсь поставить все на место. Не думай об этом. Я тебя люблю.

Тогда Муся повеселела и позволила обнять себя. — Милый мой,— сказала она нежно,— ну, говори, как жить будем.

Время от времени на заводе происходили свадьбы. На свадьбах Басов играл на гармони и наблюдал за новобрачными. Казалось, пары нарочно обрекали себя на неудобства, чтобы коллектив мог часок повеселиться. Бывало, что после женитьбы парень становился равнодушен ко всему и исчезал сразу после гудка. Это было противно. И Басов не жалел, что у него все сложилось иначе.

Муся пришла к нему после вахты. Она принесла с собой сундучок с вещами и ворох платьев. Была она очень тиха и спокойна, и Басов, глядя на нее, удивлялся, как все скоро и просто кончилось. Муся начала с того, что подмела пол. Она подоткнула подол, совсем как уборщицы на заводе, и вымела из-под стола окурки. Она смахнула с потолка паутину и повесила занавеску на окно.

Басов смотрел на ее разутые ноги, такие же маленькие и крепкие, как кисти ее рук. Его истомило ожидание в ветреные ночи у моря. Он сделался робким и смотрел на нее благодарными глазами. Таким он оставался все первые дни их совместной жизни, и Муся была довольна.

— У тебя хороший характер, командир,— говорила она.— Мне кажется, что я знаю тебя с детства.

Басов старался возвращаться с завода пораньше, и они ходили гулять. В кино он едва смотрел на экран — ему нравилось наблюдать ее сбоку. Она сидела очень прямо, широко открыв глаза, и в них отражались беглые лучи экрана. Он думал о том, что эта милая жизнерадостная женщина теперь самый близкий ему человек, но он не может рассказать ей о своей вечной неудовлетворенности и о своих наблюдениях на заводе, потому что она хочет жить, как все, и беззаботно верит в авторитеты. И все-таки с ней было хорошо, и он не чувствовал больше, как уходят минуты.

Иногда приходили гости. Это были Мусины сослуживцы или знакомые по общежитию. Муся надевала белое платье, и что-то менялось в ней, точно умывалась она росной водой. Он наблюдал за нею украдкой, и ему становилось грустно.

— Мне хочется подурачиться сегодня,— шептала она на ухо Басову,— уж ты потерпи, милый.

Приходил Истомин, инженер службы связи. От него пахло духами, и на гладко причесанных волосах его покоились пятна света. Он был важен и начинал говорить только тогда, когда все замолкали. Муся подмигивала девчатам и, проходя мимо, задевала его протянутые ноги.

— Подвиньтесь,— говорила она бесцеремонно,— пройти нельзя. Сядьте в сторонку.

Она звала его просто Жоржем и не обращала внимания, когда он обиженно пожимал плечами. Басов пил чай и пускал кольца дыма.

— Муська,— говорил он благодушно,— зачем обижаешь человека?

Он чувствовал себя хорошо, когда кругом веселились. Для этого стоило потерять вечер. Охотно сыграл бы он на гармони, но Муся не выносила этого инструмента. «Балаганная музыка»,— говорила она. Зато Истомин хорошо играл на гитаре — бойко пощипывал струны, отставив розовый мизинец. При этом он перекатывал папиросу в угол рта и пристально разглядывал Мусю. Девицы подпевали. Простоватая Лиза Звонникова шептала Мусе:

— Гляди, окрутила парня. Совсем поглупел смотрит, как факир. Я вот Сашке скажу!

Она фыркала и пряталась за Мусину спину.

— Дура,— смеялась Муся.— Ох, какая дура!

Истомин прихлебывал из стакана и спокойно разглядывал девушек. «Я здесь случайно,— казалось, утверждал его взгляд,— сейчас вот встану и уйду». Он терпеливо ждал, когда наступит молчание.

— Странные минуты бывают в жизни,— говорил он внушительно.— Сегодня я шел по улице, впереди шагах в десяти шла женщина. Стройная, легкая такая походка. Мне показалось... Я был даже уверен, что это... словом, одна особа, о которой я думал в ту минуту. Я окликнул ее, и она обернулась. Представьте — совершенно незнакомое лицо!

Девушки слушали, приоткрыв рты. Муся улыбалась безмятежно.

— Вы все это сейчас выдумали, сознайтесь!

Басов следил за разговором и изучал Истомина. Он припоминал, что Муся однажды сказала ему об Истомине: «В этом человеке мне нравится независимость. Он знает себе цену и не дает себя обойти».

Басов старался понять, что могло нравиться Мусе. Поразила одна из фраз Истомина: «Я никогда не доверяю женщинам. Женщина часто меняется, безумен — кто ей вверяется,.»

«Черт знает что должно это означать! Пошлость какая-то!.. Играл бы лучше на своей гитаре».

Когда он после вечеринки остался наедине с Мусей, ему захотелось рассеять неприятное впечатление. Она причесывалась перед зеркалом, и он видел ее отражение — бледное, усталое лицо, утратившее недавнее оживление.

— Болтовня да намеки,— говорил он дружелюбно.— Этот парень говорит каким-то пошловатым языком. Не нашим языком он говорит, ей-богу! Тебе не надоело?

В зеркале потягивалось и сладко зевало отражение Муси.

— Он говорил по-русски, Саша. Разве у вас на заводе другой язык? — Она вздыхала, сбрасывая платье.— Что ты хочешь? С ним весело, и мне хотелось немного развлечься. Его не перевоспитаешь!

V

В январе десять танкеров стали в один день на ремонт. В цехах образовалась пробка. Поговаривали, что часть работ придется взвалить на судовые коллективы. Удобное выражение «средствами команды», брошенное кем-то, запорхало там и сям по заводу. Произносилось оно с улыбкой не то ухарства, не то смущения,— так улыбаются люди, когда приходится признавать свои недостатки.

На производственном совещании Нейман вдруг заявил, что половину судов необходимо перевести в другие доки. Нельзя заставить людей работать круглые сутки, тут на сверхурочных не выедешь. Инженеры переглядывались, как бы говоря: сознался. Директор уст-

ремил глаза в потолок, и лицо его напряженно застыло, как будто ему стоило большого труда сдержаться и дослушать Неймана до конца. Потом он вдруг раскричался:

— Понятно, почему в цехах такие настроения, если главный инженер сейчас вон до чего договорился! По этой болтовне нужно ударить...

Нейман упер руки в бока и злобно и сухо сощурился.

— Я рапорт подам! У меня цифры!..— загремел он в ответ.— Митинговать-то легко чужими боками!

Казалось, эти люди ненавидели друг друга, так они кричали. Но Басов знал, что сейчас они сговорятся и выйдут курить в коридор. Он подумал о Мусе. Она будет ждать его всю ночь и слушать шаги за окном. Он выждал паузу и брякнул громко, так что все обернулись:

— По-моему, надо нажать. Аврал — и все тут! О чем разговор?

Нейман перестал щуриться на огонь и молча сел. Инженеры заговорили разом. Бригадир Ворон, раненный при взрыве котла, с трудом повернулся на стуле и улыбнулся Басову. Когда совещание кончилось, Нейман остановил Басова в дверях.

— Ты можешь переночевать у меня в кабинете,— сказал он преувеличенно любезно,— там два дивана.

Басов кивнул и отвернулся. Ему очень хотелось домой. На причалах в колеблющемся свете фонарей двигались черные фигуры, подгоняемые гудками автокаров. Спускаясь в машинное отделение танкера, он видел запрокинутые пыльные лица сборщиков, смотревших на него снизу. Бригадир окликнул его:

— Надолго задержимся, видать? — Он припал к висячему чайнику, шумно глотая воду. Оторвался, размазал по лицу пот и подмигнул Басову. И Басов ответил:

— Надолго.

Под утро он зашел в кабинет Неймана. Там было холодно. В синее стекло окна постукивала ветка акации.

Он лег на кожаный диван и перед сном коротко вспомнил о Мусе. Ветер гудит в трубах, и трамваи уже двинулись из парка. Едва ли она спала в эту ночь...

Он увидел Мусю на другой день вечером, когда она вернулась с дежурства. Она соединила пальцы на его затылке, укололась о его подбородок и засмеялась. Было не похоже, чтобы она сердилась на него.

— Я позвонила к Нейману и узнала, что ты остался на ночь,— сказала она.— Знаешь, Нейман меня рассердил.— Она пристально посмотрела на его руки с ногтями, черными от мазутной грязи, сдвинула брови и задумалась.— Я спросила, надолго ли тебя задержат, а он смеется: —«Сколько потребуется, столько и просидит». Я бросила трубку. Дала бы ему по морде, чтобы знал.— Лицо ее стало темным от прилившей крови, мрачным и злым.— Он тебя не любит,— продолжала она,— тебя все там не любят за что-то... или боятся, не разберу. Мне кажется, Саша, что у тебя никогда не будет удачи. Счастье — другое дело! Может быть, ты и сейчас счастлив. Тобой затыкают дыры, а ты говоришь, что это аврал, и доволен. Что-то в этом есть жалкое и обидное до слез. Не сердись...

Слезы действительно выступили у нее на глазах, и она до боли сжала его руку. Он был поражен и не нашелся, что ответить. Как это уже бывало, ее слова показались ему странными и лишенными смысла.

— Муська! — крикнул он с насильственной веселостью.— Прекрати панику. Муська! Кто это обидит меня? Ведь я же зубастый!

Он притянул ее к себе и погладил по волосам, но она упрямо отстранилась.

— Мне кажется, ты живешь как-то по-газетному, Саша. Другие поступают иначе. Я хочу, чтобы ты преуспевал в жизни.

Он не явился на следующую ночь, потом на третью. Муся вступила на ночную вахту, когда он вернулся домой. Казалось, она привыкла и перестала замечать его отлучки.

— Твой аврал затянулся,— говорила она шутливо.— Сколько их еще осталось до смерти? Скоро я стану старухой, командир.

В конце января танкеры вышли из ремонта. На собрании актива выступал Нейман. Он говорил о бессонных ночах, плохом снабжении и твердости духа. Говорил взволнованно и горячо, и ему долго аплодировали. Басов сидел рядом с Эйбатом.

— Я говорил с Нейманом и с начцеха Гладким,— сказал он.— Все против. Посмотрим, что скажет актив!

Эйбат уныло поежился.

— Оставь, Саша. Как Нейман сказал, так и будет. Кто я такой? Зачуханный слесаришка.

— Испугался,— сухо сказал Басов, сбрасывая его руку с своего плеча.— Подлецкий у тебя характер, Закирия!

Он оглядывал зал, соображая, кто из присутствующих поддержит его. Вдоль рядов прошел бригадир Ворон, припадая на одну ногу и тяжело дыша. Он тащил свое искалеченное тело степенно и гордо, как простреленное боевое знамя. Басов подумал: «Этот будет за нас».

Директор сказал об опыте зимнего ремонта, о значении предстоящей навигации. За ним настала очередь Басова.

Басов старался говорить короче. Завод может сэкономить много времени и средств. Все знают о предложении, но оно залежалось в портфеле главного инженера — надо его вытащить оттуда (он не думал задевать Неймана, но вышло злобно и вызывающе). На заводе есть хорошие кадры и новые станки. Если люди научатся беречь секунды, не нужны будут авралы.

Мастера слушали его с застывшими улыбками. Конструкторы шептались о чем-то. Бронников усмехался, шевелил губами, собираясь говорить. Басов сел. Он вдруг отчетливо понял, как некстати прозвучало его выступление. Всем хотелось говорить о трудностях, которые остались позади, о своих успехах. И вдруг кто-то заявляет, что можно было сделать скорее и дешевле.

В зале поднялся шум. Ворон тяжело привстал и крикнул звонко:

— Он дело говорит! Выяснить надо, почему затирают!..

Но к Ворону склонился Нейман и зашептал ему что-то. Заговорил Бронников, и сразу загудел по залу ветерок смеха.

— Механик Басов предлагает экономить секунды, а потом придется терять недели на ремонт станков... Что касается предложения, то оно едва ли применимо и даже опасно. Чего он толкует, что кулачки удержат поршень... Когда такие предложения попадают в цех, мастера чешут затылки.

Басов сгорбился и потемнел. Несомненно, собрание приготовилось развлекаться. Лица размягченно щурились, нарастал шум. Кто-то из конструкторов заметил весело:

— Премию сорвать хотели! Крой их, Бронников!

Басов задохнулся и поднялся на ноги:

— Рабочего затираете. Не пройдет!.. Своего добьемся!

Среди безразличных любопытных лиц, повернувшихся на его крик, он видел несколько явно враждебных, наблюдавших его с нескрываемым злорадством.

— Беспокоиться не хотите,— брякнул он во весь голос,— печатным хламом прикрываетесь! Для чего же мы учили людей?

Потом он сразу остыл, и возбуждение сменилось апатией. Ему стало стыдно за свою выходку. Пробираясь к дверям, он слышал, как Нейман сказал:

— Это уже на грани хулиганства. Его нужно одернуть.

Он приехал домой, сел к столу и уронил голову на руки. Впервые он почувствовал себя одиноким. Все эти люди — механики, мастера цехов во главе с Нейманом, несомненно, работали много и добросовестно. Но почему-то они упорно держались за ветхую, уродливую обстановку завода с авралами, суматохами и бессознательным повторением одних и тех же ошибок. Басов чувствовал себя так, как будто, забежав далеко вперед, он оглянулся и тут только заметил, что остался один.

Муся видела, что с ним неладно. Она подсела к нему и заглянула в глаза.

— Случилось что-нибудь? — спросила она.— Почему ты молчишь?

Басов оживился. Рассказал, как было дело. Муся слушала молча. Она не задавала вопросов и не возмущалась. Смотрела на него во все глаза, словно впервые изучая его лицо. Когда он рассказал о том, как уговаривал его Эйбат отказаться от выступления, Муся не выдержала. Она всплеснула руками горестно и гневно.

— Он сам уговаривал тебя,— переспросила она,— неужели правда? Нет, ты неподражаем!

Она засмеялась, но губы ее дрожали. Потом она подсела к нему и завладела его руками. Лицо ее сделалось умоляющим и жалким. Оно просило, заискивало и угрожало. Басов никогда не видел ее такой.

— Сашенька, брось ты это! Разве нельзя работать, как все, не оригинальничая, не создавая шумихи? Ты работал ночами — тебя не отметили. Разве другие не получили премии? Ты не умеешь взять то, что принадлежит тебе по праву, не умеешь ладить с людьми.

Теперь ты выскочил опять с этим предложением. Ты восстановил против себя авторитетных людей, и они отплатят тебе, будь спокоен. Зачем ты вредишь себе, Саша? Нет, ты странный, странный. Просто чудак какой-то!

Он слушал ее устало-безразлично, думая о своем. Чтобы убедить людей в своей правоте, нужно много упорства, убежденности и равнодушия к собственной судьбе. Вот он мучит свою жену. Нетерпелив, горяч. И разве же он хочет обострять на заводе отношения с товарищами? Он даже не знает толком, как называется та правда, которая захватила его. Он изучил процессы труда и пришел к выводу, что механизмы используются плохо, что можно работать лучше, вот и все.

— Тебе тяжело со мной? — спросил он задумчиво.

— Мне неспокойно. Я как-то вовсе не уверена в нашем завтрашнем дне. Ты такой странный...

VI

Перед открытием навигации в доки поступили новые теплоходы; это были серийные корабли-гиганты, предназначенные для перевозки мазута. Гребные дизели были построены Сормовским заводом и по проекту должны были развивать мощность в тысячу четыреста индикаторных сил. Однако при регулировке первого теплохода «Дербент» испытательный цех добился мощности всего в тысячу сил. На этом дело приостановилось.

Механик Бронников сделал доклад на совещании. Он обстоятельно сообщил о всех неполадках и высказал мнение, что проектная мощность вообще не может быть достигнута. Развернув учебник Немировского, он прочел:

— «Предельная рейсовая мощность двигателей обычно находится в рамке семидесяти — семидесяти пяти процентов проектной...» Если уж так считает известный инженер Немировский...

С Бронниковым как-то очень быстро согласились, и, когда второй танкер показал тысячу сил, все остались довольны: бо́льшего достигнуть не удастся, дело ясное.

И вдруг третий танкер — «Агамали» — неожиданно дал тысячу триста восемьдесят сил, почти проектную

мощность. Работавший на регулировке этого танкера Басов служебной запиской уведомил об этом главного инженера. Он просил еще два лишних дня для точного достижения проектной мощности и предлагал произвести дополнительные работы на сданных уже в эксплуатацию судах.

Бронникова вызвали в дирекцию. Он предчувствовал неприятный разговор и был озабочен. У причала стоял танкер «Агамали», и из гигантской трубы его взлетали к мачтам белые хлопья дыма — это Басов добивался проектной мощности и своим упорством угрожал спокойствию и благополучию его — Бронникова. По-видимому, Басов хочет выдвинуться, получить высокий оклад. Как бы там ни было, он был ненавистен Бронникову в эту минуту.

В столовой Бронникова остановил конструктор Бейзас.

— Слыхал новость? — спросил он, и в глазах его Бронников заметил любопытство и жадное ожидание скандала.— Машины «Агамали» дотянули до проектной мощности. Выходит, что мы надували пароходство. Эх, как неудобно получилось!

К директору Бронников явился в тот момент, когда тот препирался с Нейманом.

— Ты не оправдывайся,— говорил директор запальчиво,— ты скажи прямо: обманывали пароходство? Сормовский виноват, или мы?

— Спроси его,— холодно отрезал Нейман, указывая на Бронникова.— Я уже сказал свое мнение.

По дороге Бронников успел обдумать положение и подготовиться к защите. Он припомнил все неполадки, встретившиеся при регулировке машин «Дербента». Левый двигатель давал при нагрузке сто пять оборотов, правый — сто три.

— Какой может быть обман? — сказал он сдержанно.— Завод выпустил серию в спешном порядке, а как шла приемка — сами знаете. Что же удивительного в том, что двигатели имеют разную мощность?

— Однако он же вот берется довести мощность до нормальной... этот Басов,— с неожиданным оттенком недоброжелательства сказал директор.— Значит, можно? Можно, я говорю! — Директор вдруг ударил ладонью по столу и уставился на Бронникова круглыми, устрашающими глазами.— Вот он пишет о непо-

лном сжатии в цилиндрах. Почему неполное это... как его... сжатие?

Бронников опустил голову, стараясь сдержаться. Нейман прогудел конфиденциально:

— Все это не так, Иван Данилович. Тут некрасивая история с этим Басовым, склочная история, Иван Данилович...

Но директор погас так же быстро, как загорелся. Он подумал немного, забыв отвести глаза от лица Бронникова.

— Оставить все, как есть,— сказал он устало.— Если понадобится, на «Дербенте» отрегулируют двигатели средствами команды. Не возвращать же танкер обратно в доки.— Он медленно перебирал бумаги, и Бронников с облегчением поглядел на дверь.— Да, вот еще какое дело,— вдруг вспомнил директор,— пароходству нужен механик. На этот самый злосчастный «Дербент». Предлагают нам выделить кого-нибудь из наших, будто бы на одну навигацию, но ты понимаешь, что это значит? Да, ничего не поделаешь — освоение нового флота. Кого бы ты предложил?

Бронников пожалел, что не успел уйти. Впрочем, директор не смотрел в его сторону. Директор смотрел на Неймана. Неужели Нейман предложит послать его? Пожалуй, что так. Он регулировал машины «Дербента», и регулировал неудачно. Теперь ему неудобно отказаться. Он мысленно подыскивал мотивы отказа. У него мало практики... Два года назад у него в легких обнаружили туберкулезный очаг. Старая, больная мать. Нервное переутомление...

— У нас не техническая школа, а завод,— сказал Нейман сердито.— Кого мы можем послать? — Он вздохнул и посмотрел на Бронникова.— Партийца послать придется. Басова пошлем,— добавил Нейман раздельно.

Бронников тихо скользнул к двери, приоткрыл ее, стараясь не шуметь. За дверью он постоял немного, прислушиваясь и бледно улыбаясь. Как будто директор не возражает...

Он встряхнулся и побежал в цех. На радостях он даже простил Басову пережитую неприятность. Ведь не подвернись этот чудак — неизвестно, как обернулось бы дело для него, Бронникова.

Басов изо всех сил старался казаться довольным. Стоит только до конца понять необходимость этого пе-

ревода — и всегдашнее спокойствие и ясное настроение восстановится. Кого-то надо было послать на эксплуатацию,— выбор пал на него. Возможно, этого не случилось бы, не будь у него столкновения с главным инженером. Но тогда вместо него послали бы другого, например Бронникова, и, конечно, Басов не стал бы возмущаться и жалеть Бронникова.

Муся слушала его не перебивая. Сложила руки на коленях и поглядывала на него сбоку. Когда он умолк, она тряхнула головой, словно сбрасывая с себя тяжесть.

— Как неудачно все сложилось,— сказала она сдержанно,— тебе не везет.

Он ожидал сопротивления, упреков, тяжелого объяснения. Ничего этого не случилось. Муся выдвигала ящики комода, снимала с гвоздей одежду.

— Тебе следует собраться,— сказала она.— Давай сообразим, что нужно сделать.

Она как будто и не удивилась вовсе. Молча, не обращая на него внимания, она согрела воду в кухне и поставила корыто для стирки. Басов стоял рядом, наблюдая, как стекали по ее голым рукам перламутровые хлопья пены. Теперь она была самым близким для него человеком. Он вступил в странную полосу жизни, когда всякое достижение сулило новую неудачу. Он довел до проектной мощности двигатель теплохода и из-за этого вынужден был покинуть завод. Нейман, Бронников и многие другие стали ему чужими. Вялые, бессильные люди нарочно выдумывают пределы достижений, чтобы скрыть свое бессилие. Для этого они пользуются старыми, отслужившими нормами и фальшивой наукой. Они объединяются, кричат о мнимых опасностях и остервенело защищают свой покой.

Муся вернулась в комнату и присела к окну, не зажигая огня. Она куталась в пуховый платок и поводила плечами, словно ее бил озноб. Басову хотелось утешить и ободрить ее. В сущности, у них нет никаких оснований для уныния. Разве мало во флоте знатных капитанов, механиков, штурманов? Муся хотела, чтобы он выдвинулся. Вот ему дали машинное отделение «Дербента». Главное — понять, что это необходимо. Кому-то нужно плавать на этих судах — не ему, так другому. О чем же жалеть?

— Кончилась оседлость,— заговорил он весело,— придется лезть в недра, духов пугать. Честное слово,

я даже доволен, Муся. Стоит ли отказываться от трудного дела только потому, что оно трудное? Вы будете ловить на станции наши позывные. Мы будем видеться с тобой раз в пятидневку. Да, один раз...

Муся кивнула головой молча. В темноте он не видел ее лица. Он задумался, чем бы повеселить ее на прощание. На улице теплынь, запах акаций, синий воздух на рейде. В клубе водников под звуки баяна моряки танцуют танго со студентками Индустриального института. Ему хотелось повести туда Мусю. Луна перевалила через плоскую крышу дома, что напротив, и по стенам поползли легкие тени облаков.

— Муська! — окликнул он ласково.— Посмотри, какая луна. Эх, и лунища!

Муся медленно подняла голову. По щекам ее катились обильные блестящие слезы. Они смачивали уголки рта и падали на грудь. Она закусила губы и вытерла глаза концом платка.

— Ты никогда не любил меня,— сказала она убежденно,— и никогда я не была тебе близка.

В комнате было так тихо, что он слышал ее прерывистое дыхание и шелест ее платья. Он дотронулся до ее плеча, но она отодвинулась.

— Но я не от этого плачу... Ты не думай! Просто мне жалко тебя, потому что ты неудачник. Зачем ты бодришься, обманываешь себя и других? Я всегда была для тебя чем-то второстепенным. Ты сделал из нашей жизни сплошную спешку, ты жил так неуютно, точно квартирант. Сверхурочные... Готовиться к кружку... Собрание... Сон... Мы никогда не жили почеловечески. Но это все ничего, и я не говорила тебе ни слова. Ты так работал! Впрочем, работал ли ты в самом деле? Ты восстановил против себя коллектив, и от тебя постарались отделаться. Так не поступают с ценными людьми. Мне кажется, что ты неудачник, слабый, нелепый человек, прости! Тебя удалили с завода. Это оскорбление! А ты доволен. Если бы ты хоть затаил злобу или ругался, мне было бы легче. На твое место придет другой, какой-нибудь арап или никчемник, и получит хороший оклад...

Слезы ее высохли, но голос был сырой и дрожащий, она спешила выложить перед ним все, что накопилось у нее на душе. А ему казалось, что в темноте перед ним не Муся, а посторонняя женщина, глупая, равнодушная и злая. Он крикнул неистово во весь голос:

— Замолчи!

Она посмотрела на него с испугом и подняла руки к лицу. Может быть, она думала, что он ее ударит. И вместе с этим она с какой-то странной надеждой наблюдала за ним. Он сдержался и поднес стакан с водой к ее губам. Она отпила немного и с досадой отвела его руку.

— Что ты наговорила! — сказал он грустно.— От меня отделались, это верно. Мало ли что бывает! Все дело в том, что я не давал людям покоя. В отдельных местах на заводе работают плохо, и я вижу, что можно работать лучше, гораздо лучше. Кажется, все это скоро станет понятным каждому рабочему. Пока на заводе благоговеют перед старыми нормами. Но ведь нормы составляли люди, и все изменилось с тех пор. Вот и я...

Муся взглянула на него внимательно и печально. Так смотрят близкие люди на душевнобольного. Он замолчал на полуслове, словно наткнулся на стену. Может быть, и вправду они никогда не были близки друг другу?

— Сашенька, брось,— сказала она коротко,— ведь последний вечерок, милый... Еще я хотела тебе сказать... Этот нефтефлот, ведь оттуда бегут даже матросы! Они скрывают квалификацию, крадут документы... Ты, верно, не знал этого. И мы будем видеться редко-редко...

Она помолчала и улыбнулась виновато и испуганно.

— Знаешь что? Меня тянет к тебе, милый, но что я могу сделать, когда ты такой... Жить хочется очень... Не сердись!

Им овладело вдруг удивительное безразличие. Мусины пальцы гладили его волосы, щекотали лицо. Он почувствовал на щеке прикосновение ее влажных губ и быстро поднялся.

— Ну что ж, мы шнурком не связаны,— сказал он равнодушно,— делай как знаешь.

Так ушел он из дому и последнюю ночь, проведенную на суше, пробродил по городу.

СБРОД

I

Непрестанно шелестит вдоль бортов зеленая вода. Лениво отваливаются белоснежные пласты пены. Рассыпаются по волнам и бесшумно лопаются мириады пузырей.

> Французская девочка Нелли
> Продавала букеты камелий...

Солнцем нагрета стальная палуба. Солнце дробится на волнах, горит на вычищенной меди перил. Черт знает что означают слова песни! Ветер принес их неизвестно откуда, и, как сладкий клей, пристали они к губам Гусейна. Чуть забудется — начинает их мурлыкать. Присаживается на корточки возле люка и смотрит вдаль. Истлеет белым прахом цигарка-самокрутка,— надо опять спуститься к машинам. Кругом пусто. В вентиляционной трубе звенят струи воздуха, все катятся и катятся волны. То же было вчера и будет завтра.

> Английский воспитанный бой
> Любил ее взор голубой...

Гусейн не думает о словах песни. Он думает о том, нельзя ли уйти с танкера до конца навигации. Притвориться больным? Затеять драку на стоянке? Нет, все это не годится. Уйти по-хорошему тоже невозможно. А между тем здесь нет никого, к кому бы можно было прилепиться душой. Во время первых рейсов он перезнакомился со всей командой, угощал папиросами, предлагал сыграть в домино. Тоска загоняла его во все уголки судна, где раздавались голоса и двигались люди. Так прошли первые рейсы, люди утратили свою таинственную новизну, и тоска стала привычной.

Боцман Догайло без конца снует по палубе, и глаза его, полные тупой, старческой заботы, все ищут, что бы такое привести в порядок. Он торопится и не отвечает на вопросы.

Пробовал Гусейн сойтись со вторым штурманом — Алявдиным. Ему стал рассказывать он, как за пьянку его исключили из комсомола. Но по мостику пробежала горничная Вера, Алявдин шепнул: «Заприходуем...» — подмигнул и расхохотался, потирая руки. Так и не окончил Гусейн рассказа.

Попробовал он прибиться к комсомольцам. Они держались дружно, но слишком замкнуто. Их было пятеро: трое электриков, один моторист и помощник механика. Это были демобилизованные краснофлотцы, и от военной службы осталась у них любовь к дисциплине, подчеркнутая аккуратность в одежде и та неторопливая, деловитая серьезность, которая отличает людей, привыкших к ответственности. Гусейну очень нравились эти ребята, он даже заискивал перед ними немного. Один из них, электрик Котельников, подробно расспросил его о злополучной пьянке. Лицо у Котельникова было спокойно-брезгливое, точно он запачкался обо что-то. Его любопытство растаяло с последним вопросом.

— Покажи себя в работе,— сказал он поучительно,— впрочем, едва ли что-нибудь выйдет. Комсомол — не проходной двор.

Он огляделся, отыскивая предлог, чтобы прекратить разговор. Гусейн готов был провалиться сквозь землю. Теперь он избегал и комсомольцев. Люди не интересуются его судьбой — отлично. Он не интересуется людьми. Ему нет до них дела.

До Астраханского рейда тридцать восемь часов пути. Обратно порожнем — тридцать. Вечно открытое

море, синь над головою и упругий ветер. Капитан Кутасов читает в каюте толстые книги, печально вздыхает и вытирает платком багровую шею. Штурман Касацкий опускает деревянную штору и запирает дверь на крючок. От него постоянно пахнет водкой, но он никогда не споткнется, никогда не повысит голоса. И он никогда не смотрит на Гусейна.

Второй штурман Алявдин заводит в каюте патефон. Квакают саксофоны, поют скрипки, звенят цимбалы. В узком проходе, между койкой и шкафом, топчется штурман Алявдин, разучивая па западных танцев.

Гусейн не читает книг, не покупает ни новых пластинок, ни палевых галстуков. Гусейн не смеет пить водку. После вахты он нарочито медленно моется под душем, чтобы убить время. Пузырится мыльная пена, острые струйки покалывают плечи — горькая забортная вода. На мачтах вспыхивают звезды топовых огней, с моря наплывает сырая, прохладная темнота. Он садится на крышку люка, мурлычет протяжно глупую песню, мечтает:

«Весь этот сброд только и думает, как бы удрать на берег. Вероятно, многие удерут еще до конца навигации. Тогда на танкер придут новые люди, и с ними можно будет сдружиться. Будут все делить пополам и стоять вместе ночные собачьи вахты — неразлучные в работе, в беде, в скандале. Хорошо забежать с другом на приморский бульвар, оторвать на гитаре «Яблочко», поплясать под луной. Отстоять за друга вахту в непогоду, в болтанку, в холод. Наговориться досыта, пройтись в обнимку, стиснуть на прощанье руку: «Свой до смерти». Только пока все это одни мечты. На «Дербенте» сорок пять человек — матросы, мотористы, штурманы,— и нет настоящей дружбы».

Вот штурман Касацкий ведет капитана по спардеку, придерживая его локоть. На лице его ослепительная наивная улыбка. Так может улыбаться только он — помощник Касацкий. Верно, так улыбался он, когда притиснул девушку в тамбуре спального вагона.

— Да плюньте, Евгений Степанович, не обращайте внимания,— уговаривает он старика,— из-за пустякового опоздания в пароходстве поднимают бучу. Пора привыкнуть! К тому же вы на хорошем счету, голуба моя...

Поглядишь, какая дружная пара — капитан и первый помощник. Но через час Касацкий снова на спардеке. На этот раз его сопровождает Алявдин.

— Старик получил нагоняй по радио,— говорит Касацкий, отпуская дежурную улыбку.— Добрый старик, но... труслив, ленив и безволен. Случись авария, он постарается свалить все на нас. Вот увидите.

Они почти задевают Гусейна, проходя мимо. С кем-то будет шептаться сегодня помощник Алявдин?.. Нет, дружбы не существует на «Дербенте»! Есть только ее лукавая оболочка — прогулка под руку, вежливая любезность и осторожное покалывание ядовитым словцом сквозь ослепительную улыбку. В таком случае не надо дружбы.

Но главное, в чем не повезло Гусейну,— у него невозможный начальник. Если бы ему представилась возможность выбирать, он выбрал бы Касацкого или Алявдина. Старший механик Басов хуже их обоих, он даже хуже любого из сорока пяти на «Дербенте».

Басов спускается к машинам каждую вахту. У него вид человека, вечно страдающего от зубной боли, красные белки глаз. Он стоит, немного сгорбившись и расставив локти, словно приросший к стлани. От этой неподвижной фигуры по изломанным радиусам разбегаются механики, слесари, мотористы. Он стоит, освещенный сверху тусклым светом ламп, и на его плечи ложится весь неистовый гром шестицилиндровых дизелей «Дербента».

Вот появляется на верхней решетке запоздавший моторист. Руки его скользят по сальным перилам трапа, ноги подгибаются, размякшие от сна. В тот момент, когда он достигает дна и делает полоборота, старший механик расклеивает сжатые губы:

— Выспались? А не то вернитесь обратно. Обойдемся без вас...

Грохот начисто съедает слабые звуки его голоса, но слова угадываются по движению губ. Старший механик был когда-то простым мотористом. Так говорят люди. Он мог бы быть поласковее с ребятами. Верно, бессонница, выкрасившая в красный цвет белки его глаз, иссушила и его сердце.

— Сукин сын,— бормочет Гусейн, с ненавистью глядя на его широкую спину,— а еще партиец. Прижимщик!

Сам Гусейн никогда не опаздывает на вахту. Старший механик ни разу не сказал ему резкого слова. Но они избегают один другого и приглядываются друг к другу, как враги. Когда-нибудь они, наверное, столкнутся.

Перед концом вахты взбирается Басов на верхний пояс, к электромашинам. Здесь сравнительно тихо, влажная жара. За щитами мягко жужжат динамо. Басов перегибается через перила и прислушивается к тактам моторов. И странное дело — изо всех углов машинного отделения сходятся без зова механики, мотористы, электрики. Они взбираются по трапу, голые, в трусиках и промасленных безрукавках. На их лицах, жарко румяных, ручьи грязного пота. Подошедшие первыми облокотились рядом с Басовым у перил. Остальные топчутся сзади.

— Левый двигатель дает сто три оборота,— говорит Басов,— правый — сто пять. Я уверен, что можно получить все сто десять.

Ребята подталкивают друг друга локтями, кривят рты. Судно только что из дока! Гусейна бесит это хвастовство.

— От чего же не даете, товарищ стармех? — произносит он вызывающе.— Ведь это же легко. Начать да кончить!

Он оглядывается на товарищей, ожидая одобрения. Басов говорит спокойно:

— Один я ничего не смогу сделать. Да это и не так просто. Но с вами вместе мы это осилим вполне.— Он оживляется и поднимает голову.— Мотористы не хуже меня понимают, в чем дело. Форсунки засоряются — раз. Значит, топливо в цилиндры поступает неравномерно. Кольца поршневые не годятся — два. Отсюда неполное сжатие смеси. Инженеры регистра приняли теплоход и составили акт. Инженеры регистра живут на берегу. На судне живут моряки...

Гусейн выдвигается вперед и, забывшись, кладет локти на плечи соседей.

По лицу механика ползут пепельные тени. Он медленно склоняет голову, словно готовясь прободать невидимое препятствие.

— Иной моторист боится дышать на машину, потому что ее регулировали на берегу. Такому здесь не место. Пускай на барже плавает. Это не моряк! Ты машину отрегулируй не раз и не два, тогда она себя покажет и паспорт свой переплюнет. Верно или нет?

Он оглядывает притнхших ребят, и взгляд его гаснет. Он вытирает лоб и топчет ногою окурок. Мотористы, электрики, слесари тянутся гуськом к выходу. Гусейи неохотно трогается с места. Перед ним спина Басова с мокрыми от пота лопатками. Если он оглянется, Гусейи отважится заговорить. Но Басов спешнт обратно в машинное. Последнее, что видит Гусейн,— стриженый пушистый затылок. И, замирая на месте, привычно восстанавливает он свою защитную позицию против равнодушного мира: «Зарабатывает авторитет... ишь стерва!»

Гусейну не с кем перекинуться словом. Поэтому он жадно слушает слова, предназначенные другим. Он знает — старшего механика не любят на судне.

— Посадили на шею комиссара,— вздыхает капитан Кутасов.— Сегодня он говорнл, что погрузку можно производить быстрее. Может быть, завтра он начнет следить за мной, почем я знаю?

В глазах капитана болезненный, застарелый испуг, и на выручку ему спешнт ослепительная улыбка Касацкого.

— Евгений Степанович, роднуля! Наш уважаемый механик немного ушибся,— он делает движенпе пальцем около лба.— Стонт лн волноваться?

Гусейну приятно, что он не одннок в беде. Рядом с ним человека окружает такая же глухая стена неприязни. Но Басов будто ничего не замечает. Во время погрузкн он все посматривает на часы. Он пытается вмешиваться, смешной, нелепый человек с воспаленными красными глазами. Чего можно добиться с таким сбродом? Публика почище идет на сухогрузные суда, где легче работа, длиннее стоянки, где чаще получают премиальные. Сюда попали те, кто к моменту спуска танкера болтался на берегу. Многие из них наспиртованы, больны, никуда не годны. Они курят на грузовой палубе, несмотря на приказ, и движутся лениво, как сонные мухи. Сегодня моторист Козов осматривал смазочный насос. Он только приоткрыл крышку, измазал пальцы и при этом подмигнул Гусейну, скорчнв уморительную гримасу. Гусейн отвернулся. Разве ему не все равно? Пусть надрывается механик, отлынивают мотористы, пусть курят на палубе матроосы. Пусть комсомольцы собираются и голосуют впятером. Танкер не выполнил плана, он идет последним в этой навигации. Пусть!

II

На рейд опять пришли с опозданием. Ледяной весенний норд вызванивал в снастях, срывал с гребней волн клочья пены и заносил их на палубу. Ветер потянул из-за горизонта занавес облаков, и они закрыли полнеба, клубясь и роняя брызги дождя.

В радиорубке радист Володя Макаров тяжело боролся со сном, протирая кулаками глаза. Он обрызгал лицо забортной водой, присел к аппарату и вздохнул в микрофон.

— Астрахань! — крикнул он звонко.— Астрахань — рейд! Почему задержались баржи?

Солнце на востоке проступило сквозь облака оловянной бляхой. Вокруг него пепельным венцом клубились дождевые тучи. На спардеке гулко хлопал под ветром распустившийся шлюпочный брезент.

— Астрахань,— сказал Володя,— телеграмма о приходе нами дана своевременно. Где же баржи?

Он отвернулся от микрофона и тихонько, со скукой выругался. В окно рубки заглянул старший электрик Котельников.

— Связался, Володя?

Радист молча кивнул и потянулся за наушниками. Он переключился на прием и принялся записывать.

— Я бы поснимал их всех с работы, будь моя воля,— сказал Котельников угрюмо,— и капитана, и помов, и тех подлецов на берегу. Всех поснимать и набрать новых!

Радист писал, нагнувшись к бумаге и высунув кончик языка.

— Отвечают, что произошла ошибка,— пояснил он,— наши баржи увел танкер «Агамали»... Так кого бы ты поснимал, товарищ?

— Всех. Разве это командиры? Инвалиды с повихнутыми мозгами. Мы становимся общим посмешищем. На трюке с баржами «Агамали» сэкономил четыре часа. Он обогнал нас в море. Теперь он пойдет впереди часов на шесть. И это никого не беспокоит. Над нами смеются в диспетчерской, и на судах, и в дежурной лавке. Мы не получили ни копейки премиальных, это факт!

Володя нарисовал на полях журнала косой парус и горбоносую голову в облаках дыма. Потом он пососал карандаш и склонил голову набок, любуясь рисунком.

— Я вот полаял в мнкрофон с полчаса,— сказал он усмехаясь,— н мог бы лаять в вентиляционную трубу, если угодно. Да иу их к черту! Кто здесь оценит мою работу? За месяц мы иедодали с полмиллиона тонна-мнль, не меньше. А что я могу сделать?

— Верно.

– Вчера при погрузке стали наливать иефть, не откачав нз танков водяного балласта. Капитан затрясся, как баба, когда ему доложнлн. А потом я слышал, как Касацкий объяснялся с агеитом ТОГПУ. Оказывается, во всем виноваты... иасосы!

— Худо, Володька.

— Хуже иекуда!

— Помощник по политчасти — хороший парень,— сказал Котельников,— ои готов хоть на себе тащить груз. Но он ие знает навнгации и боится вмешнваться в распоряжения капитаиа. Кроме того, он чахоточный. Я думаю, он скоро умрет.

Тем временем Володя иарисовал водолаза в скафаидре. Он даже улыбиулся самодовольио, до того удачио получилось.

— Знаешь что, Степа?

— Ну?

— Давай сорвемся отсюда совсем.— Радист понизил голос и вкусно облнзнул внщиевые губы.— Я зиаю, куда я пойду. В Эпрон. Сейчас поднимают суда, затоиувшие у Бирючьей косы. Вот где работа!

— Не отпустят,— пробормотал Котельников, боязлнво озираясь.— Как это оставить таикер? Выходит, что мы струснли раиьше беспартнйных. Нет, уж ты это оставь...

— Для тебя там тоже есть работа,— иевозмутимо продолжал Володя,— я узиавал. Может быть, наплевать на документы? Нет, пожалуй отберут комсомольский билет.

— Не говори глупостей.

Котельников сделал внд, будто хочет отойти от окна, но не двииулся с места. Он был смущен и заинтересоваи. Володино предложение притягнвало, как магнит.

— Еслн попытаться действовать через райком,— сказал он иеуверенно.— Да нет, ие отпустят...

— Ерунда! Невольиик — не богомольиик, как говорится. Хотел бы я зиать, как это меня удержат здесь протнв моего желания!

— Нет, дезертировать не годится,— сказал Котельников твердо, но без всякого чувства.— Может быть, еще удастся наладить дело. Кроме того, я ведь здесь председатель судкома... Все-таки ты узнай насчет Эпрона, на всякий случай,— прибавил он, натянуто улыбаясь.

На спардеке зазвучали шаги, гулкие и неровные, заметаемые ветром. Человек миновал рубку, крупно шагая и наклонившись вперед, словно падая навстречу быстрому току воздуха.

— Басов,— шепнул Володя.— Он не слышал нас?

— Не знаю,— Котельников попятился от окна.— Ну, хватит разводить панику. Не комсомольское это дело! Вот и баржи подходят.

III

Волны бежали вдоль рейда, как перепуганные проворные звери, бледно-зеленые, покрытые коричневыми пятнами нефти. Баржи кланялись им навстречу, скрипели и осторожно окунали крутые ржавые бока. Черный игрушечный буксир сбросил в воду намокший конец, оглушительно гикнул и пошел, принимая волны, волоча за собой извилистый хвост вспененной воды.

В помповом отделении «Дербента» работали грузовые насосы. Палуба слегка звенела, едва заметно приподымаясь над уровнем воды. Басов стоял на мостике у перил, прижимая локти к бокам, чтобы сохранить тепло.

— Неладно скроено это море,— сказал боцман Догайло, стоящий рядом,— совсем даже неудобно оно расположилось, море Каспийское.

Он выставил вперед носок огромного сапога, точно отлитого вместе с его ногой из чугуна.

— Сохнет наше море, питает землю. Знаете в Баку Девичью башню старинную? От башни до моря теперь минуты две ходу. Люди говорят, будто бедную девицу заточили в нее злыдни-ханы и она зачахла с тоски. Башня в то время в море стояла. Ушло море, открыло камни. Так же и здесь, на Астраханском рейде, когда-то глубоко было. Теперь с осадкой в двадцать футов дальше Тюленьей банки идти опасно. Кругом вода — сколько глазу видно, а ходу нет...

Голос у боцмана высокий, задушевный, певучий.

Басов с удивлением покосился на огромный коричневый кадык боцмана, распиравший воротник его бушлата, и сказал уверенно:

— Скоро углубим дно — тогда до самой Астрахани танкеры без перегрузки пойдут.

Догайло усмехнулся в усы, оглядел собеседника с кротким сожалением и медленно снял фуражку. Ветер зашевелил редкий примятый пух на его яйцевидном черепе.

— Все-то вам легко, все-то вы можете. Только и до вас, я полагаю, образованные люди над этим голову ломали, да отступились. А причина здесь — наносы вредные да течения, которые всю вашу работу уничтожат и фарватер песком затянут. Нет, не быть по-вашему! — закончил он торжествующе и еще раз оглядел Басова степенно и неодобрительно.

Басову не хотелось спорить. Он молча двинулся по мостику.

На заводе у Басова были все-таки свои люди. На заводе были сборщики, и бригадир Ворон, и маленький токарь Эйбат. На судне много отделений, камер, машин. На судне много людей и специальностей. Но на судне у Басова нет своих. Он еще приглядывается к окружающим, но под его взглядом лица скучнеют, зрачки суживаются, исчезают под ресницами. Люди растекаются перед ним, вялые, непостижимо похожие друг на друга. Их исполнительность кажется фальшивой, их серьезность — насмешливой. Молча, как во сне, движутся они в узких проходах машинного отделения, глотают горячий воздух и присаживаются где попало. Молча вертят штурвалы, и бугроватые мышцы вздуваются на их мокрых спинах. Перед сменой вахты они сбиваются на верхней площадке, слушают его объяснения и разглядывают его, как заморское диво. Иногда он появляется незаметно и видит, как покачивается, сидя на корточках и мурлыча себе под нос какую-то ерундовую песню, моторист Гусейн или как разговаривают мотористы Козов и Газарьян, устало тараща на свет глаза, обведенные кольцами копоти:

— Да разве это народ? Их разогнать бы ко всем чертям и набрать новых.

— Эх, милый! Да разве это моряки?

Они сладко поддакивают друг другу, словно они двое и есть настоящие моряки, которых не хватает на «Дербенте». Они лгут друг другу, лгут себе. На са-

мом деле они давно махнули рукой на тонна-мили и на обороты двигателей...

Из открытых кранов хлещут на палубу потоки воды. Струи разбегаются, темнея и обрастая мохнатой пылью. Матросы скользят по мокрой стали, с трудом толкая перед собой швабры, обмотанные набухшим тряпьем. Между ними, как суетливый челнок в основе, ходит Догайло. Матрос Хрулев, свежевыбритый, с гитарой под мышкой и папиросой, заложенной за ухо, взобрался на корму. Он отбросил со лба белобрысый вьющийся чуб и щипнул струны.

Доктор спросит, чем больна...
Семерых люблю одна...
Эх, милаха!

Басов прошелся до юта. Машинально следил он за чайкой, кружившей над волнами. Вот птица снежно-розовым комом упала вниз и чиркнула крылом по воде. Матрос Хрулев рванул в последний раз взвизгнувшие струны, зевнул и равнодушно оглядел Басова.

Здесь, под монотонный гул моторов, у входа в машинное отделение, Басов представил себе этот маленький мирок, ограниченный синей каймой горизонта, крошечный и бесцветный, как чьи-то заплывшие глазки, где каждый примирился с собственным ничтожеством, но презирает за него других: «Эх, милый, разве это народ!»

На заводе Басов считался хорошим организатором, но завод жил до него и живет без него, здесь же все надо было начинать с самого начала. Как? И его мутило от бессилия, от бесплодных попыток двинуть дело. Но стать равнодушным, успокоиться, запереться в каюте он не мог. Какая-то цепкая долька его мозга, надорванная и оглушенная усталостью, все ныла не переставая, как ушибленное место: действовать, повернуть все по-новому, удержав людей на стоянке, перебрать двигатели, поднять обороты...

IV

Евгений Степанович Кутасов, стоя у окна своей каюты, наблюдал, как жена раскладывала на столе покупки: пачку журналов, бутылку вина, кофе.

Сквозь полуопущенную штору мерцали огни города. Иногда их заслоняли плотные клубы дыма, словно об-

лака падали на землю и вползали по улицам в город.

— Тебе привет от Солнцевых,— сказала Наталья Николаевна,— и еще от Дынника и от Симочки с мужем. Ты слышишь меня, Евгений?

С пристани доносились крики и скрежет крановых цепей. По стеклу бродили тени, длинные и лохматые, как паучьи лапы. Люди, которых назвала жена, все были старые сослуживцы по отделу учета.

— Милые люди,— сказал Евгений Степанович растроганно.— Передай же им, Наташа, передай...

Кто-то торопливо пробежал снаружи по коридору и постучал в дверь.

— Кто это? — спросил Евгений Степанович.— Чего надо?

— Все приготовлено к погрузке, Евгений Степанович, шланги поставили... Разрешите наливать?

— Наливайте...

Евгений Степанович постоял минуту в нерешительности перед дверью, трогая задвижку. Шаги удалялись в конце коридора. Внезапно Евгений Степанович распахнул дверь и крикнул вдогонку:

— Постойте, дружок! Спросите Касацкого. Он на вахте, Касацкий, его и спросите.

— Есть... спросить Касацкого,— донеслось в ответ.

Наталья Николаевна внимательно наблюдала мужа. После небольшой паузы она спросила:

— Кто такой Касацкий, Евгений?

— Как тебе сказать? — Евгений Степанович подумал немного.— Касацкий — первый помощник. Он уважает меня, и мы понимаем друг друга. Что в нем приятно, так это врожденное чувство такта и большая культура. Кажется, на него можно положиться. Вот и выкручиваемся вдвоем в этом бедламе.

— Я потому спросила тебя,— сказала Наталья Николаевна,— что мне кажется, будто у вас не все ладно. В дирекции поговаривают насчет «Дербента»... Не слишком ли ты доверяешь людям, Евгений?

Кутасов оглянулся на дверь, потом на окно. Его лицо разом изменилось, утратив старческое благообразие. Появилась зыбкая страдающая улыбка, морщины у рта выразили обиду и усталость.

— Я сам немного обеспокоен, дружок,— заговорил он, таинственно понижая голос,— мне иногда кажется, что вокруг меня действительно что-то происходит. Все эти люди... пока я вижу их и говорю с ними, мне не ве-

рится, что они могут обмануть меня. Но когда я остаюсь один...

— Не волнуйся. Когда ты один?..

— Все выглядит иначе. Я не так доверчив, как кажется. Вчера мы радировали о неблагоприятной погоде, потому что безобразно опаздывали. Никакой особенной погоды не было,— так, небольшой ветер. Касацкий мастер уговаривать, и он всегда берется составлять такие телеграммы. Но на этот раз вышло нехорошо...

Наталья Николаевна вскипела:

— Зачем же ты согласился, чудак? Ведь нехорошо, ведь подло? Зачем ты поддался?!

— Ч-ш-ш... не кричи, пожалуйста. Ну, согласился, потому что неудобно, в самом деле. Черт знает отчего опоздали! Почему-то долго не подавали баржи на рейде. Плохо работали насосы. Это не по моей части... И вообще у нас все идет вяло, какой-то всеобщий упадок. Отдел кадров поторопился с набором команды. Очень неудачный состав.

Он помолчал и уныло поковырял ногтем пятнышко на рукаве.

— Все надоело, Наташа, а пуще всего постоянная тревога. Набрали рвань, галахов, кабацких заправил. Судно новое, масса механизмов, в трюмах горючий груз. Кажется, крикни кто-нибудь «пожар» — сердце лопнет! Помполит болен, Касацкий выкручивается, старший механик Басов старается подтянуть мотористов. Кстати, этот человек невзлюбил меня, не понимаю за что. Кажется, уж со всеми я ласков, для каждого в запасе доброе слово. А он смотрит волком и едва отвечает на вопросы. Касацкий говорит, что он ненормальный, но это неверно. Может быть, он наблюдает за мной. Так ты сказала, будто какие-то ходят слухи?

В зеркале напротив увидел Евгений Степанович свое постаревшее и печальное лицо. Ему стало вдруг до слез жалко себя: ведь обманывают, пакостят, распускают слухи, а ему ничего не надо, и он всем желает добра. Виноват ли он, что не знает дизелей и насосов, что он деликатен, не умеет быть резким с людьми?

Евгений Степанович чувствовал приближение того размягченного настроения, которое бывает у него только в присутствии жены и которое всегда кончалось мягкими самообвинениями с его стороны и протестами — с ее.

— Я не способен насиловать чужую волю, Ната-

ша,— начал он жалобно.— Я страдаю от конфликтов и испытываю удовольствие, когда уступаю в чем-нибудь человеку. К несчастью, жизнь требует иного...

Он ожидал возражений, утверждающих линию его характера и освобождающих его от недовольств собой. После этого он чувствовал бы себя легко, как ребенок, который выплакался на груди у матери. Но Наталья Николаевна вдруг заторопилась.

— Чуть не забыла,— сказала она вставая,— держу в руках и держу. Чистый платок, Евгений, возьми-ка!

Она пригладила его волосы и поцеловала. Она торопилась, словно боясь, что он может заговорить опять.

— Все обойдется как-нибудь,— сказала она кротко.— Пожалуйста, не забывай на ночную вахту надевать тулуп. Ночи все еще очень холодные. Пора. И знаешь, Евгений, мне кажется, что тебе следует сейчас пойти на мостик...

V

Перед закатом солнца вышел на палубу помполит Бредис. От жара и недомогания губы его запеклись, как темная присыхающая рана. На щеках его худого лица горели крупные пятна румянца, обманчиво оживляя. Он осторожно подышал на свои холодные ладони и оглянулся.

На краю моря плыла в лучах заходящего солнца желтая полоска берега. Море сияло нестерпимым блеском, небо прозрачно голубело. Черными молниями носились над мачтами стрижи. На палубе возле шпилевого мотора возился Догайло, постукивая ручником.

Помполит едва стоял на ногах. Как ослепителен блеск моря, надоедлив запах мазута и раздражающе звонки удары ручника по железу! Помполит старался припомнить, как зовут боцмана, но странная фамилия ускользнула из его памяти. Черт знает до чего неудобно! Не помнит имен, не знает, что делается на судне. Он был близок к отчаянию. Болезнь не могла его оправдать. Ему, политическому руководителю судна, предстояло добиться выполнения плана, вполне реального и выполнимого плана. Эта задача так проста и осязаема и вместе с тем так недостижима... Долголетний опыт руководства, знание человека и умение убеждать в этой новой для него обстановке мало ему помогали. Слабо квалифицированные, случайные люди, новые, неосво-

енные механизмы, плохое обслуживание берегом... наконец болезнь, почти не выпускавшая его,— все в этот решающий период его жизни сложилось против него. Он чувствовал, как падают силы, и не знал, что делать.

Из дверей машинного отделения вышел механик. Он посмотрел на запад и вверх, в безоблачное небо. Оглядывался он медленно, словно не торопясь насладиться расстилавшимся перед ним простором. Помполит окликнул его, боясь, что он повернет обратно.

— Ты здесь? — удивился Басов.— Зачем ты ходишь? У тебя жар, Бредис.

Он подошел к помполиту и протянул запачканную руку.

— Я тебя искал,— сказал Бредис оживленно. Ему пришло в голову, что о положении дел на судне лучше всего поговорить именно с механиком.— Знал бы ты, как мне надоела каюта!

Как человек, мучимый одной неотвязной мыслью, помполит тотчас же заговорил о задолженности. По его подсчетам, «Дербент» не довез более двадцати тысяч тонн груза. Опоздание складывалось из мелких задержек при погрузке и сливе мазута, оно росло в пути из-за недостаточной скорости. Во время погрузки у пристани № 80 танкер сел на грунт, потому что не оттянулся вовремя от берега. На вызов буксиров ушло более часа, и еще час снимались с мели.

Бредиса сбивала с толку эта пестрая разновидность причин. Виноватых не оказывалось, не на кого было обрушиться, все одинаково добросовестно суетились. На капитана было даже жалко смотреть, до того он волновался. Но опоздания накапливались, и мелкие причины складывались, создавая тяжелый прорыв.

— Кто виноват в этом? — говорил Бредис, превозмогая кашель.— Мы виноваты, партийцы. Я виноват — не должен валяться в такое время, обязан глядеть в оба... конечно, виноват! И ты и другие коммунисты... Надо было бороться!

— Коммунистов у нас не так уж много,— усмехнулся Басов,— ты да я, да еще пятеро комсомольцев. Выходит, мы с тобой главные виновники и есть.

Он улыбался сумрачно и злобно, дрожащими уголками рта. Казалось, вот-вот оскалит зубы, выругается ядовито или яростно сплюнет. Бредису стало не по себе.

— Ты сам измучился, я вижу,— сказал он мягко.— Собственно, я не имел тебя в виду...

Басов махнул рукой.

— Ты, друг, не спеши, не показывай на себя пальцем. Виноваты мы или нет — про то другие будут думать. Вышибут из партии — и конец.— Он беспощадно усмехался, глядя в глаза собеседнику.— Пошлют на наше место крепких ребят. Только я сейчас не думаю об этом. Ведь машины у нас новые, грузовые устройства в порядке. Значит, дело в людях, и мы еще можем выправиться до конца навигации, мы еще план перевыполним, а не только долг отдадим.

— Ты хорошо говоришь,— сказал Бредис нетерпеливо,— но я не понимаю, на что ты надеешься. На самотек?

— У нас тут подобралась удивительная публика,— продолжал Басов неторопливо.— У них, видишь ли, нет внутренней связи с делом. Они равнодушны, как святые, для них пусть все горит огнем — наплевать. Возможно, что Котельников прав, и это просто сброд. Но рядом другие суда изо дня в день выполняют задание. Например, «Агамали». Туда попало много демобилизованных краснофлотцев — это прекрасные ребята. Недавно они подняли на смех наших мотористов, когда те покупали хлеб в пристанской лавке. Вы, говорят, тихоходы, гробы на мокром месте. Радист говорил, что у них там чуть до драки не дошло. Это хорошо. Потом на «Агамали» получили премиальные, а у нас премиальных не будет. Это хорошо. Одним словом, нашим надо всячески давать почувствовать, что они худшие из худших.

Бредис улыбнулся и покачал головой, как музыкант, уловивший фальшивую ноту.

— Постой, товарищ, ты что-то не то говоришь. Потвоему выходит, что все дело в самолюбии да в заработке. Но это же неверно! На фронте мы, милый, на смерть бились и премий за это не получали. Мы за свободу, за власть советскую жизнь клали. А здесь тот же фронт, та же война, если хочешь. Не вывезем нефть — не будет бензина, смазочных масел. Нечем будет заправлять тракторы и самолеты? Ясно? Ты должен им втолковать, что работать надо, не щадя сил. Ведь это кто у тебя там к машинам приставлен? Свой же брат рабочий пролетарий приставлен, а не сброд! Пускай он малограмотный, он чутьем поймет революционное слово. Сознание развивать надо, а не самолюбие...

Его тряс озноб, и он переступал с ноги на ногу, пересиливая страдание. Басов выслушал его равнодушно.

— Все, что ты говоришь, мне известно, да и им, пожалуй. Мне кажется, иногда возить мазут труднее, чем драться на фронте. Они знают, что стране нужно горючее, но они не чувствуют себя ответственными за дело. Они спят на вахте и безобразничают в порту. В прошлый рейс какая-то собака забыла тряпку в смазочном насосе, и вообще я не могу говорить с ними о значении перевозок, пока они не поймут своего стыда!

— Ты что же, презираешь их, что ли?

— Нет, не презираю. Конечно, они свои. С помощником Алявдиным у меня был бы другой разговор. Но все-таки разные они, трудно с ними, и с командирами нашими тоже сложно.

— Везде сложно,— подтвердил Бредис раздумчиво. Он вынул портсигар и порылся, отыскивая спички.— Слушай, Басов, а, пожалуй, ты прав. Если бы можно было организовать соревнование...

— Организуем,— отозвался Басов неожиданно веселым тоном. Улыбаясь, он взял помполита за руку и отнял спички.— Между прочим, курить на палубе вредно. Можно взлететь на воздух.

— О, черт!..— злобно выругался помполит, комкая папиросу. Все лицо его до корней волос залилось краской.— Как я мог забыть!

— Хуже, чем на фронте? — засмеялся Басов.

— Н-да, пожалуй!

VI

Во время стоянки Гусейну удалось вырваться в город. Он встретился с Женей в условленном месте. Он предлагал пойти в кино, а оттуда в купальню: в его распоряжении было только три часа, и ему казалось, что они успеют еще зайти в кафе и на спортплощадку, где происходили соревнования. Женя предпочитала индустриальную выставку. В конце концов они так и остались на бульваре.

В этот утренний час здесь было безлюдно. В кустах щебетали птицы, с акаций осыпались белые лепестки. Женя в желтой кофточке, горевшей на солнце, как огонь, была очень хорошенькой. Она тормошила его, заставляла рассказывать о жизни на танкере. Он смотрел на ее яркие губы, и его мучило желание поцеловать ее.

— Так этот тип из вагона плавает вместе с тобой? — спрашивала она.— Ну, как же вы встретились? Узнал он тебя? Воображаю, какие у вас были глупые рожи!

Она смеялась. Воспоминание о приключении в вагоне было совсем некстати. Он смутился и убрал руки за спину. Это была настоящая девушка — славная, доверчивая, и, разговаривая с ней грубовато-небрежно, он боялся коснуться ее руки. Они болтали весело и оживленно, не замечая, как идет время.

— Я часто вспоминала тебя, с тех пор как мы расстались,— призналась она без всякого смущения.— Мне кажется, что у тебя очень интересная жизнь. В «Большевике Каспия» я читаю о нефтеперевозках. От них зависит снабжение страны жидким топливом. В общем, дело идет неважно, но отдельные суда перекрывают задание. Как ты работаешь, Мустафа? Я бы хотела быть на твоем месте. Пока что я только учащаяся, я все еще готовлюсь к жизни, а рядом живут и борются другие. А хочется уже живого дела, столкновений с людьми, ответственности. И я часто думала о тебе. Мне кажется, что ты горяч и настойчив и у тебя много бесстрашия. Может быть, тебе суждено стать знатным моряком, их уже немало в нашем бассейне. Я романтик, Мустафа,— прибавила она доверчиво и важно,— над этим не надо смеяться.

Гусейн был удивлен неожиданным оборотом разговора. Девочка интересовалась нефтеперевозками и его работой. К тому же она хотела быть на его месте. Романтика? У них романтика? Его разбирал смех.

— Это скучный разговор, Женечка,— сказал он тоном взрослого, разъясняющего ребенку нелепость его вопроса.— Работа тяжелая и грязная, а главное — все идет прахом. Танкер не выполняет задания, механизмы не освоены, на судне склока. Командиры у нас дрянь, а экипаж и того хуже. Бичкомеры, сброд...

— Бичкомеры?

— Ну да. Это, видишь ли, английское слово. По-английски это значит — безработный моряк, люмпен. У нас безработных нет, и потому слово это употребляется в другом смысле. Бичкомер — это бездельник, шпана. Теперь понятно? Между нами, я сам немножко бичкомер,— сказал он неожиданно с задушевной беспечностью,— и знатность моя фю-и-и!.. Разве что в отделениях милиции я известен.

— Ах, что ты говоришь! — вырвалось у нее с досадой.— Как тебе не стыдно!

Она покраснела и казалась обиженной. Гусейн прикусил язык.

— Да ведь я тебе как другу говорю,— произнес он смущенно.— Я преувеличил малость. Все обойдется. Сейчас мы здорово отстали по плану, но если мы подтянемся и наладим двигатели... Левый дизель у нас дает сто два оборота, правый — сто пять... Я уверен, что можно получить все сто десять.

Он вспомнил, что так говорил старший механик, и ему стало неприятно. «Хвастовство одно»,— подумал он с привычной злобой. Но Женя вскинула голову и улыбнулась.

— Вот видишь,— сказала она примирительно,— говоришь про себя всякую чушь. Когда ты пятак в кулаке зажал, у меня мурашки забегали. Жутко и весело. Ты был так спокоен! А теперь — все испортил. Какой-то бичкомер.

— Пошутить нельзя! — усмехнулся Гусейн самодовольно.— Слушай насчет дизелей. Если удастся поднять скорость до тринадцати миль, мы вывезем задание. Механик у нас толковый, хоть и собака большая. Но один он, конечно, не может. С нами, мотористами,— другое дело. Чтобы наладить двигатели, надо работать на стоянках, то есть оставаться без берега.

— Какая беда! — подхватила Женя храбро.— Что же делать, если надо?

— Я и говорю: сделаем безусловно. Вот с мотористами у нас неладно. Другой моторист боится подойти к машине, потому что ее регулировали на берегу. Такому на танкере не место. Это не моряк! («Опять Басов»,— подумал он мимолетно, но уже без всякой злобы.) Ты отрегулируй двигатель не раз и не два, тогда он себя покажет. Такие-то дела, Женя. А про бичкомера ты забудь, я ведь пошутил давеча.

Рядом с ним сидела красивая, чистая девушка, такая, каких не встречал Гусейн в своей жизни. Ее глаза, за минуту перед тем облившие его обидным презрением, теперь смотрели на него испытующе, как бы проверяя серьезность его слов. И ему вдруг стало нестерпимо жалко, что эта воображаемая победа, о которой он говорил с такой бесстыдной уверенностью, в действительности едва ли осуществится.

ВЫЗОВ

I

Вскоре электрики, вернувшись из города, рассказали еще об одной встрече с моряками танкера «Агамали».

У электриков был скоифуженный вид, щеки их горели.

— Оин выходят иа два часа позже иас,— ораторствовал Котельников,— так и сказали. Даем, дескать, вам два часа фору. К вечеру ждите, обгоним. На буксир вас возьмем...

— Врешь?

— Так и сказали: «Вам, говорят, терять иечего, а нам лестно...»

— «Черепахи внутреннего сгорания»,— вставил Володя Макаров.

— Кто это «черепахи»?

— Это оии про иас сказали. Глумятся, стервецы!

— Боцман сказал...

— Э, наплевать мие, кто сказал! — рявкнул Гусейи раздраженно.— Да неужто, ребята, и в самом деле оии обгоият?

— Не должио быть...

— Надо приготовиться,— иасмешливо проскрипел Хрулев, встряхивая чубом.— Эй, предсудкома, подтяни команду!

В тот деиь все шло обычным ходом. Сменялись вах-

ты, принимались по радио метеосводки, проводились политзанятия. Только без нужды часто поднимались моряки на спардек и поглядывали оттуда на юг, где за синей чертой утонул берег. После полудня появилась там еле заметная точка. Она медленно росла, повиснув на стыке моря и неба, и казалась уродливой зазубриной на безукоризненной линии горизонта. Первым заметил ее Догайло, забредший на спардек в поисках неполадок. Он протяжно и тихо посвистывал и спустился вниз, чтобы сообщить о своем открытии. На палубе электрики протирали коллектор электромотора.

— Жмет! — возвестил Догайло торжествующим фальцетом.— «Агамали» идет. Обгонит он нас к вечеру, браты, за милую душу!

Электрики побежали на спардек. За ними трусил Догайло, усмехаясь в усы.

— Мабуть, то канонерская лодка? — высказал предположение электрик Проценко.

— Сказал! А дым-то где? Дыма не видать. Нет, милый, не канонерка. Теплоход идет.

Поодиночке появлялись на спардеке свободные мотористы и матросы. Взглядывали из-под руки и молча исчезали. Догайло прохаживался, опустив глаза и по обыкновению оглядывая все углы судна, как бы отыскивая что-то. Но временами он поглядывал вдаль. На штурманском мостике Касацкий приложил к глазам бинокль, рассматривая приближающееся судно. Оно все увеличивалось в размерах, словно подгонял его с юга влажный свистящий ветер. Касацкий опустил бинокль и растянул рот в застывшей улыбке.

А на спардеке появлялись новые люди, торопливо отыскивали на горизонте силуэт судна, измеряли глазами расстояние. Проделывали это молча, не глядя друг на друга и как бы невзначай, словно стараясь скрыть беспокойство.

Перед заходом солнца «Агамали», энергично забирая вправо, показал «Дербенту» белые надстройки и короткую трубу на корме, выпускавшую жидкие хлопья дыма. Кончилась вахта. Моряки выбегали на проходной мостик и останавливались у перил. Вокруг Гусейна группировались мотористы. Он стоял, опустив на перила тяжелые руки, и на его неподвижном темном лице над левой бровью заметно бился пульс.

Басов появился на мостике в тот момент, когда корабли поравнялись. Он переводил глаза с неподвижного Гусейна на штурмана Алявдина, топтавшегося на месте

в нервном возбуждении, на лица мотористов, электриков, собравшихся на мостике. Мимо него, грохоча сапогами, прошел Догайло, направляясь к трапу, ведущему на корму.

— Салют «образцовому» надо отдать,— пропел он лукаво,— дескать, уважаем и даем дорогу. Счастливого пути! — Он полез по трапу, и за ним двинулось несколько любопытных.

— Не надо, оставьте, Догайло,— слабо запротестовал Алявдин, но боцман не слышал.

Он подошел к кормовому флагу и распустил узел. Трижды протравил он бечеву, и широкое красное полотнище, свиваемое ветром, послушно скользнуло вдоль штока, опускаясь к его ногам.

С мостика было хорошо видно все, что происходило на палубе «Агамали». У борта его неподвижно замерли фигуры людей. Другие тащили по палубе конец троса. Жесткие кольца каната упруго расправлялись. Флаг на корме продолжал развеваться — никто не торопился опустить его в ответ на приветствие.

— Озорничают,— тихо заметил возвратившийся Догайло.— Видишь, конец притащили. На буксир, мол, возьмем.

Казалось, люди на палубе «Агамали» выполняли серьезное, наперед задуманное дело. Они сбросили за борт конец троса, и он повис, раскачиваясь и описывая над водой зигзаги. Судно уже выдвинулось вперед, показывая круглую корму. На мостике царило молчание.

— Экие грубияны,— заговорил Догайло, покачивая головой.— Подрядились мы с ним гоняться, что ли? Да у нас и машины не те! Вон и механик скажет. Чудаки!

На него оглянулись, некоторые начали улыбаться. Певучий голос боцмана действовал успокоительно. Матрос Хрулев, стоявший в стороне, подошел, раскачиваясь всем туловищем, к Гусейну и тронул его за плечо.

— Принимай буксир, Мустафа,— сказал он, оглядываясь и как бы приглашая других посмеяться.— Твоя машина все равно ни черта не тянет. Эй, Мустафа не упускай счастья!

Гусейн рванулся, как ужаленный, и взмахнул кулаком. Перекошенное болью лицо его исказилось.

— Отойди от меня, паразит! — рявкнул он бешено,

надвигаясь на матроса.— Горло вырву!

Хрулев попятился назад, выставив перед собой ладони.

— Ну ты, рукам воли не давай,— заговорил он тихой скороговоркой.— Я же так, только посмеяться. Видали, ребята?

Вокруг них сразу сомкнулось и загудело кольцо любопытных. Из-за плеча Гусейна высунулось круглое веснушчатое лицо Володи Макарова.

— Не надо драться, Мустафа! — крикнул он гневно.— Разве это человек? Этому плюнь в глаза — он утрется!

— Эт-то что такое! — начальственно крикнул Алявдин.— Не драться, ребята!

Басов быстро подошел к шумящей группе людей на мостике. До него донесся громкий мальчишеский голос Володи:

— Почему мы садимся на мель у пристаней? Почему мы делаем восемь миль порожнем? Пусть кто-нибудь скажет!

— Мы можем утереть им нос в следующем рейсе,— сказал Басов, протискиваясь к радисту.— Подожди, Володя. Я тебе отвечу.

Теперь все смотрели на него, и от напряжения у него на секунду пресекся голос. «Только бы не сорваться теперь!» — пронеслось у него в голове. Он искал помполита, но помполита не было.

— Чего вы орете? — спросил Басов грубо, встретив блуждающие глаза Гусейна и обратившись к нему.— Понятно. Эти моряки нас и за людей не считают. А ты смеешься этому? — быстро обернулся от к Хрулеву.— Значит, ты сам согласен, что дерьмо.

— Таких у нас много! — взвизгнул Володя.— Им на все наплевать! Из-за них и мучимся!

За плечами у Басова кто-то заворочался и жарко дыхнул в шею. Он уверенно повысил голос:

— Мы можем утереть им нос. Пускай они сейчас на первом месте, а нас ругает каждая собака в нефтегавани... Мы все-таки можем забить их. Первое дело — наладить двигатели. Потом — экономить время на стоянках...

— Гулять-то когда же? — вставил кто-то со смешком. На него тотчас зашикали. Басов не обернулся.

— Экономить, беречь каждую минуту. Штурманам

следить, чтобы вовремя оттягивались от берега при погрузке, чтобы не садиться на мель. Отремонтировать на ходу вспомогательные дизели. Да под нами вода закипит, если захотим!

— Посадки на мель в мою вахту не будет,— неожиданно горячо заявил Алявдин.

— Чего толковать, давайте возьмемся,— сказали сзади негромко.

— Возьмемся, что ли? — спросил Гусейн, недоверчиво оглядывая лица соседей, словно не веря еще, что можно взяться так, вдруг.

— Эх, ребята, делов наделаем...— Володя сорвал с головы кепку и стиснул ее в кулаке, как бы намереваясь ударить оземь.

Котельников сказал, сосредоточенно обкусывая ногти:

— Соревнование им надо объявить, вот что.

— Эх, что-то больно нахально! Может, ничего и не выйдет.

— Обязательно объявить,— сказал Басов.— Вызов по радио передадим. Но сейчас не в этом дело. Раз решили — на стоянке придется работать всей машинной команде.

Наступило короткое молчание. Козов, засунув руки в карманы, принялся разглядывать гладкую поверхность моря. Моторист Газарьян промолвил, глядя под ноги:

— Как это без берега, когда у меня мать больна? Старая мать. Нельзя...

— От-т несчастье! — едко прищурился Котельников.— Она же здорова была! Ты это по радио узнал, да?

— Катись в пивную, без тебя справимся! — крикнул Гусейн, угрожающе оглядывая моториста. От возбуждения лицо его поминутно менялось, то проясняясь, то наливаясь угрозой.— Кто сойдет на стоянке, тот подлец.

Басов сказал:

— Все останутся, не беспокойся. Плевки получать никому не сладко. А кто сойдет — ну что ж, помехи меньше.— Он кивнул Гусейну и направился в машинное отделение, но его нагнал Володя Макаров.

— Александр Иванович, ребята будут работать в машинном отделении, а как же я? Радиорубка в порядке.

— Тебе нечего делать в машинном, ты не механик,— сказал Басов нерешительно,— а впрочем, черт... не в механиках сейчас дело... приходи обязательно.

II

Гусейн проснулся в темноте. Переборки каюты вибрировали от гула машин, ровного и монотонного, как гул крови в ушах. Он приподнялся на койке и спрыгнул вниз. Ему показалось, что он опоздал и судно стоит в порту. Но глазок иллюминатора был темен и пуст, сквозь него доносился плеск волн и мягкий свист ветра. Гусейн выскочил в коридор и едва не ушиб дверью проходившего мимо человека.

— Идите,— сказал Басов озабоченно.— Я искал вас. Сейчас миновали остров Жилой. Пора начинать.

Они прошли мимо горячей стены кухни, вдоль ряда кают и достигли входа в машинное отделение. Здесь Басов остановился.

— Там собралась почти вся команда,— сказал он усмехаясь.— Это хорошее начало, но для регулировки гребных дизелей этого вовсе не нужно.

— Как не нужно? — удивился Гусейн.— Да ведь вы сами...

— Я сам настаивал на аврале, это верно. Лучше, если первый успех будет достигнут общими усилиями. Тогда каждый сможет гордиться и не будет посторонних людей у машин.

— Верно,— согласился Гусейн. Ему было приятно, что старший механик советуется с ним тайком от других, как бы выделяя его из остального экипажа.— Это вы правильно придумали. Только работы на всех не хватит, пожалуй. Не удалить ли лишних?

— Удалить недолго,— сказал Басов,— но, по-моему, зрителей у нас быть не должно.

В машинном отделении люди толпились на решетках, разговаривали друг с другом, стараясь перекричать грохот. При виде этого непривычного сборища Гусейн смутился. Всех этих людей он знал и половину из них считал никчемными. Они могли только выполнять приказания и всегда старались поскорее отстоять вахту. За ними нужно было смотреть непрерывно. С этими-то людьми Басов хочет наладить двигатели!

Спускаясь по трапу вслед за механиком, Гусейн

чувствовал обращенные на них взгляды, и ему было неловко, словно он выдавал себя за кого-то другого.

— Вы будете менять поршневые кольца,— сказал ему Басов.— Возьмите человек пять слесарей и мотористов. Когда будете поднимать поршни — глядите в оба.

Смущение Гусейна росло: у старшего механика два помощника, но он почему-то предпочитает доверять ему. И как это Гусейн будет «глядеть в оба», когда он сам только моторист и никогда не руководил людьми?

Басов разложил на ладони листочки индикаторных диаграмм. Команда сгрудилась вокруг него, и Гусейн постоял некоторое время, не зная, что делать. За грохотом машин голоса механика не было слышно. Понемногу им овладели привычные унылые мысли, которые всегда приходили в момент бездействия: старший механик повысит обороты двигателей, отрапортует кому следует, получит благодарность, но какое до всего этого дело ему — Гусейну? Просто он разыграл дурака вчера на мостике.

Вдруг он увидел, что Басов машет ему рукой, почувствовал на себе опять всеобщее внимание, покраснел и свирепо сдвинул брови. Невидящими глазами вглядывался он в листы диаграмм, которые протянул ему Басов.

— Вот смотрите сюда,— кричал Басов, тыкая пальцем в листок,— это вот первый такт поршня. Здесь неполное сжатие дает искаженную кривую. А вот правильная диаграмма пятого цилиндра. Видите разницу? Так где же менять нам поршневые кольца? — Он сунул Гусейну диаграммы и положил ему руку на плечо.

Механик Задоров, помощник Басова, выглянул сбоку и нетерпеливо подсказал:

— В третьем и четвертом, надо полагать...

— Без вас знаю! — ревниво огрызнулся Гусейн.— В третьем и четвертом надо менять, Александр Иванович...

На верхнем ярусе надевали кольца на запасный поршень. Полутораметровое цилиндрическое тело поршня лежало на решетке, загораживая проход в мастерскую. Козов, Газарьян и два слесаря силились приподнять его, чтобы надеть кольца. Они багровели от натуги и кричали друг другу так, словно готовились сцепиться.

— Физкультурой занялись ребята, а подъемный

кран отдыхает,— пошутил Басов.— Подите к ним, Мустафа.

Гусейн побежал наверх. При его приближении люди бросили поршень и разогнули спины.

— Кран не работает,— спокойно пояснил слесарь Якубов,— должно быть, цепи соскочили. Ты чего глядишь? Нам сказано, чтобы управиться до стоянки, мы и стараемся, уж как-нибудь...

Он благодушно улыбнулся, вытирая платком доброе широкое лицо. Гусейну всегда нравился этот бесхитростный парень, но сейчас он почему-то озлился.

— Тяп да ляп, да как-нибудь! — прокричал он сердито и в сердцах ухватился за цепные тали. Они не поддавались.

— Надо лезть на верхние балки, поправлять,— заметил Якубов, нисколько не задетый окриком Гусейна,— да я боюсь сорваться.

Остальные не трогались с места, выжидательно поглядывая на Гусейна. Ему тоже очень не хотелось лезть исправлять кран. Казалось, скорее можно приподнять поршень вручную. Но он заметил, что Басов поглядывает на него снизу, и заторопился.

— Цепляйте так, ребята,— сказал он деловито.— Я сейчас...

Чтобы забраться на балки под потолком машинного отделения, нужно было пролезть снаружи через застекленную крышу. Гусейн выбрался наружу и взбежал на корму. В темноте метался холодный береговой ветер. Огни порта обступили судно, отражаясь в воде золотыми гирляндами. Гусейн скользнул в открытый люк, повиснув на руках и нащупывая ногами балку. Его обдало чадным машинным теплом. Внизу стояли люди и наблюдали за ним, задрав головы. Гусейн пополз вдоль балки на четвереньках, посвистывая и сжимая пальцами железо. Добравшись до каретки крана, он надел цепь на шестерню и крикнул вниз гулко, как в бочку:

— Подтягивай помалу. Застыли?.. Вира!..

Внизу стоял Басов, рассматривая диаграммы, и Гусейну было приятно, что Басов не наблюдает за ним, как бы вполне доверив ему всю работу с поршнями. Он спустился вниз прямо по цепи и, очутившись на решетке, принялся помогать слесарям.

Из-за распределительных щитов вышли электрики-комсомольцы. Они уже закончили текущий ремонт,— электростанция на «Дербенте» содержалась ими в об-

разцовом порядке,— но не уходили.

— Что будем делать? — спросил Котельников, обкусывая ногти.— Здесь самый решающий участок. Признаться, я в дизелях ни уха ни рыла.

— Надо возглавить,— забеспокоился Володя,— мы должны показать пример.

Котельников поморщился.

— Тебе бы все возглавлять,— сказал он с досадой,— а ты помоги людям попросту, вот хоть инструмент подай. Этим ты пример покажешь тем, кто болтает.

— Хиба ж вин знае, що надо робыть? — смерил Проценко глазами растерявшегося Володю.— Тю, дурной!

Котельников первый спустился вниз и подошел к Басову.

— Александр Иванович, мы свое кончили,— сказал он,— тебе помочь пришли. Давай там что ни на есть, хоть таскать что-нибудь, все равно.

Вокруг приподнятого поршня возились слесари, прилаживая кольца. Гусейну казалось, что работа протекает вяло, как в замедленной киносъемке. Кольца не входили в пазы, приходилось расчищать пазы зубилом. Он слышал, как затихло могучее чавканье двигателей и взвыла наверху сирена. Надо было подготовить три поршня, а у него еще не кончен первый. Он отнял у Якубова инструмент и принялся за дело. Из-под зубила полетели осколки шлака.

— Легче, Мустафа,— посоветовал Якубов кротко,— зачистишь — кольца болтаться будут.

Из мастерской выкатили второй поршень и, прицепив гак, подняли на воздух. Отрываясь от работы, Гусейн наблюдал за тем, что делалось у двигателей. На цилиндры полезли люди, вооруженные гаечными ключами. Осторожно хватаясь за горячие трубы, они отвинчивали крышки цилиндров. Среди них Гусейн увидел Котельникова, но не успел удивиться. Откуда-то появился Володя.

— Не окончили еще? — закричал он плачущим голосом.— А у нас только два часа осталось. Эх, люди!

— Сделай скорее, если можешь,— огрызнулся Гусейн раздраженно.— Пожалуйста, я посмотрю!

Под его зубилом визжало железо, и потные плечи его покрылись черной пудрой шлака. Слесарь Якубов, шаривший в кармане папиросы, махнул рукой и взялся за последнее кольцо.

— В море покурим, ничего,— сказал он весело, подмигнув Володе.— Подай мне кувалду, милый.

Когда покончили с поршнями, Гусейн бросил зубило и подошел к вентиляционной трубе. Холодные струи воздуха защекотали его потную спину, сладко заныли руки. Теперь, когда он окончил работу, про него как будто забыли. Мотористы снимали крышки цилиндров, осматривали форсунки. Все торопились не меньше самого Гусейна, даже те, кого он считал лентяями и лишними на судне.

«Вот я надрывался, работал, а разве это отметил кто-нибудь?» — подумал он было, но мысль эта уже не уколола его, как прежде, а показалась надоедливой и постылой, как зажившая болячка, которую хочется сковырнуть ногтем. Он встряхнулся и побежал к двигателям.

Под потолком медленно катилась каретка крана. Готовый поршень плыл по воздуху, позванивая натянутой цепью. Внизу, словно погонщики за вьючным животным, двигались люди, вытягивая крановые тали.

Поршень остановился над отверстием, начал опускаться, и конец его скоро вошел в горло цилиндра. Гусейн сжимал руками кольца, проходившие в отверстие. Когда опустилось последнее кольцо, он выпрямился и вытер руки.

— Крышку! — скомандовал он мотористам.— Третий цилиндр кончаем, Александр Иванович.

Басов посмотрел на его оживленное лицо и улыбнулся. Он с волнением приглядывался к тому, что происходило вокруг него, и особенно к тому новому выражению, которое было на лицах людей. С них как бы слетело ленивое оцепенение и сменилось выражением нетерпения и горячего любопытства, какое бывает у людей, впервые вложивших душу в серьезное дело. Но он опасался. Это могло быть только лишь оживлением новизны — яркий, но непрочный огонь, готовый погаснуть при первой неудаче.

Басову не хотелось думать об этом, не хотелось верить, что с лица Гусейна может исчезнуть это чудесное оживление. Когда заревела сирена, возвещавшая конец погрузки, Басов спокойно подошел к пусковому пульту.

Команда столпилась перед измерительными приборами. Гусейн стоял у воздушного крана, положив руку на штурвал. Внезапно его уверенность исчезла. Может быть, тахометр покажет по-прежнему сто оборотов?

Команда осталась без берега, и многие работали бессменно уже вторую вахту. Гусейн первый закричал о соревновании, взбудоражил ребят. Теперь его поднимут на смех.

Из штурманской рубки прозвенел сигнал. Басов взялся за маховики и посмотрел на указатель. Гусейн вздохнул и закрыл глаза.

— Открывайте, Мустафа,— раздался голос Басова.

Услышав грузное чавканье первых тактов, Гусейн приободрился и подошел к щиту. Сигнальная стрелка показала «малый задний ход», потом «малый передний». Судно разворачивалось, отходя от пристани.

Гусейн не выдержал и отвернулся от циферблатов. «Ну, не выйдет, так что же?! Посмеюсь и я со всеми»,— мелькнула в голове трусливая мысль. Но в следующий момент он забыл обо всем, кроме нарастающего стука мотора.

Стрелка тахометра быстро ползла по шкале. Она, не останавливаясь, перевалила через цифру «сто» и двигалась дальше.

— Сто пять... сто семь... сто девять...

Вокруг взволнованно загудели, задние поднимались на носках, чтобы лучше видеть. Двигатели гремели на полном ходу.

— Сто двенадцать! — торжествующе крикнул Володя на ухо Гусейну.— Эх, гляди, Мустафа!

— Н-да,— значительно протянул Козлов, морща нос лукавой улыбкой.— Что ж, потягаемся теперь с «Агамали», Александр Иванович!

Гусейн выбрался на палубу и присел отдохнуть. Огни порта отступали во тьму. Ветер бросал вниз клочья дыма, а они трепались по палубе, цепляясь за выступы люков, как куски серой ткани.

Гусейн видел, как вышел из машинного отделения старший механик и остановился в полоске света, падавшей из двери. «Подойдет или нет?» — подумал Гусейн, отворачиваясь.

Ему казалось, что если Басов подойдет и заговорит с ним теперь, то произойдет что-то очень важное, от чего изменится вся его жизнь на судне. Позади раздались шаги, и он вздрогнул, почувствовав руку Басова на своем плече.

— Сто двенадцать оборотов дали сегодня,— сказал Басов озабоченным, будничным тоном.— Ребята бушуют в столовке, ничего подобного они не ожидали.

Но это ведь только начало. Надо поддерживать двигатели в таком состоянии. Это гораздо труднее, и здесь мы можем сорваться. Я хочу сказать, что необходимо постоянное внимание, и еще не одну стоянку придется провести в машинном.

— Форсунки часто засоряются,— отозвался Гусейн тем же сухим, невыразительным тоном.— Вот сейчас темно, не видно, какой дым. Давеча черный был — сажи много, а теперь как будто чистый выхлоп пошел.

— Дым — ерунда,— сказал Басов задумчиво.— Дым — это дым! — Он засмеялся.— Тебе сейчас на вахту, Мустафа?

— Сейчас пойду,— промолвил Гусейн, поднимаясь,— отдохнул малость.

Ничего особенного не случилось. Они обменялись деловыми замечаниями и готовились разойтись. Вероятно, по рассеянности Басов сказал ему «ты», да, верно, это вышло у него машинально. Ведь Басов на «ты» только с комсомольцами...

— Еще я хотел поблагодарить тебя,— вдруг сказал Басов.— Если бы не твоя помощь... Один я ничего не могу сделать,— прибавил он просто.

— Какая тут благодарность...— ошеломленно пробормотал Гусейн.— Да разве я один?

Он вглядывался в лицо механика, но тот не торопился уходить и протянул руку.

И тут неожиданно произошло то важное событие, которого смутно ожидал Гусейн. Он схватил руку механика и стиснул ее с такой силой, что пальцы их слиплись.

— Эх, Александр Иванович,— прошептал он задушевно,— милый друг!

III

Телеграмма, посланная по радио танкеру «Агамали», гласила следующее:

«Вызываем вас на социалистическое соревнование по выполнению плана перевозок. Согласие сообщите.
Предсудкома Котельников».

Сам предсудкома топтался за спиной радиста, пока тот работал ключом.

— Может быть, они и разговаривать с нами не за-

хотят? В самом деле, уж очень нахально с нашей стороны. Ведь у нас задолженность не покрыта.

Володя включил передатчик и повернулся на стуле.

— Мы тогда их обгоним неофициально, и они вынуждены будут это признать. Не все ли равно? Мы бросаем им вызов, мы — сорок пять человек с «Дербента». Шикарно, а? Удивительная штука соревнование! Теперь уж я не могу спокойно ждать, пока нам подадут баржи. Кажется, я сегодня изрядно попортил нервы этим флегматичным молодцам на рейде. Однако баржи-то подали вовремя.

— Обгоним ли?

— Обязательно. Знаешь, Степа, по-моему, мы с тобой ошибались, когда рассуждали насчет команды. Помнишь, ты сказал: «сброд»?

— Не помню что-то...

— Э, не хитри! Местом я тебя тогда соблазнял в Эпроне. Память у тебя девичья, Степа!

— Дело прошлое...

— То-то и есть! Видел, как работали мотористы на стоянке? Это уж что-то новое. Самое интересное то, что все это сладилось без участия командиров. Как это началось, ты не помнишь?

— Начал Мустафа Гусейн...

— Бывший комсомолец. А почему он «бывший», ты знаешь?

— Как будто исключен за пьянку. Толком не знаю...

— Неладно, Степа! Мы запираемся в красном уголке и совсем не знаем людей. Соревнование началось стихийно, без нас, и мы только примкнули к нему.

— Ты же вчера хотел возглавить,— съязвил Котельников.

— Оставь... Нужно уничтожить эту дурацкую замкнутость, нужно работать с людьми. Тогда, может быть, и возглавим.

— Открытых собраний побольше,— сказал Котельников,— поменьше секретов. А главное — надо работать вовсю. Мы поддерживали порядок на электроустановках и считали, что показывали пример,— мы-де образцовые! Дешево это стоит, Володя! Мы должны быть всюду, где дело идет плохо. Если не умеешь наладить двигатель, подавай инструмент, организуй людей, покажи им цель. Трудное это дело, Володька, организовать людей. Трудное...

На «Агамали» с ответом не торопились. Вечером, во время ужина, Володя прибежал в кают-компанию.

— Предсудкóма к аппарату,— объявил он торжественно.— Шевелись, Степа!

Радиорубка наполнилась народом. Здесь были матросы, электрики, и донкерман и мотористы. Пришел даже штурман Алявдин. Разговаривали тихо, почти шепотом, словно тот, кто вызывал предсудкома, находился тут же, в рубке, и прятался за щитом передатчика. Гусейн, приоткрыв рот, слушал дробный стук ключа и свист репродуктора.

— Это ты передал сейчас? — спрашивал он тихо.— А теперь он говорит? Что он ответил?

— Поди ты к черту! — зашипел Володя.— Я спутаюсь!

Из-за края моря простучал, наконец, небрежный ответ:

«Согласны, если вы не шутите. Наши условия: перевезти двадцать пять тысяч тонн сверх плана, сократить простои, выполнять ремонт на ходу. Кончаю».

В рубке поднялся шум. Телеграмма переходила из рук в руки. Алявдин покачал головой.

— Будет хорошо, если мы покроем задолженность. Двадцать пять тысяч сверх плана. Извините, это бред.

— Однако вот они предлагают,— сощурился Котельников,— для них это не бред.

— У нас машины другие.

— Машины одной серии. Головы у нас другие, вот что!

— Насчет голов позвольте мне сказать,— выдвинулся до сих пор молчавший донкерман Пронин.— Вы знаете, кто регулировал двигатели «Агамали»?

— Откуда мне знать?

— А я знаю. Наш механик, Александр Иванович, регулировал. Он ведь в доках работал раньше.

— Путаете вы что-то. Не может быть!

— Нет. Это мне доподлинно известно. Он самый.

Гусейн торжествующе улыбнулся.

— Вчера мы подняли обороты левого двигателя до ста двенадцати,— сказал он оглядываясь.— Все видели? Басов говорит, что можно получить все сто пятнадцать.— Он схватил со стола телеграмму и быстро вышел. Матрос Хрулев проводил его глазами с недоброй усмешкой.

— Землю роет,— сказал он, подмигивая Алявди-

ну.— Теперь, надо думать, к механнку побежал, выгибаться. Подлизывается, бичкомер! А его ведь за хулиганство судили, вы знаете?

— За пьянку,— угрюмо поправил Котельников.— Зачем болтаешь зря? Поганый у тебя язык, Хрулев, что швабра палубная!

Гусейн приоткрыл дверь в каюту Басова. Старший механик сидел за столом, подпирая кулаками виски.

— Зубы болят? — спросил Гусейн, осторожно закрывая дверь.

— Нет, зубы в порядке,— сказал Басов потягиваясь.— Что это ты вздумал? Просто заснуть никак не могу. Ночь не спал, а вот не спится.

Гусейн присел на кончик стула и развернул телеграмму, но почему-то сложил ее опять.

— Тоскуете, значит? — спросил он участливо.— Я давно замечаю. О чем бы это?

— Всякое в голову лезет,— отозвался механик скучным голосом. Он поднял голову и вдруг усмехнулся не то над собой, не то над вопросом Гусейна.— Жену на берегу оставил,— добавил он неожиданно.

— Молодая небось? — оскалил зубы Гусейн.

— Молодая... Так ведь и я не старик. Знаешь что? Говори мне «ты» без стеснения. Мы не на работе.

Гусейн с удовольствием уселся поудобнее на стуле и скрестил ноги.

— Эка грусть, подумаешь,— сказал он беспечно.— Кончится навигация, поживешь дома. Детей нет еще? Будут и дети.

— Не так все просто, Мустафа.

— Неужели не поладили?

— Не поладили. Меня сюда послали. Ей это не подходит, Мустафа.

Гусейн перестал улыбаться.

— Эх, жизнь! Я вот про себя скажу,— прорвался он неудержимо.— Познакомился я, брат ты мой, с девушкой. Она очень славная, душевный она человек, я тебе скажу. Институт кончает. Да ведь как знакомство вести, когда за месяц всего два раза свидеться пришлось. То ночью придем в порт, а то рано утром, когда ей некогда. На пристань я ее не зову — вдруг опоздаем или не смогу я уйти с танкера. На пристанях ребята зубастые, начнут задевать: вам, мол, скучно, да не проводить ли вас, то да се. Обидеть ее могут очень

свободно. Встречаемся мы с ней на бульваре, и разговоры у нас чудные бывают. Интересуется она, как живут моряки и почему мы не выполняем плана перевозок. Чувствую я, что она хочет от меня чего-то и как будто ждет от меня большого дела. Ты, говорит, горяч и настойчив, у тебя много бесстрашия.

— Умная,— сказал Басов.— Что же ты ответил?

— Трепался, конечно. Станем, мол, и мы знатными, погоди с недельку. Вот и выходит, что ничего у нас с ней не будет. На берегу много людей. Есть и горячие и настойчивые — только выбирай. Может быть, она уже встретила кого-нибудь, пока я был в море. Да и сама она на серьезное дело способна. На строительной практике десятником была. Меня, говорит, сезонники очень уважают, ей-богу! Слушал я ее, и мне стало грустно. Пути наши разные, Александр Иванович.

— Тебя послушать, так все моряки холостыми ходить должны,— улыбнулся Басов.— Это вздор. У Котельникова вот жена и ребенок, у боцмана дети в школу ходят. И какие славные ребятишки, ты бы посмотрел!

— Про себя-то забыл? Агитируешь!

Басов встал и прошелся по каюте.

— Я пошутил, Мустафа,— сказал он виновато,— у меня нет жены, я один. Ты спросил насчет зубов, и мне стало смешно. Глупо пошутил, извини...

— Ом-манул, значит,— протянул Гусейн, смачивая языком самокрутку.— Ну, ладно, шути на здоровье.— Он развернул телеграмму.— Прочти-ка, что «Агамали» ответил.

Он терпеливо ждал, пока механик читал телеграмму.

— Двадцать пять тысяч тонн сверх плана! — сказал Басов.— Тяжелое обязательство. Но я думаю, что оно нам по плечу, если мобилизовать все средства, разумеется.

— Какие средства?

— Скорость хода и грузовых операций. Может быть, есть и другие средства.

Гусейн задумался.

— Нельзя ли увеличить грузоподъемность «Дербента»? — спросил он.

— Нельзя, Мустафа, «Дербент» не резиновый.

— Ты не шути... Сколько мы забираем горючего на стоянке? С запасом на четыре рейса?

— Ну, на четыре. Но при чем здесь горючее?

— Если запастись горючим только на один рейс —

тогда полезного груза мы можем взять на триста тонн больше.

— Ах, черт! — вскрикнул Басов.— Правда! Мне это не приходило в голову. Зачем же мы возим четырехкратный запас?

— Не знаю. Такое правило. На случай всемирного потопа, должно быть.

— Ну, это дудки. Надо возить не балласт, а груз. Как никто не додумался до этого? — Басов остановился.— Нельзя ли еще что-нибудь снять?

— В канатном погребе много цепей, якорей запасных и всякого хлама,— сказал Гусейн задумчиво.— Потом остается кладовая машинного отделения и мастерские. Если собрать весь железный лом и старье на судне, это составит тонн пятьдесят.

— Итого лишних триста пятьдесят тонн за рейс?

— Ишь ты,— просиял Гусейн.— А ты говорил, будто нельзя увеличить грузоподъемность!

IV

После регулировки второго двигателя «Дербент» покрыл расстояние до Астраханского рейда за тридцать часов. Но на рейде произошла неожиданная заминка. К приходу судна буксир привел только две баржи, третья вышла из строя.

В радиорубке Володя Макаров тщетно надрывал голосовые связки, вызывая рейдового диспетчера. «Послали за запасными в Астрахань»,— следовал поминутно однообразный бесстрастный ответ, вызывавший у радиста припадки бессильного бешенства.

Налитые баржи уходили на север. Грузовой шланг на «Дербенте» был вытянут и свисал над палубой гигантским ржавым хоботом. Над танкером с визгом носились чайки, отнимая друг у друга серебряную рыбную мелочь. Море, бледно-зеленое у бортов корабля, к горизонту синело, сливаясь с эмалью неба. Вахтенные моряки уныло прохаживались по палубе, поглядывали на север, откуда должны были появиться новые баржи.

Штурман Касацкий, наскучив ожиданием, побежал разыскивать капитана.

— Вообразите,— заговорил он, появляясь в дверях кают-компании,— на этот раз мы сэкономили пять часов в пути... Надо бы козырнуть перед пароходством, ей-богу!

Евгений Степанович сидел за столом, помешивая

ложечкой в стакане. На блестящей выпуклой поверхности судового чайника он видел свое лицо, безобразно раздутое и сплюснутое, с чудовищными пунцовыми опухолями вместо щек. И, разговаривая с помощником, все косился на чайник, не в силах отвести глаз от причудливой личины.

— Не худо бы радиограмму послать пароходству,— продолжал Касацкий.— Скажем, хоть так: «На основе соцсоревнования и ударничества...»

— Оставьте...— перебил Евгений Степанович с отвращением, и лицо в чайнике метнулось и покрылось рябью морщин.— Фабрикация фальшивых бумажек... Стыдно, Олег Сергеевич!

— Душа моя, да ведь это чистая правда,— улыбнулся Касацкий.— Почему же не извлечь из этого пользу? Давно ли мы нервничали оттого, что мы на плохом счету, а теперь —«оставьте...» Впрочем, как хотите.

— Я не хочу никого дурачить, и довольно с меня этих телеграмм.— Капитан возбуждался все более с каждым своим словом, как человек, внезапно отважившийся высказать вслух свои мысли.— Поймите же, наконец, что все эти трескучие донесения — просто ложь, гадость, неприлично! Соревнование только началось, и мы с вами тут ни при чем. Поймите!

Как это всегда бывало с ним в редкие минуты гнева, Евгений Степанович нетерпеливо ожидал возражений, которые как бы поддерживали его, подтверждали справедливость его возмущения. Но Касацкий умолк, и лицо его изображало испуг и кроткое недоумение.

— Мне не приходило в голову, что вы можете так истолковать все эти пустяки,— сказал он печально.— Может быть, я пересолил немного, стараясь изобразить дело в лучшем свете. В управлении пароходства сильно обеспокоены неудачным началом навигации. Кого-то из капитанов уже сняли с работы, я слышал. А я бы не хотел другого командира, скажу вам откровенно.

— Вы говорите — сняли с работы? — переспросил Евгений Степанович.

— Мне как-то больно подумать, что вас могли бы... Честный служака, почтенный человек! У меня к вам особое бережное чувство есть, скажу откровенно.

— Милый мой, да разве я не вижу? — пробормо-

тал Евгений Степанович.— Поверьте, я очень ценю ваше отношение, но меня беспокоят все эти отписки. Как будто мы уж слишком злоупотребляем ими за последнее время. Ведь, если говорить по совести, мы сами виноваты во многом. Вот на мель садимся у причалов... Кто же виноват? А историю с водяным балластом помните? Да что говорить!

Касацкий мигом успокоился и присел к столу.

— Да, да, я согласен,— сказал он нетерпеливо.— У кого же не бывает промахов? Но сейчас как будто намечается перелом. Старший механик не пустил свободных людей на берег и перебрал двигатели. Он не имел права лишать людей отдыха, но на это надо закрывать глаза.

— Он мне докладывал.

— И, наверное, смотрел на вас волком. Дескать, презираю вас, но вынужден разговаривать. Не нужно обращать на это внимания, он человек со странностями. Я, например, всячески даю ему понять, что я вовсе не осколок прошлого, каким он считает меня, а в доску свой парень. Ха-ха! Да так оно и есть, конечно. Для меня, дорогой Евгений Степанович, соревнование было своего рода откровением. Удивительно универсальный метод обработки любого человеческого материала. Пущены в ход все дальнобойные орудия человеческой морали, даже такие вечные, как «слава» и «доблесть». В самом слове «вызов» есть что-то старомодное, но красивое и сильное. Право же, мне кажется, что сейчас у наших людей новое, осмысленное выражение появилось на лицах. Одним словом, я — за.

Евгений Степанович слушал молча. Им уже овладело то неопределенное пассивное состояние духа, какое бывало у него во время разговора с помощником. Он мог только следить за неожиданными поворотами мысли собеседника, и за этими поворотами, как в нескончаемом лабиринте, терялись его собственные ощущения.

— Так вы думаете, что наступил перелом? — спросил он задумчиво.

— Несомненно. И надо сделать все возможное, чтобы развить успех. Многое зависит от береговых организаций. У диспетчеров есть свои любимцы, вроде «Агамали». Образцовое судно получает все в первую очередь. Значит, надо создать «Дербенту» репутацию образцового судна. Если послать пароходству телеграмму, как я сказал...

— Что же, я не против. Давайте составим,— согласился Евгений Степанович. Он чувствовал раскаяние за горячность, и ему хотелось поскорее уступить, чтобы загладить вину перед помощником.

— Напишем коротко и достойно,— сказал Касацкий, вынимая блокнот.— На основе соцсоревнования и ударничества нам удалось повысить коммерческую скорость... Так будет искренне и без всякой назойливости. Правда?

Он дописал телеграмму и протянул ее Кутасову. Прошелся и остановился перед иллюминатором, покачиваясь на каблуках. Капитан морщил лоб, читая телеграмму.

— Хорошо,— сказал он, наконец,— так будет действительно вполне достойно.

— Еще одно,— сказал Касацкий, зевая.— Кто-то предложил ликвидировать четырехкратный запас горючего для дизелей. Басов считает, что если убрать с танкера лишнее горючее и разный хлам, то можно увеличить полезную грузоподъемность судна на триста пятьдесят тонн. Хорошо придумано. Я хотел вас предупредить, чтобы вы не вздумали противиться.

— Позвольте,— удивился Евгений Степанович,— вы хотите убрать запас горючего?

— Оставить только на один рейс, Евгений Степанович...

— Да как это, помилуйте?

— Ну, так я и знал! — усмехнулся Касацкий.— Скажите лучше: зачем мы возим четырехкратный запас?

— На всякий случай. Мало ли зачем. Все так делают...

Касацкий зевнул.

— Рейсового запаса более чем достаточно даже при штормовой погоде,— сказал он мягко,— а триста пятьдесят тонн за рейс — это составит в месяц три тысячи, а за навигацию около двадцати тысяч сверх плана. Дело ясное.

— А не опасно?

— Безусловно опасно. Рискуете получить премию и благодарность от Годояна. Ну, договорились?

— Пожалуй.

— Басов говорит, что можно значительно перевыполнить план, если мобилизовать все скрытые средства,— сказал помощник задумчиво.— Похоже, что

он прав. Во всяком случае он уже откопал одно средство. И, пожалуй, сделает большую карьеру этот невзрачный чудак, вот увидите.

V

Последняя баржа была подана с опозданием на два часа. Буксир подтащил ее к борту «Дербента», вспенил винтами воду, свистнул пронзительно и затих. На палубе баржи неторопливо ворочались угрюмые, заспанные люди в тулупах, растягивая наливной шланг. С борта танкера за ними наблюдали моряки.

— Там на рейде чиновники сидят, чернильные крысы! — волновался Володя Макаров.— Им наплевать на то, что мы потеряли два часа. Так мы ничего не добьемся. Их нужно как-то ударить...

— Напишем заявление начальнику Каспара,— сказал Котельников рассудительно.— Он их подтянет.

Гусейн посматривал на говоривших, судорожно дергая бровью. Его нестерпимо раздражали медлительные движения людей на барже и их безучастные лица.

— Вы всегда так ходите? — крикнул он вниз.— Эй вы, с броненосца!

— Не задирай их,— посоветовал Котельников,— они назло будут тянуть канитель.

Но Гусейн не унимался:

— Скажите вашим начальникам-раздолбаям, что мы жаловаться будем. Мы управу найдем!

— Зря ругаетесь,— ответили снизу,— мы люди маленькие.

Гусейн отошел от борта. Бесцельно сокращать время стоянок и экономить минуты, когда результат всех этих усилий может пойти насмарку из-за простой невнимательности диспетчера на берегу. Моряки «Дербента» заинтересованы в успехе соревнования, но успех этот зависит и от диспетчера, и от мохнатых людей с баржи, и от пристанских рабочих в порту, и Гусейн старался не глядеть на то, что происходило на барже, старался сдержать закипавшее в нем глухое раздражение, которое казалось еще тяжелее оттого, что сердиться в сущности было не на кого.

По выходе с рейда он успокоился немного: «Дербент» делал двенадцать узлов. Потом была вахта, и она прошла сравнительно спокойно — двигатели оборотов

не сбавили, топливо подавалось исправно. Все же иногда колола назойливая мысль: может быть, все это напрасно?

Пообедав после вахты, он спал. Но, проснувшись, сквозь глазок иллюминатора увидел плотную молочно-белую муть. Туман всегда наполнял Гусейна горькой тоской и поднимал со дна души отболевшие как будто печали. Он вышел на палубу. Огни, вспыхивавшие на мачтах, горели мутно, словно обернутые белой шелковой тканью. Глухо звучали голоса и шаги. У подошедшего Володи был хриплый голос и лицо казалось зеленоватым.

— Послушай, что сделали наши командиры,— сказал Володя.— Этакая глупость! А туман-то, туман!.. Теперь уже обязательно опоздаем.

Гусейн не удивился ни печальному лицу Володи, ни его словам. Что хорошего может произойти при таком тумане? Он вдыхал густой удушливый воздух и сплевывал за борт сладковатую слюну.

— Отправили, слышь, телеграмму,— говорил Володя,— «на основе соревнования и ударничества...» Спекулируют, подлецы!

— Черт с ними,— промолвил Гусейн равнодушно.— Туман идет лавой. Вот и скорость убавили, я слышу.

— Обидно,— сказал Володя,— на чем спекулируют! Ну, пойду я...

Гусейн остался один. Вокруг все двигалось медленно и бесшумно. Серые клочья тумана ползли по палубе, цепляясь за люки, взбираясь по ступенькам трапов, и от них пахло затхлой сыростью и еще чем-то удушливым, напоминающим отработанный газ.

Рявкнула сирена «Дербента» коротким простуженным гудком, и ей откликнулось тонким воем встречное судно, мигнув в тумане зеленым глазом. Гусейн присел на корточки и обхватил руками колени.

— Плохо,— сказал он тихонько, и голос его прозвучал слабо и глухо,— испохабили соревнование своими телеграммами... подлецы, подлецы! И на берегу такие же...— Он нетерпеливо перебирал в уме все случившееся за последние дни, надеясь найти еще что-то, самое плохое, что переполнит его и разрешит предаться отчаянью.

«Туман задержит, здорово задержит... и Женя на бульвар не придет. Туман и позднее время — ни

за что не придет! Сколько уж мы не виделись? Да и на что я ей сдался? А Басов агитирует. На что он надеется, когда на берегу лавочка, и все покрывают друг друга, и не найдешь концов?.. Отписки, фальшивые донесения. А может быть, Басов ни на что не надеется, и он такой же, как астраханский диспетчер, такой же, как Касацкий и Алявдин, только гораздо хитрее?.. Порт близко. Там остров, теперь огни пойдут, огни... Пивка бы хлебнуть теперь! Самое время...»

Он подошел к борту и, положив руки на перила, повернул лицо навстречу плывущему из тумана зареву портовых огней. Так стоял он, поминутно сплевывая сладкую слюну и вздрагивая от сырости, пока не загремели брошенные сходни. Тогда он сбежал на пристань и пошел, не оглядываясь, облегченно размахивая руками, словно покидал танкер навсегда.

Вахтенные сновали по палубе, перекликаясь в тумане, и им было не до Гусейна. Его увидели час спустя моряки с «Дербента», зашедшие в пивную погреться. Среди них был и слесарь Якубов, тот самый, которого Гусейн научил обращаться с подъемным краном,— тихий, незаметный человек, бросивший курить только потому, что, покупая папиросы, раздавал их другим. Он ахнул, заметив Гусейна за соседним столом, и все порывался подойти к нему, чтобы увести на пристань. Но палубный матрос Хрулев крепко держал слесаря за рукав.

— Не лезь, пожалуйста. Сейчас этот ударник себя покажет! — шептал он злорадно.— Да сиди, говорю!

Гусейн поводил вокруг светлыми бешеными глазами, стараясь поймать ускользавшие взгляды соседей. Он развалился на стуле перед батареей пустых бутылок, и к нижней губе его, отвисшей и покрытой пеной, прилип погасший окурок. Вокруг столика давно уж беспокойно кружили официанты, и напротив случайный собутыльник — маленький потрепанный человек, испуганный и ослабевший,— покорно жмурил пьяные глазки, собираясь улизнуть.

Внезапно Гусейн поднялся и стряхнул со стола бутылки. Пошатываясь и шагая по цветным осколкам, он пошел к двери, и навстречу ему двинулась белая армия официантов, угрожающе помахивая салфетками, но у выхода он толкнул одного ладонью, и тот ахнул, ударившись головой о косяк. Гусейн выскочил на улицу и побежал, слыша позади свистки. В пивной Хрулев

качался от смеха, хлопая себя по коленкам, Якубов протягивал деньги официантам, упрашивая не делать скандала.

Гусейн уже не мурлыкал тоненько и нежно, как на море в предзакатные часы. Захлебываясь от пьяной одышки и помахивая над головой кулаком, он ревел, как паровая сирена. Прохожие сворачивали на мостовую, у подъезда кино под фонарями оглушительно визжали подростки:

— Бичкомер!.. Бандюга!.. Галах!..

На перекрестке Гусейн расставил руки, преграждая дорогу заметавшейся в испуге женской фигуре.

— Попалась, Марусь!..— и, взглянув в побледневшее молодое лицо, вдруг улыбнулся потерянно и печально.— Чего боишься, разве я трону! Эх ты, милая!..

Ярость его внезапно исчезла, сменилась слабостью и покорной тоской. На бульваре он рухнул на скамью и рванул ворот рубахи. Деревья медленно уплывали слева направо, и стволы их купались в осевшей массе тумана.

— Теперь уж кончено, не поправишь...— сказал он, тяжело ворочая языком,— теперь будут судить... в красном уголке, как тогда... Басов будет судить, ясное дело. Кон-е-е-шно! Ну-к что ж, судите, разве я против? Пож-жалуйста! — Он поднял голову и прислушался к вою сирены.— «Дербент» кричит... Эх, голосистый! Выберут якоря и пойдут... без меня... Очень просто.

В левом кулаке чувствовал он ноющую боль и влажность, словно раздавил что-то живое и липкое. Он поднес к глазам черную от крови ладонь.

«Где это я?.. Бутылки...»

Болела голова, и тошнота подступала к горлу. Еще завыла далекая сирена, и ноги Гусейна похолодели.

«Что это я сижу? Вот и еще сижу... и еще,— считал он мгновения, мучительно вытягивая ноги.— Если подняться теперь же, то можно дойти... Эх, пропаду!»

Наконец, он сполз со скамейки и, поднявшись, закачался на длинных ногах, стараясь подавить приступ тошноты.

— Надо дойти,— сказал он громко,— и к Басову... Пройти незаметно. Он же знает, болезнь у меня.

Возле продовольственной лавки под навесом стояли двое. У причала шипели волны в камнях.

— Ты говоришь, что он на бульвар побежал? —

спрашивал Басов озабоченно и сердито.— И вы не могли остановить его? Герои липовые!

— Да мы не успели, он как бешеный,— оправдывался Якубов.— Официанты — и те отступились. Одного он ка-а-ак толкнет! Сила у него...

— Смотрите, никому ни слова,— напомнил Басов.— Это не он ли идет, посмотри.

Человек двигался вдоль насосной станции, кидавшей на асфальт черный квадрат тени. Он шел, как бы крадучись и в то же время спотыкаясь и загребая ногами. Издали слышалось его тяжелое, хриплое дыхание. Он увидел людей под навесом и остановился.

— Александр Иванович,— позвал он тихо,— мне нельзя на танкер?.. Поним-а-аю!

— Вам надо пройти в мою каюту,— сказал Басов резко.— Старайтесь не качаться. Идите вперед.

Они шли гуськом по причалу. Якубов из деликатности отстал немного, сделав вид, что поправляет шнурок ботинка. Ему было жалко Гусейна. На палубе у сходней чернели фигуры вахтенных, крутился и вспыхивал огонек папиросы.

Гусейн выпрямился и пошел по сходням. На середине он потерял равновесие и охнул, схватившись за перила порезанной рукой. На палубе засмеялись.

— В доску! — произнес чей-то голос.— Видали, ребята?

Басов взошел на палубу и остановился.

— Хрулев,— позвал он,— подите сюда!

Матрос подошел, пряча за спиной руку.

— Чего хотели?

— Есть предписание за курение во время погрузки снимать с работы и отдавать под суд. С вами это не первый случай...

— Я потушил.— Хрулев торопливо поплевал на окурок, согнувшись и пряча лицо.— Кого преследуете, а кого покрываете через пьянку,— сказал он дрожащим голосом.— Не по совести это!

— Зачем покрывать? — произнес Басов лениво.— Завтра я подам рапорт, и каждый получит свое. Понятно?

— Так я потушил уже...

— А он уже трезвый...

— Последний раз, Александр Иванович, честное слово...

В жилом коридоре было пусто, только снизу, из ка-

ют-компании, доносились голоса. Басов вошел в каюту. Гусейн сидел за столом, обхватив голову руками. Он слегка раскачивался, словно перенося нестерпимую боль. Его рубашка, покрытая липкой грязью, пристала к телу; на затылке торчали мокрые косицы волос.

— Вас видел кто-нибудь? — спросил Басов.— У вас кровь на лице. Откуда это?

Гусейн поднял голову и всхлипнул.

— Я подлец, Саша,— заговорил он тихим трезвым голосом,— загубил свою жизнь и испачкал судно. Зачем ты привел меня сюда?

Он затрясся, перекосил рот и размазал по лицу слезы. Басов вздохнул и присел на койку.

— Слушай, брось ныть,— сказал он нетерпеливо,— у тебя повсюду кровь, и еще... ты, верно, блевал? Иди умойся под раковиной.

Он встал, открыл шкаф и вытащил чистую рубашку. Гусейн подставил голову под кран, тер ладонями лицо, громко сопел и вздрагивал. По его голым локтям побежали струйки воды и забарабанили по полу. Он конфузливо подобрал локти и открыл один глаз.

— Рубашку эту долой,— командовал Басов,— наденешь мою пока. Ух, какая ты сволочь, просто удивительно! Пьяную истерику затеял. С чего бы это, интересно? В такое время, когда дисциплина вот как нужна!.. Нá полотенце... Разве ты товарищ? Дерьмо!

— Ругайся... Что ж, ругайся.

Гусейн вытер лицо и переменил рубашку. Уселся на стул и сложил руки на коленях. Чистая рубашка празднично коробилась на его спине, и лицо его медленно и робко светлело.

— Все как-то накопилось, понимаешь,— прохрипел он.— На рейде чиновники, а наши тоже хороши... телеграмму послали: соревнование, мол, похвалите нас скорее. А тут туман...

— Одним словом, бабушка тебе наворожила! Просто ты растленный тип, люмпен! Еще немного, и ты опозорил бы судно. Случайно ведь сошло!

— Теперь уж крышка, Саша. Этому не бывать! Ты не скажешь никому. Верно?

— Не знаю.— Басов подумал.— Помполиту скажу, Бредису. Но он хороший парень. Уладим, я думаю.

Гусейн вздохнул и посмотрел в окно.

— Отошли уже,— сказал он облегченно,— отошли...

СТАХАНОВСКИЙ РЕЙС

I

В красном уголке «Дербента» шли политзанятия. Здесь собралась свободная от вахты машинная команда, электрики и матросы. Пришел и Касацкий. Он сидел в стороне, не двигаясь, с сосредоточенным и строгим лицом. Команда расположилась вокруг длинного стола, в конце которого сидел Бредис.

Басов задержался в машинном отделении. Когда он вошел, в каюте было тихо, измятый газетный лист переходил из рук в руки. Басов успел заметить крупную фотографию на первой странице — широкополую шахтерскую шляпу, удлиненный овал лица...

— Мы старую газету читаем сегодня,— обернулся к нему помполит.— Пропустили из-за моей болезни,— прибавил он виновато.

— Тысяча двести процентов нормы! — сказал Володя Макаров.— Вот здорово!

— Да как он это сделал? Я не понял,— обиженно прогудел Гусейн.— Что он, богатырь, что ли?

— По картинке что-то не похоже.

— Ты, пожалуй, покрепче будешь.

— Читай Володя.

Басов стоял у стены, привычно приглядываясь

к лицам присутствующих. Это не мешало, а скорее даже помогало понимать чтение.

«...Тридцатого августа бригада Алексея Стаханова, организационно перестроившись, дала сто пятьдесят две тонны на отбойный молоток в смену...»

Старая газета, Басов уже читал ее. Моторист Газарьян слушает с открытым ртом. На лице его удивление с тем оттенком таинственности, какой бывает на лицах у детей, слушающих сказку. Для него это чудо, случившееся где-то за горами, за долами. А вот Котельников, поглядывая на товарищей, сосредоточенно грызет ногти. Он читал уже о Стаханове и теперь наслаждается эффектом, который производит это замечательное дело на других. Дальше хмурится Гусейн, над бровью упруго трепещет жилка, морщит коричневую кожу лба. Он, конечно, уже думает о том, нельзя ли «организационно перестроиться» и на «Дербенте».

...Матрос Хрулев оглядывает потолок сонными глазами. Под потолком серые вихры табачного дыма, облупленная краска, лампочка в пыльной сетке. Вероятно, Хрулев думает о чем-то своем — о том, что рейс только начался, стоянка будет не скоро, а ему сейчас предстоит вахта, собачья вахта, ночная.

...Отдельно от всех помощник Касацкий. Он слушает внимательно, и хотя и не смотрит по сторонам, но наблюдает за всеми. Разве поймешь Касацкого?

Короткую историю забойщика Стаханова Басов знает наизусть. Техническая учеба на шахте «Ирмино» вперемежку с авралами, попытки организовать и по-своему расставить бригаду. Пристальное внимание к процессам труда, где на счету каждое движение, каждая секунда.

Вероятно, нелегко это давалось. Басов вспоминает инженера Неймана и токаря Эйбата, учебник Немировского и регулировку дизелей. И на пути Алексея Стаханова стояли отсталые инженеры и обюрократившиеся администраторы. Может быть, и его сбивали цитатами из книг. ...Алексею Стаханову пришлось вынести большую и трудную борьбу с некоторыми чинами администрации, которые упорно цеплялись за устаревшие технические нормы.

Так оно и было. Огрызались напуганные администраторы, смеялись мастера: «Молодо-зелено». Вытаскивались на свет старые книги и... нормы. Семь тонн угля в смену — это предел. Чего он хочет, этот беспо-

койный человек со своей бригадой? Хорошо бы отделаться от него под благовидным предлогом.

«Не вышло»,— думает Басов взволнованно, и ему кажется, что, когда он вынужден был уйти с завода, смутное предчувствие победы мешало ему предаться отчаянию.

Бредис аккуратно сложил газеты.

— Стахановское движение,— говорит он медленно,— это в первую очередь движение за использование техники до дна. Это движение началось снизу — администрация тут ни при чем. Стахановцы — это рабочие, овладевшие техникой, накопившие достаточно знаний, чтобы двигать производство вперед. Таких рабочих капиталистам не видать; понятно, такие рабочие есть только у нас.

Степан Котельников, склонив набок умное, немного обезьянье лицо, говорит:

— Стахановцев немного у нас, но уже есть люди, овладевшие техникой. Если они сумеют организовать работу по-стахановски, в стране всего будет вдоволь и не надо будет считать крохи. Каждый стахановец производит продукта гораздо больше, чем может употребить для себя. Значит, другие рабочие, которые не перестроились еще, живут, отчасти за счет стахановцев. А какой же честный рабочий позволит себе жить за счет другого рабочего? Вот и выходит, что все должны работать по-стахановски, по мере своих способностей, конечно.

— Вер-р-но,— сказал Володя,— так получается.

Касацкий поднялся и подошел к столу, улыбаясь и блестя красивыми глазами.

— Товарищ Котельников сказал замечательно верно,— обратился он к помполиту.— Стахановское движение только начинается, но уже несет в себе массовое начало и, несомненно, охватит всю страну. Молодец Котельников!

— Растут ребятки, соображают,— заметил Бредис добродушно,— политэкономию недаром читали.

Занятия кончились. В красном уголке несколько человек сгруппировались вокруг радиста, который рисовал что-то быстрыми, размашистыми штрихами. На бумаге появилась длинная цепь вагонеток и маленькая фигурка в широкополой шляпе. Как всегда, рисунок появился удивительно быстро, словно мультипликация на экране. И тут же из-под руки Володи

выскочили крошечные баржи и над ними появилась цифра 25 000. Корпус корабля, намеченный несколькими штрихами, выдвинулся за край листа, и под его волнорезом закудрявились водяные буруны.

II

Во время обеда вахтенный матрос Карпушин появился в дверях столовой.

— «Агамали» идет,— возвестил он взволнованно.— Эх, и красиво идет, товарищи!

Несколько человек побросали ложки и вилки. Другие заторопились, обжигаясь горячим борщом.

На проходном мостике и на спардеке «Дербента» собралась вся свободная от вахты команда. Оттого, что суда шли навстречу друг другу и расстояние между ними быстро таяло, казалось, что «Агамали» движется со скоростью канонерской лодки.

Штурман Алявдин присоединился к матросам, наблюдавшим с мостика за приближением теплохода. Он старался придать себе небрежный, скучающий вид, но глаза его беспокойно блестели.

— Вы бы связались с ними, Володя,— сказал он радисту.— Интересно узнать, какая у них скорость.

— Удобно ли? — усомнился Володя.

— Отчего же нет, ведь мы соревнуемся с ними.

Суда поравнялись, и наблюдавшим с мостика открылась палуба «Агамали» и спардек, вдоль перил которого неподвижно стояли люди. Неожиданно флаг на корме теплохода дрогнул и скользнул вниз по флагштоку. Толпа на мостике одобрительно загудела.

— Ишь, приспустили,— торжествовал Карпушин,— за людей нас считать стали! Надо ответить.

Он посмотрел на Алявдина, и тот кивнул. Карпушин побежал на корму. С теплохода замахали фуражками, он уже удалялся, заволакиваясь серым дымом. Володя вышел из рубки и подошел к Алявдину.

— Двенадцать узлов,— сказал он разочарованно,— это их прежняя скорость под грузом. Я думал, они достигли чего-нибудь за это время. Оказывается, они успокоились!

— Вчера мы делали двенадцать с половиной,— заметил Алявдин озабоченно,— теперь же порожнем мы идем со скоростью тринадцати узлов. Честное слово, похоже, что мы поведем навигацию!

— Еще неизвестно. Нужно использовать скрытые возможности.

— Какие возможности?

Володя снисходительно поиграл пояском.

— Не были на политзанятиях? Жаль! Мы говорили о стахановцах. Скрытые возможности — это то, что может дать механизм, если он попадет в умелые руки. Возьмем, к примеру, двигатели «Дербента». После выпуска с завода они давали сто оборотов, и цилиндры были загружены неравномерно. После регулировки силами команды они дают сто двенадцать оборотов, и теперь только пятый цилиндр слева немного не догружен. Басов говорит, что двигатель еще не использован до конца и мощность его можно повысить. Это и есть скрытая возможность. Басов говорит...

— Не трещите так! Послушайте, Володя...

— Ну?

— Я сам кое-что читал о Стаханове, и мне бы хотелось поговорить с Александром Ивановичем об одном деле.

— Так что ж! Взяли бы да поговорили.

— Он не сердится на меня за то, что я возражал против двадцати пяти тысяч сверх плана? Как думаете?

— Пустяки. Он не гордый.

— Послушайте, Володя,— штурман заметно волновался, но изо всех сил старался держаться небрежно,— вот вы там что-то делаете, стараетесь наладить дело, и кое-чего вы уже добились. Но в навигации вы ничего не смыслите, а в самом кораблевождении тоже есть скрытые возможности. В частности, у меня явилась неплохая идея... Дело в том,— продолжал Алявдин,— что на пути к Астраханскому рейду мы минуем остров Жилой, оставляя его слева. При этом мы даем большого крюку, потому что прямая трасса лежит по ту сторону острова. Но там мелко и при осадке в двадцать футов никак не пройти. Однако, когда мы идем обратно без груза, осадка у нас всего шесть футов, если погода тихая и в трюмах нет балласта. И все-таки мы идем по внешней стороне и делаем крюк, теряем на это минут сорок, не меньше.

— А какая глубина в проливе?

— Семь футов минимум. Вполне можно пройти, если идти порожнем и без балласта. Экономия во времени — сорок минут. Вот вам скрытая возможность,— закончил штурман торжествующе.

— Почему же никто там не ходит? — удивился Володя.— Ведь это так просто.

— Уж не знаю почему... Боятся. Я хочу поговорить с Басовым, и, если он согласится, мы сумеем уговорить капитана.

Алявдин угостил Володю папиросой и побежал изучать карту. Володе предложение нравилось, хотя он и старался казаться равнодушным. Он был озадачен и даже досадовал немного. Было бы понятно, если бы предложение исходило от Басова, от помполита или от кого-нибудь из мотористов. Володя недолюбливал Алявдина, и все, что он знал о нем, казалось враждебным тому коллективу, который сколотился благодаря соревнованию. Алявдин держался особняком и был как-то пошло развязен. Но сэкономить почти час времени простым изменением трассы! Володе не терпелось сообщить об этом комсомольцам.

Вечером команда слушала в красном уголке радио. Там был Котельников, были и Проценко и Гусейн. Они выслушали Володю без всякого оживления,— видимо, они разделяли его инстинктивную неприязнь ко второму помощнику.

— Когда мы начинали, он руки в карманах держал,— сказал Гусейн раздраженно,— а теперь, когда без него пошло, лезет в драку, засучил рукава. Ему только бы фасон давить, а для нас это дело чести. Ну его к черту!

— Однако предложение дельное,— заметил Котельников вяло.

— Ну и пусть дельное, без него додумались бы...

— Вин на патефоне грае, це его дило,— усмехнулся Проценко,— а у нас робыть треба. Ну его к бису!

Басов вошел и подсел к компании. Перед тем он, одолев бессонницу, поспал несколько часов и был не то чтобы весел, но как-то особенно ровно спокоен, прислушивался к далекой музыке, звучавшей из радиорупора, и, стараясь уловить мотив, подсвистывал.

— Эх, Володя, радист ты мой великолепный! Гармони нет у нас, грянуть бы.

Володя в ответ на шутку улыбнулся, но тут же таинственно забубнил, снизив голос, стал рассказывать о предложении Алявдина. Комсомольцы поглядывали на механика, который с удовольствием затягивался папиросой и легко, без напряжения, слушал.

— Алявдин предлагает идти проливом? — сказал,

наконец, Басов.— Это что-то сомнительное. Мне кажется, там не будет восьми футов.

— Я же говорю, что это чушь какая-то,— облегченно подхватил Володя. Ему было приятно, что теперь все объяснилось и предложение Алявдина, которого он считал враждебным судовому коллективу, оказалось неудачной выдумкой.— Просто он трепло!

— Хотел порисоваться, да не вышло,— заметил Гусейн.— Послать бы его подальше...

— Кого это? — спросил Басов.

— Штурмана. Пускай не лезет!

— Вы с ума сошли! — удивился Басов.— Человек дело предлагает, а вы рычите! Обязательно надо обсудить.

Комсомольцы молчали. Володя завертелся на месте, растерянно оглядываясь.

— Да ведь ты же сам сказал.

— Просто я незнаком с навигацией. Алявдин — штурман, ему виднее. Посоветуемся с капитаном, рассмотрим трассу, подумаем. Да что вам так не понравилось, я в толк не возьму? — Он посмотрел кругом с прежним добродушием, но увидел недовольные лица и вдруг как бы осекся, перестал улыбаться, и глаза его затвердели.

— У тебя чутья нету,— пробормотал Гусейн сердито.— Не видишь разве, что это за птица? Он посмеивался над нами, когда мы брались за дело, говорил, что двадцать пять тысяч сверх плана — это бред. А теперь он собирается нашуметь и выскочить вперед своей фигурой. Мелкий он тип, по-моему...

— Э-э, все это какие-то дрязги,— морщась, сказал Басов.— Здесь все свои, и я не хуже вас знаю Алявдина. Но он — штурман, и, пока он на судне, никто не вправе мешать ему принять участие в работе коллектива. Когда он будет пакостить, мы скрутим его или вышвырнем вон! Сейчас он хочет помочь нам, и оттолкнуть его — значит навредить себе.

— Неладно, ребята,— заметил Котельников хмуро.— Опять мы начинаем замыкаться, создаем какую-то группу благонравных. Мы же толковали об этом, Володя. Ты сам говорил, что мы мало работаем с людьми. Зачем повторять ошибки...

— Уж очень он мне не по душе! Чужой какой-то...

— А по-моему — или гнать его с танкера, или привлечь и использовать. Чужих быть не должно. Так

всегда бывает,— продолжал Басов мягче.— Вы работаете одни — вам мешают, посменваются и всячески доказывают, что вы затеяли вздор. Если вы на правильном пути и настойчиво добиваетесь цели, с вами соглашаются постепенно и хотят помочь. Половина дела — привлечь людей на свою сторону. Главная половина, пожалуй... Да вы поговорите с помполитом. Я ведь плохо говорю, какой я пропагандист! — оборвал он себя с улыбкой.

— Ладно, о чем разговор,— проворчал Гусейн скрепя сердце.— Если поможет, спасибо скажем. Так, что ли, Володька?

— Правильно...

Перед последней вахтой Басов поднялся на штурманский мостик, чтобы рассмотреть трассу по карте.

Море было спокойно. Широкие гладкие валы несли на своих гребнях расплывчатые отражения звезд. Перила мостика были теплые, чуть влажные от росы и слегка дрожали. Если бы не эта слабая внутренняя дрожь судна, казалось бы, что оно стоит неподвижно, а море течет, как река, в ту сторону, куда дует ветер и катятся волны.

Басов напевал вполголоса и смотрел вниз. На спардеке возле шлюпки белело женское платье. До него долетел смех и притворно сердитый голос:

— Не бал-у-й...

«С кем это она?»— подумал Басов, вспоминая смеющееся розовое лицо горничной Веры, ее маленький носик и светлые брови на детском фарфоровом лбу. Весной из-за нее ссорились матросы, о ней ходили сплетни среди команды, пока помполит Бредис не пристыдил ребят на собрании. Она была одинаково приветлива со всеми, но ни с кем не останавливалась подолгу на палубе.

«Вот и Вера нашла кого-то,— подумал Басов с внезапной болью,— вероятно, полюбила крепко. Что ж, это понятно. Ведь даже уроды — и только я...— он оборвал свою мысль.— Ну и хорошо, что вокруг темная ночь, и они стоят там обнявшись, и их никто не видит. И у меня это было, но, как видно, было ненастоящее, потому что все кончилось так просто, словно оборвалось. И о чем жалеть?»

Он подошел к рубке и старался занять свои мысли новой трассой, предложением Алявдина, но с отчетли-

востью бреда увидел Мусины голые руки, даже ощутил их тяжесть на своих плечах, и, как вспышка света, проступило из темноты ее лицо.

«Кажется, я всегда любила тебя, командир...»

Он посмотрел вверх, на черное небо, усыпанное блестящим звездным песком, и скрипнул зубами. Надо было приняться за что-то немедленно. Он прошел по мостику и обогнул рубку. Возле запасного компаса, нагнувшись над циферблатом, стоял матрос Карпушин. Он записывал и был так поглощен этим, что не расслышал шагов.

— Компас изучаете? — спросил Басов, придавая голосу то общительное выражение, которое, он знал, всегда располагало людей к серьезному разговору.— Я сам давно собираюсь заняться навигацией, да все не выберу время... Дело серьезное...

Карпушин вздрогнул и обернулся, растерянно улыбаясь, но, узнав Басова, тотчас успокоился.

— Нет, не изучаю, а слежу за курсом,— сказал он таинственной скороговоркой.— Только тише, пожалуйста. Не надо, чтобы он слышал.

— Кто?

— Вахтенный рулевой.

— Вы следите за курсом?

— Сейчас я вам объясню,— заторопился матрос,— запишу только.... Готово. Вот видите, сейчас судно рыскнуло на три градуса. Это он закуривал — рулевой. Я уже исписал четыре страницы. Здесь есть и бóльшие отклонения — в пять градусов и больше. Если проложить на карте путь судна, получится извилистая линия. Я уже второй день слежу за курсом...

— Эти отклонения здорово уменьшают скорость? — спросил Басов заинтересованно.

— Тише, он услышит... Еще бы не уменьшают! Вы увеличили мощность двигателей, но это все без толку, пока рулевые работают грязно. Я заметил это на своей вахте, когда стоял за рулем. А потом на политзанятиях говорили об Алексее Стаханове и о скрытых возможностях. По-моему, прямой курс, без отклонений, это и есть скрытая возможность. Сегодня я отстоял вахту за рулем и добился самых малых отклонений — на полградуса, не больше. Теперь я записываю работу других рулевых и покажу им завтра, как они ведут судно. Стыд какой!

— У вас в порядке ваши записи? — спросил Басов быстро.

— В полном порядке. Я даже записывал время, когда наблюдались отклонения.

— Тогда мы составим график их работы и соберем команду для обсуждения. Это большая скрытая возможность, вы правы.

— Верно? — обрадовался матрос.— Мы их подтянем, Александр Иванович! — Он покосился на компас и развернул записную книжку.— Вот опять рыскнуло. На два с половиной... Смотрите сами!

— Вижу,— усмехнулся Басов.— Я только мешаю вам своими расспросами. Пойду я.

Этот короткий разговор как бы проветрил его сознание и вернул ему то устойчивое равновесие, из которого он был выведен зрелищем чужого счастья.

«Вот и еще одно открытие,— с радостным удивлением думал он о разговоре с матросом,— и такое простое, понятное каждому, кто знает, что прямая линия короче кривой. Об отклонениях от курса знали штурманы, и капитаны, и мотористы. И открытие это делает рулевой у штурвала».

III

На общем собрании команды «Дербента« был утвержден план первого стахановского рейса. Собственно, собрания и не было вовсе. Не было ни президиума, ни докладчика. Люди приходили с вахты, уходили. В красном уголке стало пасмурно от табачного дыма, и помполит Бредис даже не пытался восстановить порядок. Он слегка морщился, когда шум усиливался и голоса сливались в нестройный, взволнованный гул. Он сидел, не оглядываясь и не меняя позы, и, казалось, был погружен в раздумье. Только короткие замечания, которые он бросал изредка, показывали, что он внимательно слушает и легко разбирается во всем этом шуме.

Не обошлось и без столкновений, как всегда. Матрос Карпушин разложил на столе лист бумаги, на котором была проведена карандашом волнистая линия. Красный и неуклюжий от стеснения, Карпушин рассказал о своих наблюдениях у запасного компаса. Вокруг засмеялись и заговорили все разом. Котельников прищурился, отыскивая в толпе рулевых.

— Это, знаете, на что похоже? — начал он серьезно.— Петр да Иван волокут чурбан. Петр надрывается, спину ломает, а Иван пыхтит да щеки надувает. Нехо-

рошо, товарищи рулевые, очень даже некрасиво с вашей стороны.

— Это все враки, товарищи,— раздались угрюмые голоса,— он сам спит у штурвала... У него тоже судно рыскает!..

— Нет, не враки!

— По зубам его смазать за это,— промолвил чей-то осторожный голос.

Гусейн дернул щекой и поднял броском со скамьи свое тяжелое тело.

— Кто это сказал? — рявкнул он, наливаясь кровью.— А ну, покажись!

— Спокойно, ребята,— сказал помполит, не меняя позы.— Где вы находитесь?.. Карпушин говорит дело. Рулевым надо подтянуться и не смазывать достижений команды. Будем контролировать их первое время.

— Правильно, под контроль их!

— Есть... контролировать рулевых.

— Дальше...

Помощник Алявдин развалился на стуле со своим обычным пренебрежительным, скучающим видом, откинув назад голову и щурясь от дыма. Однако он не переставал наблюдать за дверью. Капитан то появлялся, то снова уходил на мостик. Басов задержался в машинном. Алявдин начинал беспокоиться. Неужели о его предложении забыли?

Но вот вернулся капитан, кряхтя уселся рядом с помполитом и утомленно прикрыл глаза. В дверях появился Касацкий, оглядел собрание любопытствующим острым взглядом и улыбнулся, очевидно каким-то своим мыслям. Последним пришел Басов. Он был очень грязен и выглядел усталым. От налета копоти на веках казалось, что глаза его провалились в орбиты, и это придавало ему мрачный, угрожающий вид. Но он улыбнулся и направился прямо к Алявдину.

— Садитесь, Александр Иванович, места хватит,— заговорил Алявдин, подвигаясь на стуле.— Я боялся, что вы не придете...

Он сбился со своего самоуверенного тона и тотчас же обозлился на себя: «Еще подумает, что я подлизываюсь. Надо быть с ним небрежней и грубей, таким, как он сам. Оттого и авторитет у него...»

Басов сел на край стула и рассеянно забросил руку за спинку.

— Подготовили все к ремонту топливного насоса,—

сказал он, глядя в сторону.— Это последнее, что осталось.

Алявдин сделал внимательное лицо, досадуя на себя за то, что не находит ответа, но в то же время ему было приятно, что он сидит с механиком и разговаривает с ним на виду у всех.

— Как насчет новой трассы? — крикнул Басов, обращаясь к помполиту.— Вы там обсудили треугольником, почему же молчите?

Капитан Кутасов беспокойно завозился.

— Да мы, собственно, так и не пришли к выводу. Как будто глубина пролива достаточна для прохождения с осадкой в семь футов, то есть без груза, но, с другой стороны, эта трасса настолько мало изучена... Как вы думаете, Олег Сергеевич?

— Я не был на треугольнике,— отозвался Касацкий улыбаясь,— но я уже сказал вам свое мнение. Проход возможен.

— Знаю, что возможен... да ведь ответственность-то большая,— тянул Евгений Степанович.— Другие остерегаются, а мы полезем. Значит, опасно, если остерегаются там ходить. Ведь опасно?

— Ну, опасно — это слишком. Риск есть небольшой, это верно.

— Вот видите! Риск есть, как же можно?...

— Да ведь без риска только рыба плавает, Евгений Степанович,— приторно-ласково улыбнулся Касацкий.— Не просить же капитана «Агамали», чтобы он проложил нам трассу.

Водворилась неловкая тишина. Многие опустили головы, скрывая улыбку, кусали губы. Басов крякнул и нахмурился, наблюдая штурмана: Касацкий и сам был, казалось, удивлен своими словами. Он оглянулся вокруг с невинным и веселым недоумением.

— Я хотел сказать, что следует пойти на риск, если это разумно и представляется целесообразным,— продолжал он без всякого смущения.— В проливе мы сэкономим около часа — это составит по трассе примерно сто тысяч тонна-миль за рейс. Если учесть при этом, что мы открываем дорогу другим... Одним словом, я за!

— Вы тогда смотрели по карте, Евгений Степанович,— заметил помполит,— как будто вы не возражали, я помню.

Капитан пригорюнился, подпирая щеку пухлой ладонью. Как всегда, ему было тяжело оттого, что его

уговаривали, и ему очень хотелось покончить с этим и согласиться. Но в то же время его пугала ответственность, которой можно было и не брать на себя.

— Хорошо, быть посему,— сказал он, наконец, твердым, решительным голосом, какой бывает у очень мягких, уступчивых людей, знающих свою мягкость и старающихся скрыть ее от окружающих.— Я сам поведу судно в проливе. В конце концов риск незначительный как будто? — закончил он полувопросом, словно ожидая согласия окружающих, чтобы окончательно успокоиться.

Алявдин просиял. За последнюю минуту он несколько раз менялся в лице, то впадая в унылую озлобленность, то вновь разглаживая морщины у рта и оживая. Теперь он шепнул Басову, будучи не в силах скрыть свою радость и забывая о своем намерении держаться грубо и небрежно:

— Это настоящее рационализаторское предложение, правда, Александр Иванович?

Во время стоянки с борта танкера было снято около ста тонн паразитных тяжестей. Здесь были якорные цепи и якори, тяжелые детали двигателей, предназначенные для зимнего ремонта. Запас топлива был взят только на один рейс. Все это дало возможность принять на борт лишних триста тонн полезного груза.

В машинном отделении исправляли топливный насос, чистили форсунки. Мустафа Гусейн, испачканный и лохматый, выскочил на палубу и подозвал радиста.

— Ты можешь оказать мне услугу? — сказал он смущенно.— Мне уже сегодня не выбраться отсюда, видишь ли... Одним словом, ты должен позвонить... одному человеку.

— Понятно. Тебе сегодня не гулять,— усмехнулся Володя.— Ты сейчас похож на людоеда с детской картинки. А как зовут ее... твоего человека? — Он принял у Гусейна листок и сдвинул на затылок фуражку.

— Я ей скажу, что ты не в духе. Может быть, она со мной пройдется, как знать!

— Да ты не нахамишь, Володька? — спросил Гусейн, с сомнением оглядывая посланца.— Душу выну, смотри!

Перед приходом была послана телеграмма о подготовке к стахановскому рейсу. Оповещены были рабочие пристани и персонал насосной станции. Станция рабо-

тала исправно, груз подавался под полным напором, шланги звенели, высокий корпус «Дербента» медленно погружался в воду.

С штурманского мостика следили за погрузкой капитан и помощники. Евгения Степановича захватила горячая, немного торжественная суета подготовки. В море он перечитал последние номера газет, и перед ним был образ Стаханова в ореоле молниеносной славы. Но Евгений Степанович все боялся чего-то. Страх приходил внезапно, как бы врасплох, хватая за сердце. Слишком много нового делалось на судне, и это новое противоречило его склонности к обжитому, привычному укладу.

На собрании его уговорили идти проливом, и он согласился, потому что риск казался ему небольшим, а кругом рассуждали о смелой рационализации Стаханова. Но, поднявшись на мостик, он вспомнил аварийный случай с «кавказом», севшим на мель у Бирючьей косы, и уверенность его исчезла. По палубе тащили ржавые цепи и бухты тросов, из кладовых машинного отделения выносили тяжелые цилиндрические предметы, назначение которых было известно механику. Пока Басов стоял на палубе и торопил рабочих, Евгений Степанович спокойно прикидывал в уме, сколько может весить вся эта масса тяжестей. Но механик скрылся в машинном отделении, и тогда Евгений Степанович внезапно ощутил беспокойство — все-таки никто так не делал до сих пор. А вдруг запасные части понадобятся в море или не хватит топлива во время шторма!

Евгений Степанович охотно поговорил бы с первым помощником, он даже заговаривал с ним несколько раз, но Касацкий отвечал односложно и, видимо, был чем-то удручен. Лицо его побледнело, явственно обозначилась старческая одутловатость щек, которой раньше не замечал Евгений Степанович. К тому же от Касацкого пахло водкой и глаза его мрачно, нехорошо блестели.

— Что с вами? — шепнул Евгений Степанович, когда они на минуту остались одни.— У вас больной вид. Случилось что-нибудь?

— Голова болит...

— Все рюмочки. Бросили бы вы, ей-богу!

— Отстаньте... В кино мне, что ли, бегать прикажете? Слушайте... Все они там очень молоды. Или мне это так кажется? Я говорю о тех, на палубе.

— Не так уж молоды. Басову лет тридцать... Вот он стоит.

— Нет, он мальчишка... Способный мальчишка — и только!

— Не понимаю.

— И не надо вам понимать. Вы — старик.

— Вам бы прилечь... Что с вами?

— Пустяки. Смотрите на Алявдина.

Второй помощник взбежал на мостик и остановился, переведя дух. Он посмотрел на часы и счастливо улыбнулся.

— Семь тысяч тонн взяли за три часа,— сообщил он сияя.— Здóрово, Евгений Степанович! Никогда так не работала пристань. Я сбегал в насосную, поблагодарить хотел, а они смеются. «Мы, говорят, на стахановцев сегодня работаем. Покажите себя в море, вот и вся благодарность». Однако нам пора оттянуться в глубину, эта пристань мелкая, Евгений Степанович.

— Что ж, давайте оттянемся,— согласился капитан.— Как вы думаете, Олег Сергеевич?

— Не знаю... Вам виднее.

— Оттягиваться,— решил капитан, внезапно повеселев.— Подите, голубчик, оттянитесь шпилем метров на десять. Так вы говорите, все идет хорошо?

— Отменно хорошо, Евгений Степанович!

На пристани рабочие поднимали шланги. Оттянутые в сторону, они повисли над причалом, роняя черные струйки мазута. Загремели шпилевые электромоторы «Дербента». Судно медленно заскользило вдоль пристани в глубину и остановилось. Теперь поставили только один шланг, для налива последней тысячи тонн груза. Стемнело. На палубу вылез Гусейн и присел на ступеньку трапа. Он мурлыкал тихонько, вытирая тряпкой лицо и голую грудь, ловя ноздрями свежий морской ветер. По сходням прошли матросы, вернувшиеся из города. Среди них был Володя Макаров. Он подошел к Гусейну, откозырял и щелкнул каблуками.

— Задание выполнено,— сказал он шутливо,— приказали кланяться. С большой любовью изволили отзываться о вашей особе. Я даже прослезился.

— Брось паясничать,— нахмурился Гусейн.— Что она сказала?

— Нет, правда. Видно, она крепко ждала тебя, потому что, когда я сказал, что ты занят, у нее голосок

оборвался. Интересно, какая она?

— Не твоего ума дело... Ах, черт!.. Вот горе, Володька!

— Какое же горе? Я ей сказал, что мы выходим в стахановский рейс. Она стала расспрашивать и будто повеселела. Кажется, ей понравился мой голос, между прочим. В конце концов меня выгнали из телефонной будки. Славная девчонка!

— Много ты понимаешь...

Рабочие на пристани закрыли задвижку трубопровода и взялись за цепи подъемного механизма шланга. Погрузка кончилась. Оглушительно грянул металлический голос «Дербента», и в нем мгновенно утонули все звуки. Потом рев оборвался, и издалека откликнулось эхо коротким басистым лаем.

— Погрузку закончили за три часа семнадцать минут,— сказал Володя, взглянув на ручные часы.— Молодцы пристанские! Так быстро мы еще никогда не наливались. Теперь только давайте узлы, товарищи мотористы!

Гусейн вскочил и потянулся, весело улыбаясь.

— Сейчас исправили топливный насос. Дадим в пути узлов тринадцать, не меньше. Довольно тебе? Эх, и побежим мы сегодня, Володька! Славно побежим!

IV

Около полуночи штурман Касацкий вышел из каюты. Преувеличенно твердо ступая по влажному настилу, он прошелся вдоль спардека и прислонился к шлюпбалке, подняв вверх острый подбородок.

На краю неба в сизых облаках блестел язычок молодого месяца. Дрожащее зарево портовых огней утопало в море.

Касацкий ахнул, позевывая, передернул плечами и пошел, четко выбивая каблуками, мимо вахтенного, посторонившегося при его приближении, по трапу на мостик, мимо рубки, вниз — и вот опять та же шлюпбалка, изогнутая в виде вопросительного знака, с блоком на конце, мокрый брезент, осыпанный блестками месяца, огни на клотиках мачт, огни на краю моря.

— Домзак! — громко сказал Касацкий, вздрагивая от звука собственного голоса.— Прогулка окончена. Не угодно ли обратно в каюту, Олег Сергеевич?

В коридоре под потолком горели матово-мыльные лампы, белели дощечки на дверях. Внизу звякнуло. Из каюты Алявдина сладко в тишине заныл патефон. Штурман качнулся на каблуках и загремел связкой ключей.

— Танцуете,— пробормотал он сквозь зубы.— Танцуйте, кретины! А все-таки вы в домзаке...— Он вернулся к вахтенному.— Хрулев?

Матрос вытянулся, смутно вырисовываясь в темноте.

— Подойди ближе. Ну, как у вас там дела? — спросил Касацкий зевая.— Скучно, брат.

— Оно конечно. Ночная вахта — собака.

Хрулев переминался с ноги на ногу, стараясь разглядеть лицо штурмана.

— Ну как, ты доволен работой? — небрежно спрашивал Касацкий.— У нас перемены большие — премиальные получаем. Ты рад?

— Конечно, рад, а то как же...

— Значит, доволен?..

— Да ведь как сказать...

В темноте лица их неопределенно белели, и голоса нащупывали друг друга осторожно.

— У нас ведь завелись знатные люди. Как это тебе нравится? Почитать газеты, так можно подумать, что один татарин Гусейн выполняет план, а другие — так себе, мусор.

— Это что и говорить. Страсть обидно...

— Уж тебе-то, брат, никогда не быть знатным. Фигура не та. Вот мальчишка-радист — другое дело.

— Ну, это еще посмотрим! Вчера у них двигатель зашалил. Освещение погасло... Я все замечаю.

— Молодец, у тебя голова на плечах. Ты должен знать обо всем, что делается на танкере. Сегодня двигатель, а завтра еще что-нибудь зашалит. Тогда мы сумеем поставить все на место.

— Кабы в открытом море авария...

— Ч-ш-ш!.. Что ты такое говоришь? Кто там стоит внизу?

— Боцман. Он плохо слышит.

— Хорошо. Тебя учить — только портить. Ты понимаешь, что на мне теперь все держится? Капитан у нас — пустое место.

— Старичок,— хихикнул Хрулев пододвигаясь.— Я все замечаю. Так что не сомневайтесь, Олег Сергеевич.

— Молодец. Я буду разговаривать с тобой, когда найду нужным,— говорил Касацкий, поглядывая на далекие огоньки в море.

Он повернулся и снова проделал весь уже пройденный путь.

Одна из дверей приоткрылась, в нее просунулась круглая голова, покрытая редкой серебряной щетинкой. Голова замерла неподвижно, поблескивая стеклами очков.

— Евгений Степанович! — радостно воскликнул Касацкий.— Неужели вы не спите еще? А я мучаюсь, родной мой! Болит вот здесь.— Он приложил ладонь к груди.— Огромный злой червяк, червячище... Он меня съест когда-нибудь, вот штука! Но как же вы не спите?

Капитан протиснулся сквозь дверную щель и погладил череп.

— Я перечитывал «Песнь о соколе»,— сказал он, размягченно улыбаясь.— Помните ее, голубчик?.. «Рожденный ползать — летать не может...» Сколько в этом гордости для крылатых и сколько горечи... для тех, кто не может летать!

Касацкий захохотал.

— Дуся мой, все это вздор... Но я рад, что вы не спите.— Он качнулся на каблуках и с пьяной нежностью вытянул губы.

Капитан отодвинулся и пошевелил ноздрями.

— Вы пьяны, Олег Сергеевич,— сказал он печально.— Когда же это кончится у вас? Поправьте фуражку.

— Пьян, конечно пьян! Чем же еще прикажете заниматься в домзаке! Остается глушить водку и изучать классиков. Зайдите ко мне в каюту, Евгений Степанович, зайдите хоть на минуту! Такие страшные сны... Вы не откажете мне в этой услуге, в этой маленькой, крошечной любезности? Такая тоска... Сейчас я отопру мою камеру... Именно — камеру. Ведь мы в домзаке. Да не оглядывайтесь, никого нет, мы одни! Вот и по вашему лицу вижу, что вы находитесь в домзаке. Вы добродетельны, несчастны и не можете отсюда уйти. Разве в воду...

Вслед за помощником вошел в каюту Евгений Степанович. На столике чернильница и замысловатые старинные часы — мерно и дробно танцуют блестящие колесики, пульсирует пружина, качается на трапеции, гримасничает крошечный фарфоровый паяц. Зеленый

свет из-под абажура, мягкий коврик под ногами. Пахнет спиртом, духами, медовым табаком. Уютно, тепло, красиво. Но Касацкий судорожно скалит белые зубы и говорит о тоске, бессоннице, коротких снах.

— У меня здесь никого нет, кроме вас. Мне хочется, чтобы меня поняли вы один. Что толку, если мне посочувствует, например, Бредис; прочтет мне мораль и скажет, что я осколок умирающего класса? Скверно быть осколком, бесполезная вещь, к тому же можно порезать руки, а? Ха-ха... Выбросить осколок, чтобы не мешался, выбросить сейчас же вон!

Касацкий округлил глаза и затопал ногами с каким-то полушутовским, полуискренним бешенством. Каждый мускул дрожал на его исказившемся лице. Потом он вытер лоб и улыбнулся слабой, усталой улыбкой, как артист, исполнивший трудный номер.

— Но я не хочу, чтобы меня выкидывали, вот ведь какая штука! — продолжал он, таинственно понижая голос.— «Мейн кафе шмект мир нох зер гут», как говорят старые немки. Что прикажете делать?

Евгений Степанович тяжело повалился в кресло, сложил на животе руки и вздохнул.

— Чепуху вы какую-то несете,— промолвил он нерешительно.— Кто это вас выбросит? И вообще... зачем вы пьете, если потом не находите себе места? На вас лица нет.

Касацкий заходил по каюте.

— Скажите, не кажется ли вам иногда, что вы старый-престарый? Не дряхлый, нет. Именно старый, такой, как мшистый камень персидской стены в нашем городе? На ваших глазах жили и умерли десятки поколений, и вы переживали с ними каждую их ошибку, каждую глупость. Открывали материки, строили пирамиды, издавали законы. И вот уже заселены и возделаны материки, скучающие туристы глазеют на разбитые статуи. На месте древних кладбищ и битв построены скотобойни и общественные сортиры. Люди торопятся жить, как будто им предстоит совершить что-то невиданное. Попробуйте их разубедить. Они столкнут вас с дороги и пойдут вперед, не оглядываясь. Но не в них дело. Вы-то, вы, каково ваше положение? Вы стары, и вам давно надоело все. Что тут поделать? Сбежать в тайгу, где вас непременно сожрут волки? Или притвориться, что вы повернули солнцу сегодняшнего дня, и идти вместе с теми, кто заново переделывает жизнь?

Вам дадут место в строю, всеобщее уважение и хлеб с маслом. Но это очень тяжело, очень утомительно, а главное — люди вокруг вас дерутся не на игрушечных саблях. Они ведут войну на смерть и павших чествуют, как героев. Чтобы не выдать себя, вам приходится лезть в огонь. Но ведь вы и притворяетесь только для того, чтобы сохранить свою жизнь, которая, черт знает почему, вам все-таки дороже всего. И вот вы ломаете комедию, вы багровеете от натуги и кряхтите, как клоун, поднимающий бутафорские гири. Рано или поздно обнаружится, что ваши гири из бумаги, и вас с позором вышвырнут со сцены, а заодно лишат вас и хлеба с маслом, из-за которого все и пошло. Игра не стоит свеч, как говорится. Притом вы заранее знаете, что рано или поздно это случится...

Евгений Степанович с тоской посмотрел на часы. Спать уже не хотелось, но он чувствовал какое-то оцепенение, тяжелую апатию, которая, казалось, вдавила его в кресло.

— Не понимаю, куда вы гнете,— сказал он глухо, с раздражением вглядываясь в лицо собеседника,— это аллегория какая-то! Вы это про себя, что ли?

— Аллегория! Вот именно аллегория! — подхватил Касацкий в восхищении.— В этом слове все наше положение. Настолько осторожны даже друг с другом, что прибегаем к помощи аллегорий. Ах, умники, ах, подлецы, бывшие люди! Однако что вы обо всем этом думаете?

— Я думаю, что вы просто пьяны... Здоровый человек содрогнется от таких мыслей. От них смердит.

— В самом деле?

— Да. Мы не смеем говорить так о прошлом. Все эти ваятели, и полководцы, и даже алхимики были посвоему правы, и они были неизмеримо выше вас, потому что верили и искали. Без них мы не знали бы того, что знаем теперь.

— Но ведь они сгнили! — крикнул Касацкий.— Ну, зачем они мучились? Осчастливили, примирили кого-нибудь, сами были счастливы? Ерунда!

— Ах, вы ничего, ничего не понимаете!

— Вдумайтесь, Евгений Степанович. Через сто лет гвоздя после вас не останется... Однако черт с ним, с прошлым! Разве о нем я говорил сейчас? Вы меня поняли, надеюсь?

— И да и нет. Я понял только, что вы ненавидите

тех, внизу. Ненавидите за то, что они молоды и готовы жертвовать собой, за то, что счастливы и слушают музыку. Вам недоступно их счастье и их вера в будущее. В этом будущем для вас нет места. Вы слишком... чужой. Но ваше притворство страшное, Касацкий. Как вы держались на собрании! Вы даже оскорбили меня немного, но я не сержусь. Иногда я становлюсь противен самому себе... Но как вы-то можете с вашими мыслями? Когда-нибудь на вас покажут пальцем и крикнут: «Он притворяется!»

Последние слова Евгений Степанович произнес почти шепотом. Лицо его побледнело, и на лбу выступил пот. Касацкий покачивался на каблуках и скалил зубы. Казалось, он слегка вздрагивал от каждого слова собеседника, словно от невидимых уколов.

— Ни черта я не боюсь,— отрезал он грубо.— Чтобы разобрать меня, у них не хватит мозгов. А вы меня не выдадите, дуся моя, мы с вами связаны крепко. Я вам ближе и понятней, чем механик Басов. Не машите руками! — Касацкий заходил по диагонали каюты, ловко повертываясь на углах. Тень его то сжималась в упругий комок под ногами, то, распрямляясь, кидалась на стены.

— Я плюю на их суд,— бормотал он невнятно.— Они не могут проникнуть в извилины моего мозга. Но если бы они только знали...

Он подошел к столу и медленно отвинтил пробку черного термоса. Вздрогнул, когда забулькала в стакане прозрачная жидкость, выпил залпом и прикрыл ладонью губы. Отщепнул кусочек хлеба и бросил в рот.

— Послушайте, хватит, наконец,— слабо запротестовал Евгений Степанович.— Право, я уйду сейчас! Перестаньте!

В каюте сильнее запахло спиртом. Внизу патефон ахнул в последний раз, рассыпался дребезгом и затих. Касацкий замер у стола, запустив в волосы длинные пальцы.

— Так... Мне хочется рассказать вам кое-что. Не думайте, что меня съедает раскаяние или я боюсь своих мыслей. Нет, нет! Пусть узнаете об этом вы. Вы один. Я уверен, что в основном мы мыслим одинаково, хотя вы и цитируете классиков. Так вот... представьте, что однажды я чуть было не пожертвовал собой. Не верите? Я серьезно. Впрочем, это было давно, в девятьсот шестом. Видите, я даже даты привожу,—

значит, чистосердечно, без аллегорий... Скверное было время. На улицах степенные лавочники, притоносодержатели и проходимцы из «Союза Михаила архангела» избивали рабочих и студентов. На квартирах стрелялись одиночки, надорвавшиеся люди — те, кто уже ни во что не верил. А либеральные присяжные поверенные и зубные врачи, которые прежде умеренно политиканствовали, попрятались за занавески и даже по нужде ходили не иначе как с таинственным, скорбным видом. Паскудное, жуткое время! Вспоминаете? Небось тоже отсиживались? Ну, ну, я шучу, конечно! А меня вот не на шутку захватила эта буря. Подкинула и завертела так, что удержался я на самом краю пропасти. Ноготком мизинца зацепился... Не понимаю, что побудило меня тогда ввязаться в борьбу. Жажда ли приключений, романтика паролей, явок, оружия в кармане, оружия на чердаке и так далее. Или же просто дух времени для людей впечатлительных — могучий фактор. Думаю, что и то и другое сыграло известную роль.

...В то время я окончил корпус и служил в Кронштадте на фортах. Летом в крепости стало тревожно. Вернулся с Дальнего Востока крейсер «Громобой». После цусимского разгрома матросы были злы как черти, ходили ватагами, собирались на перекрестках и грозили кулаками офицерам. Из подпольной организации я знал немногих. По большей части это были простые люди: матросы, саперы, механики мастерских. По-видимому, мне не особенно доверяли. А мне все казалось, что веселые и бесстрашные эти люди только затем и собираются, чтобы пощекотать нервы, отвести душу от скуки. Поговорят, погрозятся, а после все согласны — выступать рано. Это мне очень нравилось. Я хоть и заговорщиком себя мнил, и оружие прятал, а в душе был уверен — ничего не будет, да оно и лучше, если не будет. Хотя оно, конечно, не мешало бы разогнать адмиралов, захватить суда и с красными флагами на Питер — гуляй, душа!..

Один меня тревожил немного, минер, по кличке Турок. Он-то, пожалуй, и был душой организации — огромный, рябой, с маленькими ястребиными глазками. Раз на собрание явился вестовой Сеня с забинтованной головой. Оказалось, офицер плеснул горячим чаем в лицо. Турок услыхал, побледнел как мертвец. «Будь я подлец, кричит, они не переживут лета! Под корень вырежем ихнее семя проклятое! Сенька, кажись!» Раз-

вернул вестовой бинты — лицо в красных пятнах с волдырями. Что тут поднялось! У меня сердце ёкнуло. Вот это уже ничего общего не имело с той щекочущей нервы игрой, которая меня привлекала. И надо же было быть такой беде — этот человек чувствовал ко мне какую-то особенную симпатию. Говорит со мной и улыбается почти любовно. «Ты, говорит, из ихнего лагеря, но ты теперь наш, перебежчик? Оттого ты и люб мне, как сын». Коробило меня от этой нежности, но что было делать? Может быть, я и порвал бы тогда с организацией, да самолюбие во мне на дыбы встало — мелкое самолюбие, мальчишеское. Как это — вдруг подумают, что я испугался? Так проходило лето. Собственно говоря, я был счастлив. Новое положение, китель с нашивками, кортик — все это мне еще не успело надоесть. На широкой улице кофейни с музыкой, цветник шикарных женщин, цыганки из «Стрельны». Красота! Ночные шатания на катерах по заливу, белая ночь над Маркизовой Лужей, жемчужный восход... Беззаботная легкость, кружение головы от вина, призрак отчаянного дела впереди. Где уж тут размышлять, познавать самого себя? Однажды, забежав под вечер домой, я нашел на столе записку: «Черти монахов погнали. Приходи на майдан!» Понял, что произошло что-то важное, но как-то не верилось в опасность. Помню, что перед уходом побрился и попрыскал духами на фуражку: хотел после собрания на бульвар поспеть или в кофейню. Оно как-то даже пикантно всегда получалось — с собрания да прямо в кабак. В десять минут дистанцию огромных размеров покрывал. Понятно, это я скрывал, и даже самому как-то жутко бывало от этой противоестественной смеси... а нравилось.

Пришел я. Турок встретил меня в передней, обнял и поцеловал трижды. «Товарищ, шепчет, в Свеаборге на кораблях восстание. Офицеров утопили, андреевский флаг на портянки пустили, на Кронштадт идут. Есть телеграмма!» В квартире полно народу — вся организация. Жарко, как в бане. Распахнутые бушлаты, кумачные лица, голоса, охрипшие от надсады, и какой-то отчаянный, нелепый восторг. Вестовой Сеня — он такой тихий был всегда — слышу, кричит: «Братцы, отмучились мы теперь! В воду драконов!» А Турок ему ласково: «Надейся, Сенька, на развод не оставим,— и ко мне с праздничной улыбкой: — Дождались».

Сел я в уголок, ожидаю — вот кто-нибудь более

осторожный спохватится, остановит: рано, мол, выступать. И тогда все будет по-прежнему — счастливо и занимательно, а не жутко... Но получилось иначе. Турок сказал: «Завтра выступаем, поддержим товарищей. Кому шкуру жаль, лучше катись, не отсвечивай. Дело серьезное, братцы... Ну, голосую, кто отвечает?..»

Никто не ушел, никто не остановил минера. Молча все подняли руки. Поднял и я, глядя на других. В эту минуту я потерял способность действовать самостоятельно. Потом обсуждался план восстания. Кажется, я принимал участие, давал советы. Турок сказал мне: «Завтра к четырем склянкам надо вывести прислугу из фортов. Постарайся испортить замки орудий». Я согласился. Со мной происходило то, что, вероятно, бывает с человеком, затянувшим на шее петлю, чтобы на секунду испытать ощущение повешенного. Знаешь, что все это в шутку,— нужно только подняться на носках, чтобы вздохнуть свободно. И вдруг ноги скользят, петля затягивается... в самом деле конец!

Я пытался вспомнить, что такое назначено у меня назавтра. Пристрелка по мишеням... верховая езда с китаяночкой Мако... фестиваль у енисейцев. Но что-то случилось. Я не мог вспомнить ни лиц офицеров Енисейского полка, ни их имен. Какие-то бледные тени... Словно душу хватил паралич и чудовищно быстро окостенела одна ее половина. Зато я отчетливо представлял себе все, что произойдет со мною на фортах. Вероятно, командир уложит меня, едва я раскрою рот. Турок словно угадал мои мысли. Подошел, присел рядом, обнял: «Эх, милый, многих завтра не досчитаемся! Не думай об этом...» Как бы не так! Вышел я на улицу. Что за черт! Музыка на бульваре. «Тореадор»... Понимаете?

Касацкий засмеялся рассыпчатым, нервозным смехом и легонько ударил капитана по коленке. Евгений Степанович вздрогнул.

— Кончайте скорее,— пробормотал он со злобой.— Как вы уцелели-то? Бежали после бунта, что ли?

— М-м... не совсем так... Я, Евгений Степанович, рассказываю о своих чувствах, а не о фактах... Думаете, струсил я? Медвежьей болезнью захворал, богу молился? Нет, не то, не то! Право, я был почти спокоен в ту минуту. Постоял, послушал, далась мне эта музыка проклятая. Стою и вижу мысленно — танцуют! Небо чистое, бледно-зеленое, значит, день завтра будет яс-

ный, ветреный. Да мне-то что до всего этого, думаю, когда завтра я почти наверное буду убит! Они там на собрании целовались, чему-то радовались, чего-то ждали. Неужели смерти? Нет, конечно нет! Или они уверены, что останутся живы? Тоже нет. Значит, они радовались тому, что наступит после их смерти... Предположим, говорил я себе, предположим, что удастся захватить форты, и корабли, и арсеналы, арестовать командиров, прорваться к Питеру, вооружить народ... Дальше мое воображение не шло. Ведь меня-то не будет уже. Как могу я радоваться тому, что стоит в стороне и чего я никогда не увижу,— я, живой человек, вчера еще обладавший будущим, которое казалось мне необъятным! Место на празднике заняла бы моя мертвая тень!

Касацкий поймал пристальный взгляд капитана и отвел глаза.

— Я жил долго, Евгений Степанович, у меня седые волосы. Но я не скажу, чтобы мне надоело жить. Хорош бы я был тогда в брезентовом мешке на дне Маркизовой Лужи. Вероятно, обо мне забыли бы назавтра. Разве что какая-нибудь добрая душа тиснула бы в подпольной газете статейку о мертвом герое. Б-рр! «Мертвый герой» звучит так же нелепо, как, скажем... симпатичный труп. Хотите быть симпатичным трупом, дуся моя? Я пасую, предпочитаю домзак!.. Да чего вы смотрите? Не согласны, что ли?

— Вы не кончили вашей истории,— промолвил Евгений Степанович дрожащим голосом,— пожалуйста, продолжайте!

Касацкий хрустнул пальцами и отвернулся.

— Не понимаю, чего вы хотите... Впрочем, черт! Хотите фактов? Извольте! Они выступили в назначенное время и перекололи караул. Разобрали пирамиды винтовок и пытались прорваться к фортам. Их встретили пулеметами... Бросились к арсеналу... Их окружили солдаты Енисейского полка... У них не было патронов. Начался расстрел. Их было не так уж много. К ночи все кончилось. Чего вам еще? Мелочей не помню, простите... Суда из Свеаборга так и не пришли. Ошибка была или провокация — не знаю... Удивительно быстро все улеглось. Свезли на катерах трупы, вымыли мостовую...

— Олег Сергеевич, а что же Турок? — спросил ка-

питан едва слышно.— С ним-то что же сталось, расскажите!

Касацкий поднялся и заходил взад и вперед, ежась от пьяного озноба.

— Что это вы вдруг о нем? Ну и любопытны вы, знаете... Что да как.— Он остановился и посмотрел как-то боком, не то улыбаясь, не то гримасничая.— Повешен! Подробностей вам надо? К сожалению, не помню подробностей.

Евгений Степанович сидел неподвижно, тяжело дыша, лицо его залила густая краска.

— Вы не все сказали, Касацкий,— заговорил он со стремительностью нерешительного человека, отважившегося высказать правду.— Молчите, больше не надо. Я слышал об этой ужасной истории. Там было предательство, и вам это хорошо известно... вы...

— Юродивый! — проскрежетал штурман, дрожа всем телом.— Ишь ведь что вздумал... нет, вы в самом деле сошли с ума! Послушайте...

— Зачем, зачем вы рассказали мне все это? — вскрикнул Евгений Степанович, цепляясь за ручки кресла и силясь подняться.— Кой черт связал меня с вами? Я не сочувствую вам. Меня мутит от ваших мыслей и от вашей близости... Ах, почему я не могу разоблачить вас... и себя?

— Душа моя, да стоит ли мучиться? — говорил Касацкий, протягивая руки и улыбаясь какой-то радостной, угодливой улыбкой.— У вас тоже есть что скрывать? Я знал это, знал! Мы связаны крепко и кровно... только, ради бога, молчок! Мы будем жить долго. Ведь и здесь бывают иногда неплохие минутки... Даже совсем неплохие... Теперь мы сыграем на этом соревновании, я это устрою. Я все устрою, Евгений Степанович. Только молчок! А если вы попробуете...

Он не договорил и бросился вслед за капитаном. На лице его быстро чередовались умильно-ласковые и угрожающие гримасы. Но капитан вдруг обмяк и как бы смутился. От недавней вспышки гнева не осталось и следа.

— Я сам ношу в себе подобное воспоминание... или еще хуже,— пробормотал он печально,— и я тоже не могу забыть и пытаюсь оправдаться перед собою, как и вы. Но не надо об этом говорить. Слышите ли? Никогда больше... А сказать — нет, я никому не скажу. Никому...

V

Весть о стахановском рейсе облетела все закоулки порта. Танкер «Дербент» ушел в море, и о нем ничего не было слышно до утра. В шесть часов он откликнулся на вызов по радио, когда начальник эксплуатации пароходства запрашивал о скорости. Но радист Тарумов записал в журнал невиданную цифру — четырнадцать узлов. Это было что-то уж слишком много и походило на ошибку. Из пароходства звонили, торопили с ответом. Тарумов решил проверить и вызвал «Дербент» вторично. Он пропустил время для передачи метеосводки, и на столе его накопился ворох неотправленных телеграмм. Он работал ключом до тех пор, пока не просвистало в ответ хриплое тональное радио: «Все в порядке. Скорость четырнадцать с половиной». И после короткой паузы отрывистая, как ругательство, звонкая дробь — «девяносто девять». Радист захохотал и бросил наушники. На международном языке радиолюбителей эта цифра означала: «Пошел к черту». Володька Макаров хулиганил от радости или взаправду сердился на частые вызовы.

— Ты понимаешь, Муся,— говорил Тарумов,— они перекрыли все прежние скорости! «Агамали» делает с грузом двенадцать, и это считается хорошим ходом. Да что они, чудесники, что ли?

И Белецкая ответила сдержанно:

— Подождем радоваться. Они еще не пришли на рейд. Скорость большая, конечно, но... надо еще суметь закрепить достижение. До сих пор они вечно отстаивали,— прибавила она.

Но вскоре позвонили из редакции «Большевик Каспия», справлялись о скорости «Дербента». Муся говорила в трубку небрежным тоном:

— Последние сведения — скорость четырнадцать с половиной. Не верите? Тогда вам придется зайти на радиоцентр, чтобы убедиться... Да, да, поздравляем... Только бы их не задержали на рейде. Мы будем извещать вас каждый раз, как будет что-нибудь новое...

В восемь часов Тарумова и Белецкую сменили. Они шли вместе до перекрестка, как всегда, он держал Мусю под руку, и оба они молчали, не стесняясь этого молчания, как люди, давно привыкшие друг к другу. Внезапно Муся спросила:

— Вероятно, о «Дербенте» напишут в газетах?

Как ты думаешь?

— Обязательно.

— А портреты?

— Чьи портреты?

— Ну, их... стахановцев.

— Да ведь их сорок пять человек... Лучших людей, вероятно, заснимут, не всех!..

— Посмотреть, какие они... Слушай, Арсен!..

— Ну?

— Я читала, что Алексея Стаханова в прошлом году травили какие-то администраторы. Неужели это правда?

— Конечно, правда. Но почему ты спрашиваешь?

— Да как-то странно. Ну, прощай, Арсен.

— Прощай. Что ты какая-то чудна́я? У тебя глаза сделались большими... Смотри не попади под трамвай...

Под утро Тарумов вновь связался с «Дербентом». За ночь танкер не сбавил скорости. Он прошел расстояние до Астраханского рейда за тридцать один час. У Тюленьей банки его поджидал караван барж. К утру ветер посвежел и началась зыбь. Последнюю баржу подвели с трудом. Несмотря на это, разгрузка была окончена за три часа. Танкер уже шел в обратный рейс, и вдогонку ему с севера спешила крупная зыбь, грозившая замедлить ход.

Днем на радиостанции дежурила другая смена, и, явившись вечером на вахту, Тарумов посмотрел журнал. Никаких записей о ходе стахановского рейса не было. Прибытия «Дербента» ожидали после двенадцати часов дня, но уже в восемь часов радист услышал его позывные.

«Находимся на траверзе острова Жилого. Будем через два часа. Сообщите пристань погрузки».

— Как это может быть?— удивился дежурный.— Ведь если они сейчас на траверзе Жилого, то им остается хода часа три, не меньше. Может быть, радист напутал!

— Звоните в диспетчерскую,— усмехнулся Тарумов.— Никто не напутал, все верно!

— Да не может этого быть. Я сам плавал, я знаю!

— Ты незнаком с их новой трассой. Они идут другой стороной острова, проливом. Этот путь много короче.

— Да ведь там мелко...

— Глубина восемь футов. Они идут порожнем, без балласта. Кроме того, они освободились от ненуж-

ных грузов и уменьшили осадку. Они все рассчитали, не беспокойся.

— Ах, молодцы! Недаром о них столько говорят в порту. Теперь о них узнают в Махачкале, и в Астрахани, и в Красноводске...

— Одного из них я знаю. Это радист Макаров. Обыкновенный парень, совсем мальчишка... Очень веселый...

— А я знаю их капитана. Так себе, ничего особенного. Старичок. «Пожалуйста, голубчик... Спасибо, голубчик...» Тихоня.

И Муся, молча кусая губы, слушала этот разговор. Она притихла с утра, и на нее не обращали внимания. Неожиданно она сказала Тарумову деланно небрежно:

— На пристани, вероятно, будет много посторонних. Что если пойти посмотреть?

— Пожалуй,— согласился Тарумов.— Я тебя провожу.

— Мне хочется прогуляться,— и она торопливо добавила:— Такой славный вечер!

Они шли по шоссе к нефтегавани. Муся машинально перебирала его пальцы, прижималась к нему плечом и молчала. Тарумов рассуждал вслух:

— Что такое стахановский метод? Рационализация, разумная организация труда, использование до дна технических средств производства. Мне кажется, что этот метод применим везде, где труд оснащен техникой. Почему не применить его в системе радиосвязи? Я даю сто с лишним знаков в минуту и быстро нахожу абонента. Но это еще не все. Если настроить передатчик и устранить шумовой фон... Как ты думаешь, Муся?

Они миновали корпуса завода, и в глаза им ударил нестерпимый блеск моря. Посреди бухты медленно разворачивался стальной гигант, возвышаясь над водой желтоватыми ржавыми бортами. За его кормой вскипали клубы пены.

— Это... он?— спросила Муся останавливаясь.

— Он самый, стахановец! Пойдем скорее.

— Нет, погоди...

Мимо них прошли на пристань какие-то люди, оживленно разговаривая и помахивая портфелями. Тарумов услышал обрывок фразы: «...сто двадцать процентов рейсового задания...»

Муся освободила руку и смотрела на пристань широко раскрытыми глазами.

— Отсюда хорошо видно,— сказала она тихо,— дальше я не пойду.

Он взглянул на нее тогда с удивлением и некоторой надеждой, так как вспомнил, что на «Дербенте» плавает этот Басов... Так, значит, Муся не хочет видеть его? Тарумов вынул часы.

— Теперь ровно десять. Они проделали этот рейс за шестьдесят три часа. Все-таки я сбегаю взглянуть, как они подойдут. Постой здесь, Муся.

Он махнул рукой и побежал под гору к пристани. Белецкая осталась одна.

VI

За октябрь месяц танкер «Дербент» перевез на Астраханский рейд сто тысяч тонн мазута. Во второй декаде он перегнал «Агамали» и вышел на первое место среди нефтевозов Астраханской линии. Но уже в двадцатых числах месяца «Агамали» удачно провел свой первый стахановский рейс и вплотную пододвинулся к «Дербенту», снова оспаривая первенство.

На судне соревнование теперь вошло в привычку. Обыденными стали большие премиальные, заметки в газетах, переклички судов. Прекратились авралы в машинном отделении, текущий ремонт теперь производился без всякой натуги. И даже совещания команды протекали мирно — новые предложения обсуждались спокойно, не вызывая недоверия.

Однажды, в конце октября, утром, во время политзанятий, Бредис закашлялся, побелел и закрыл лицо руками. Матросы повскакали с мест и беспомощно топтались вокруг. Бредис поднял голову и удивленно посмотрел на свои руки, залитые кровью.

— Занятия кончены,— угрюмо объявил Котельников,— можно разойтись.

Но никто не уходил, все столпились вокруг больного и заглядывали ему в лицо. Гусейн протянул ему носовой платок и отчаянно оглянулся вокруг.

— Глупая история,— прошептал помполит.— Что ты смотришь на меня, Мустафа? Мы еще повоюем, браток. Позови Басова...

Его отвели в каюту и уложили. Он вытянулся на

койке костлявым телом, уставил глаза в потолок и затих. Пришел Басов. Он распорядился принести воды и присел на койку больного.

— Через два часа мы будем в порту,— сказал он,— я вызову скорую помощь.

— Не надо...

— Как хочешь. Тогда я повезу тебя на трамвае... Ты сам довел себя до этого, Герман.

— Ах, оставь!— помполит тяжело заворочался на койке и глотнул воздух.— Я, Сашка, знал, что это случится, но не думал, что так скоро. Впрочем, всему свое время. До конца навигации осталось два месяца. Это не так уж долго. А весной политуправление найдет человека. Но вот эти два месяца... я хотел бы закончить навигацию.

— Не валяй дурака. Ты хочешь умереть в море? Мы не врачи, Герман. Мы заездим тебя очень скоро если уже не заездили. Завтра все опять забудут, что ты болен, что тебя надо щадить. Здесь не санаторий.

Басов грел в своих руках холодные руки больного, гладил и сжимал их, как бы смягчая невольную грубость своих доводов.

Помполит сказал:

— Это не так просто — оставить танкер. Обком не сможет сразу найти заместителя.

Басов молчал.

— Что же ты затих?— усмехнулся Бреднс.— Тебе придется взять на себя политчасть на первое время. Это ясно как день. Понятно, никто не может заставить тебя,— добавил он торопливо,— ты вправе отказаться. Тогда... все придется оставить по-старому.

— Какой я политработник! Ты это на смех, что ли?

— Значит, не о чем и говорить. Отлежусь. В сущности, мне незачем сходить на берег. Для легочных больных важнее всего чистый воздух. А этого добра в море хватит... Завари-ка чайку, Саша.

Басов долго возился с чайником, гремел крышкой. Лицо его залила краска, даже уши пылали.

— Мы успеем сходить в райком на стоянке,— промолвил он, наконец, как будто говорил о деле решенном.— Если там не будут возражать против моей кандидатуры на время, то тебя следует теперь же оставить в городе.

Они помолчали. Бреднс отхлебнул, сморщил нос и улыбнулся виновато.

— Проклинаешь меня сейчас, сознайся? Но ты хороший товарищ. Мне все-таки очень хочется жить, Сашка.

— Еще бы!

— Только бы все шло хорошо здесь. Мне иногда кажется, что не так уж у нас благополучно. Командиры... Дело в том, что я на днях просматривал журнал: все эти капитанские телеграммы... они под диктовку писаны. Знаешь, чью?

— Знаю.

— Ага! Я давно приглядываюсь, но ничего конкретного нет. Ведь ничего нет?

— Ничего.

— Гляди в оба, Сашка... Впрочем, когда тебе глядеть, у тебя своя забота — двигатели. Знаешь, останусь-ка я еще на рейс, а? Может быть, и лучше мне станет.

— Ну, поехал! Неужели ты думаешь, что мы с тобой незаменимы? Что пользы, если ты умрешь здесь, на борту?

— Хорошо. Я надеюсь на актив. Ты заметил, как проходили последние занятия? Молчаливых осталось совсем немного. Если бы не болезнь... Кто это ходит за дверью, Саша?

— Ребята. За тебя тревожатся. Ты бы заснул, Герман.

— Славный народ. Золотой народ, я тебе скажу.. Хорошо, я буду спать и сойду на берег сегодня. Мне так хочется выздороветь... и вернуться!

На стоянке Бредис покинул судно. Он шел по пристани, высокий и нескладный, опустив худые покатые плечи. Ветер трепал его светлые волосы и завивал вокруг ног полы длинного пальто, словно издеваясь над его слабостью. За ним гурьбою шли моряки, толкая друг друга, чтобы поддержать его, и с борта танкера вахтенные махали фуражками, глядя ему вслед.

На судне его не забыли. О нем вспоминали в свободное время в кают-компании, в красном уголке, его жалели, о нем справлялись в порту. Но серьезные события, происшедшие вскоре на «Дербенте», отвлекли от него внимание людей. Позже, вспоминая истекшую навигацию и стараясь восстановить последовательно цепь событий, матросы говорили: «Это было еще в то время, когда Бредис был помполитом,— вот когда это было!»

ВЕТЕР

I

На рассвете, перед уходом с рейда, капитан неожиданно получил предписание идти в Красноводск. Телеграмму принес Володя. Стоя в дверях штурманской рубки, он вздрагивал и тер кулаком глаза.

— Вот, не угодно ли?— сказал капитан, с досадой отодвигая бумагу.— Бросай все и иди куда-то к черту. Что там у них в Красноводске — неизвестно. Говорят — легкая нефть.

Порыв ветра подхватил листок, надул колоколом рубашку Володи, зашевелил полы капитанского тулупа. Быстро светало.

— Они там понятия не имеют о наших условиях,— брюзжал капитан.— У нас на палубе электромоторы и всякая всячина. Механик говорил, что достаточно искры, какая бывает в электромоторах, и произойдет взрыв. А кто будет отвечать, позвольте спросить?..

— Они просили подтвердить исполнение,— напомнил Володя.— Разрешите передать?

— Подожди, голубчик. Я говорю: кто будет отвечать? Разумеется, капитан! Они только составляют планы да пишут приказы, а капитан выполняй. Вот взять да и отказаться! Не можем, мол, менять род груза без специального осмотра судна. Пусть назначат комиссию, составят акт, а тогда хоть бензин грузите.

— Так, значит, передать, что мы отказываемся?—

спросил Володя, повертываясь к двери. Его трясло от ледяного ветра, и ему хотелось двигаться. Он по опыту знал, как трудно прервать капитана, когда тот заговорит об ответственности и береговом начальстве.— Я уж передам, Евгений Степанович, не беспокойтесь!

— Постой, ну куда же ты? — всполохнулся капитан, суетливо оглядываясь и отыскивая депешу.— Так нельзя сразу... Ведь начнутся нарекания: срыв плана, то да се... Где Касацкий?

— Спит в каюте.

— Разбуди его... или нет, не надо, лучше позови механика, голубчик. Мы подумаем.

Солнце вынырнуло на поверхность моря, и над ним заалели нижние края кудрявых облаков. Порозовели белые надстройки судна, по воде заплясали огненные завитки, и свет электрического фонаря в рубке растаял, превратившись в крошечное белое пятно.

С севера, посылая вперед себя растрепанные клочья облаков, похожие на хлопья серого дыма, надвигалась тяжелая сизая туча. И оттуда же, с севера, точно отражая то, что происходило в небе, гнало море мелкие торопливые волны, вскипавшие светлой пеной.

Из трубы «Дербента» вылетели серые кольца дыма, ветер подхватывал их, сминал и кидал на палубу.

— Норд идет,— сказал Евгений Степанович, запахивая тулуп,— настоящий норд, осенний. И барометр падает.

На мостике ветер хлестнул ему в лицо и, забравшись за воротник, пощекотал спину холодными пальцами. Внизу мягко и глухо захлопал шлюпочный брезент, раздуваемый ветром. Рулевой за окном оглянулся на шаги капитана, перехватывая штурвал.

«Теперь уж скоро конец навигации,— думал Евгений Степанович, спускаясь по трапу.— Сколько еще осталось? Ноябрь, декабрь... нет, половина декабря. Сколько дней в ноябре?»

Навстречу ему вышел механик и прикоснулся к козырьку фуражки. Лицо его от ветра было красно и казалось опухшим и сердитым. Он молчал, глядя куда-то в сторону, словно не желая начинать разговор, и угрюмо прятал подбородок в поднятый воротник бушлата.

«Не любит он меня,— подумал Евгений Степано-

вич с тоской.— Касацкий прав. И зачем только я его позвал? Надо было разбудить Касацкого. О чем с ним говорить?»

— Хорошо, что вы не спите,— сказал он вслух приветливым тоном.— Видите, что надвигается? Теперь ждите шторма баллов на десять, не меньше! А тут еще приходится менять курс. Слыхали?

— Мне радист говорил,— отозвался Басов. Он оглянулся, как бы отыскивая радиста, и, не найдя, снова стал смотреть на воду.

Евгений Степанович почувствовал себя оскорбленным, но в то же время что-то тянуло его продолжать разговор, хотелось расположить в свою пользу этого недоброжелательного человека.

— Не знаю, право, как быть теперь,— сказал он как можно мягче, прикасаясь к руке механика, словно намереваясь притянуть его к себе.— С одной стороны, красноводская нефть, как известно, легкая, и ее надо возить на бензиновозах. А у нас моторы на палубе и повсюду курят, несмотря на приказ. Но, с другой стороны, отказаться — значит сорвать им план перевозок. Нет, на это я не пойду. («Глупо,— подумал капитан про себя,— точно он меня уговаривает сорвать план, а я отказываюсь. И заискиваю я перед ним как будто... Ах, как гадко! Неужели заискиваю?») Я не хотел давать ответа, не посоветовавшись с вами. Хотя я уверен, что вы со мной согласитесь... («Конечно, заискиваю!») На каждом из нас лежит ответственность не только за наше задание, но и за перевозки в целом, потому что мы прежде всего созидательные люди. Одним словом, я думаю, что надо подтвердить исполнение и идти в Красноводск.

Басов молчал, потупив глаза, как бы раздумывая, и Евгений Степанович волновался: вдруг механик скажет, что это не его дело, или совсем ничего не ответит, и выйдет ужасно неловко. Но Басов вдруг оглянулся, словно желая удостовериться, что кругом никого нет. Оглянулся невольно и Евгений Степанович.

— В прошлом году сгорел нефтевоз «Партизан»,— сказал Басов тихо.— Вы не помните, как это было? Они тоже везли красноводскую нефть. Кто закурил на палубе или уронил стальной ключ, не знаю точно. Должно быть, у них была щель в люке и оттуда выходил газ. Только был взрыв, и на палубе полопались швы и вырвало люки. По счастью, это случилось днем,

и команда успела спустить шлюпки. Кое-кто обгорел, конечно, но не сильно. А судно погибло.

— А люди-то почему... обгорели? — спросил Евгений Степанович запинаясь.

Он уже забыл об оскорбительной небрежности механика и о своем унижении. Каждое слово Басова отдавалось в его груди болезненным толчком, после которого ныло сердце.

— Почему обгорели? Когда разбило палубу взрывом, нефть разлилась по воде. Нефть на воде горит превосходно.

— Так зачем же они нас посылают? — запятился Евгений Степанович. — Ведь это же преступление, а? Да ни в коем случае не надо соглашаться на это! Как вы думаете? Вы говорите, там ключ уронили. А у нас разве не могут это самое... уронить?

— Не знаю.

— Ну вот видите! Нет, это черт знает что! Ну скажите мне откровенно, вот вы коммунист, — понизил голос Евгений Степанович, — вот этот сегодняшний приказ — разве это не подлость, не преступление? Скажите!

— Да я ведь не специалист, но, по-моему, какое же преступление? Нужно вывезти легкую нефть, а бензиновозов не хватает. На «Дербенте» палуба не пропускает газа и люки герметичны. Кроме того, у нас высокий газоотвод. Значит, прямой опасности нет, но от нас зависит устранить всякие случайности. Ведь сама по себе нефть не загорается, даже и красноводская, — усмехнулся он в воротник.

— А нельзя ли все-таки отказаться? Пусть назначат комиссию и разрешат официально.

— Отказаться нельзя. Вы ведь сами сейчас сказали, что сорвем перевозки. Я тот случай к тому вспомнил, что надо быть осторожнее, когда пойдем с грузом, за людьми смотреть надо. А то, не ровен час...

Порыв ветра ударил с севера, покрыв поверхность моря черными пятнами ряби. Евгений Степанович приставил ладонь к уху:

— Что вы сказали?

Но Басов только поежился, глубже засунул руки в рукава бушлата и пошевелил обветренными губами:

— Хо-а-дно!..

II

Гусейн проснулся от того, что тело его перекатилось на койке и голова стукнулась о стальную стенку каюты. Тотчас же он почувствовал холод и, повернув голову к иллюминатору, открыл глаза. Из круглого отверстия сочился мутный серый свет, и в полосе света кружились мелкие водяные брызги. Гусейн вспомнил, что накануне перед сном он лежал в том же положении, глядя в иллюминатор, и там, как в телескопе, на бархатном темно-синем небе неподвижно стояла большая голубая звезда, а море внизу чуть шумело редкими всплесками.

Теперь снаружи все было полно глухим нарастающим шумом, словно чей-то мягкий исполинский кулак размеренно бил в борт корабля. Непрерывно журчала вода, стекавшая откуда-то сверху.

Тело Гусейна то удивительно легчало, словно падало в яму, то тяжелело, прижималось к койке и плыло направо и вверх, а вместе с ним наклонялась плоскость потолка, и качались углы каюты, и перекатывалась на полу консервная банка, должно быть упавшая со стола. Она то останавливалась, словно притаившись в углу и слегка покачиваясь, то быстро колесила вдоль каюты, дребезжа и натыкаясь на ножки стола.

Гусейн спрыгнул на пол, качнулся и ухватился за край койки. Немного постоял, потягиваясь, расставив руки на всякий случай. За стеной послышались голоса, прозвучали шаги, и Гусейн застыл на месте, прислушиваясь, накрытый с головой фуфайкой. Наконец он натянул ее и надел пиджак, а фуражку надвинул поглубже, чтобы не сбило ветром.

В коридоре ему попался Догайло, гревший спину около теплой стены кухни. Дождевик боцмана почернел от воды, и на лбу его прилипли пряди седых мокрых волос. Лицо его было смущенное, словно его застали за нехорошим делом.

— Ты чего, дядя Харитон? — спросил Гусейн дружелюбно. — Обсушиться задумал? Брось, опять вымокнешь! Эх, как качает! Балласту не набрали, что ли?

— Какое там! Набрали уже балласту, — пропел Догайло жалобно, моргая глазами, — да ты посмотри, что делается. Выдь на мостик.

Гусейн пошел к выходу, но у дверей его бросило к стене, в грудь ударил неистовый ледяной ветер,

и он опять расставил руки, чтобы не удариться о косяк.

На мостике он остановился, оглушенный трубным гулом ветра, до удушья забившего рот и выдувавшего из глаз слезы. Сквозь мутную пелену слез он увидел зелено-белую огромную волну, которая поднялась над бортом, рухнула на грузовую палубу и прокатилась клокочущим потоком. Потом поднялась другая, потрясая растрепанной гривой. «Дербент» подмял ее под себя, перевалился, отряхивая воду, как гигантская плавающая птица.

Со спардека двигались навстречу Гусейну две фигуры в мокрых дождевиках. Они хватались за перила и широко расставляли ноги. В одном из них Гусейн узнал Котельникова, в другом — матроса Хрулева.

— Боцман где?— закричал Котельников, подойдя ближе. Гусейн вглядывался в его лицо, стараясь понять вопрос.— Да где же он скрывается? Вот паразит!

— Не тронь его, он упарился,— ответил Гусейн, стараясь кричать погромче и показывая в сторону коридора, где остался боцман.— Ну, допустим, я за него. В чем дело?

— Там волны шпилевой мотор заливают, брезент сорвало!— кричал Котельников.— Да это палубных матросов дело, а не твое.

Но Гусейну было интересно и хотелось размяться перед тем, как идти на вахту. Не каждый день бывает такой шторм,— и что ему сидеть в каюте? Он уже привык к оглушительному вою ветра, и лицо его горело. Он побежал к мостику. Котельников двинулся за ним, держась за его плечо. Хрулев семенил сзади, опасливо поглядывая вниз, на палубу, где клокотала вода. Они прошли левой стороной спардека, здесь ветер был слабее.

— Пожалуй, с опозданием прибудем,— высказал предположение Гусейн.— Как ты думаешь, Степа?

— Выспался, милый. В Красноводск идем, а оттуда в Махачкалу. Никто нас теперь не обгонит.

— Вот так здорово!— изумился Гусейн.— А как же с соревнованием будет? Ведь «Агамали» по старой линии идет.

— Не беда. Мы по тонна-милям будем считать. Там разберемся...

Гусейн кивнул головой. В таком случае Красноводск так Красноводск! Он чувствовал себя прекрасно на ветру с открытой грудью. Хотелось поскорее увидеть, что случилось с мотором, но Котельников медлил. Лицо его вдруг позеленело, и он сделал движение ртом и шеей, как будто глотал застрявший в горле кусок. Он перевесился через перила и тяжело дышал.

— Они с утра все блюют, я замечаю,— хихикнул Хрулев.— Весь ихний харч ныне за борт пошел. Мо-ре-хо-ды!

Котельников плевал густой тягучей слюной, охал и бормотал ругательства. Волосы его свесились и трепались по ветру.

— Иди! — крикнул он сердито Гусейну.— Ну, что ты стал? Ох!

На переходном мостике, ведущем на бак, столпились вахтенные матросы, и помощник Касацкий что-то объяснял им, показывая вниз, на грузовую палубу. Там Гусейн увидел злополучный электромотор, обнаженный и блестящий от воды. Эту переднюю часть палубы волны захлестывали не так сильно. Только изредка белая грива перекидывалась через борт, пузыристые потоки стремительно разливались по темному глянцевитому настилу, задерживаясь и вскипая у люков.

— Тут в два счета надо,— сердито кричал Касацкий,— поднести и накинуть брезент — раз! Натянуть и завязать бечеву — два! Были бы у меня сапоги, я бы вам показал. Да тут двоих довольно! Вот Фомушкин да Хрулев...

Запасной брезент лежал тут же, на мостике, и в кольца его была продета бечева. Гусейн нагнулся и потянул его за край.

— О, богатырь пришел,— улыбнулся Касацкий.— Сейчас он вам покажет, как надо работать!

Гусейн собрал брезент и расправил бечеву.

— Давайте попробую. Вот Хрулева еще возьму. Вдвоем и закроем.

— Вот-вот,— заспешил Касацкий и даже притронулся к брезенту, как бы намереваясь помочь.— Я же говорю, пустяковое дело!

— Маловато двоих-то,— пробормотал Хрулев, тоскливо оглядываясь,— еще бы одного...

— Десять! — захохотал Гусейн.— Да у тебя сила, что ли?

Они подтащили брезент к трапу, ведущему на палубу, и Гусейн, спустившись на три ступеньки, перекинул бечеву через плечо. Откуда-то выскочил Володя Макаров и сердито крикнул Гусейну:

— Разве они сами не могут? Брось, Мустафа!

— Помогаю товарищам,— улыбнулся Гусейн.— Отчего не помочь, если просят?

Под ногами вихрем промчались белые потоки воды, и перила трапа качнулись. Рядом заметалось бледное лицо Хрулева с расширенными глазами и закушенной нижней губой. Потом палуба обнажилась и заблестела.

— Ты держи меня, если что,— пробормотал Хрулев испуганным говорком.— У меня в глазах круженне. Пожалуйста, Мустафа...

— Я тебя удержу-у,— смеялся Гусейн.— За ногу тебя держать или повыше? Хо-хо!

Они побежали по мокрой палубе и накинули брезент на тело мотора. Гусейн присел на корточки, продевая концы бечевы в отверстия моторных салазок.

— Скорей! — бормотал Хрулев, дергая бечеву.— Ох, скорее, Мустафа!

Потом он вдруг метнулся куда-то. Гусейн услышал топот ног и какой-то крик. Но он поднял голову не сразу, а сначала накрепко затянул узел и тогда вдруг увидел огромную бутылочного цвета волну, поднявшуюся высоко над бортом, и на ее верхушке молочно-белый кипящий гребень, закрутившийся со зловещим свистом. Гусейн прижался всем телом к мотору, обхватил руками вал и в последнюю минуту почему-то очень отчетливо заметил свои руки с побелевшими от напряжения ногтями на валу мотора и крупную ткань брезента в рыжих масляных пятнах.

Потом на него словно обрушилось ледяное небо и оглушительным звоном отдалось в голове, что-то схватило его за туловище, тащило за собой, выворачивая руки, и колотило о палубу. Оглушенный, почти теряя сознание, он всю свою силу отдал кистям рук и так и не разжал их, пока не промчался над ним поток и не обмелел, оставив на палубе пузыри пены. Поднялся же он как-то сразу и тотчас побежал, не чувствуя своего тела, а сверху все кричали что-то, но крик этот казался ему слабым, как писк комара.

Вторая волна ударила его по ногам, когда он уже держался за перила трапа. Поскользнувшись, он упал на колени, но сейчас же опять поднялся и стал взби-

раться по ступенькам. Только очутившись на мостике, он пошатнулся, оперся на перила и выплюнул длинной струйкой соленую воду.

Он увидел перед собой испуганное лицо Володи, холодные смеющиеся глаза Касацкого и услышал, как Хрулев говорил кому-то:

— Я ему кричал, а он, как статуй, право же, статуй...

— Неосторожно! — строго заметил Касацкий.— Этак и за борт попасть недолго.

Гусейн посмотрел вниз и увидел мокрый брезент, плотно облегавший мотор. Ему было очень холодно, и как-то сами собой дробно стучали зубы. Володя обнял его за талию, легонько подтолкнул в спину и, обернувшись к стоявшим на палубе, язвительно бросил:

— Если бы не он, вы бы тут до вечера подначивали друг друга. Эх, вы!

III

Басов провел в машинном отделении ночную вахту. Ему очень хотелось спать. Но утром начался шторм, и спать не пришлось. Вода, вытекавшая из рубашек цилиндров, вдруг сделалась горячей. Басов попробовал воду на ощупь и обжег пальцы. Оказалось, что насос подает забортную воду с перебоями из-за сильной качки. Пришлось налаживать циркуляцию.

К полудню шторм усилился, и волны стали обнажать гребные винты. Запрыгали стрелки приборов, и грохот машин постоянно менял тон. Идти с прежней скоростью становилось опасным, но Басов все еще не хотел снижать обороты дизелей и несколько раз поднимался на палубу, чтобы взглянуть на погоду. Тогда у машин оставался его помощник Задоров. Он нервничал, поминутно переводя глаза с приборов на верхнюю дверь, откуда должен был появиться Басов, и палил папиросу за папиросой. А ветер все усиливался и гнал на юг зеленые водяные горы, увенчанные пышными кружевами пены. По временам сек крупный косой дождь, облака шли совсем низко, плотно обложив горизонт. Позвонили из штурманской рубки, и, подойдя к аппарату, Басов услышал голос капитана.

— Как у вас там? — спрашивал Евгений Степанович.

— Все в порядке, но зыбь открывает винты. Надо бы убавить обороты.

— Вы думаете? Хорошо... Убавить обороты.

— Есть убавить обороты!

Басов ожидал отбоя, но после небольшого молчания трубка нерешительно пробубнила: «Постойте-ка... Может быть, повременить?..»

Тогда Басов бросил трубку на рычаг, подошел к щитам и повернул оба маховика. Задоров дремал, опустившись на корточки и покачиваясь во сне, как дервиш. Судно накренилось, и он свалился набок. Поднялся, потирая ушибленное бедро, и сонно выругался. В машинном отделении парило сильнее обыкновенного, или это только казалось Басову. Его неудержимо клонило ко сну. Была минута, когда он забылся, стоя у щита с открытыми глазами. Ему показалось, что он на берегу, у себя дома. И Муся положила ему руки на плечи и ласково, тихонько качает его; то притянет, то оттолкнет, и это было очень понятно, потому что она ведь сердилась на него за что-то. Теперь она не знает, что ему сказать, когда он так вдруг явился... Кто-то стучит молотком по железной крыше и грузно чавкает, точно месит тесто, и Муся укоризненно качает головой. «Третья вахта,— говорит она сердито,— третья вахта, Саша... Так нельзя». Он вздрогнул и открыл глаза.

— Третья вахта, говорю, сменяется! — кричал Гусейн улыбаясь.— А ты все стоишь. Уморишь себя, ну тебя к черту... А со мной происшествие было, слышь ты!

— Происшествие? — переспросил Басов, моргая глазами.— Ну, ну... А как там погода, не видно конца?

— Какое... Одиннадцать баллов нагнало — по радио сводку давали сейчас. Такая свистопляска! А со мной происшествие было... только ты ругаться будешь, я знаю!

Мустафа был горяч и весел. Фуражку его унесло волною, и он повязал голову платком, взятым у горничной Веры. Он рассказывал, как накрыло его волной на палубе, и делал большие глаза, чтобы вышло постращнее, но видно было, что ему вовсе не страшно вспоминать об этом. Потом он посмотрел на приборы и отошел, чтобы проверить смазку двигателей и попробовать на ощупь отработанную воду. Некоторое время Басов наблюдал за ним, стоя у щита, потом задремал. Муся снова вышла из темного угла, она приближалась. Нестерпимый жар шел от нее. Она опустила ресницы и склонила голову, словно стыдясь, что пришла к нему

первая. Он испугался, как бы она не вернулась назад, в темноту, и взял ее за руки. «Ты рад, что я с тобой? — спросила она.— Тогда я здесь останусь. Хочешь?» И он подумал, что это есть то самое, чего он хочет от нее, и кивнул головой. Но она вдруг заплакала и сердито сказала: «В прошлом году сгорел нефтевоз «Партизан». Ты, коммунист, скажи-ка: вас послали в Красноводск — разве это не преступление?» Он хотел ответить, но Муся уже не плакала, а тянула его за руку, и в глазах ее он увидел очень знакомое старческое выражение, тоскливое и жалобное, как у больной собаки. «По-моему, тебе лучше уйти отсюда»,— сказал он, вырывая руку, и тотчас открыл глаза.

Перед ним стоял слесарь Якубов и протягивал ему тарелку с хлебом и котлетами. Басов взглянул на часы — был час обеда, и он вдруг почувствовал, что очень голоден.

— Как это ты догадался? — сказал он смущенно, принимаясь за еду.— А я и сам не знал, что хочу есть. Вот так парень!

Якубов не уходил и смотрел, улыбаясь, как Басов ест, и глаза у него были преданные, добрые, немного насмешливые. Снаружи грохнуло мягко, словно ударили в бубен. Колыхнулись черные тени двигателей, и забулькала под сланью вода. Сверху посыпалось что-то, похожее на крупный дождь, и Якубов тревожно оглянулся. Но, видя, что Басов продолжает есть, тут же успокоился.

— Ну, спасибо,— сказал Басов, отдавая тарелку.— Что нового наверху?

— Все по-старому. Одиннадцать баллов, говорят. Вода проникла в нижний коридор и в канатный погреб, где дверь не успели задраить. Палубные матросы с ног сбились. А Котельников все мается тошнотой. С лица позеленел и жалуется, что у него сердце зашлось. Принес я ему леденца пососать — не берет. Оно, конечно, кто как переносит, а я, например, ничего! По-моему, даже красиво. Очень замечательный шторм. Немного жутко, не без того. Чувствуешь, что ты букашка, тля...

— Жутко? — переспросил Басов, сонно улыбаясь.— Ну-ну... Ничего.

Он опять прислонился к щиту, опустил голову и, засыпая, коротко, радостно подумал: «До чего удобно!»

На этот раз сон был хрупкий и непрочный, и он все время сознавал, что спит и находится в машинном от-

делении, а когда снова появилась откуда-то Муся, он сделал усилие, чтобы проснуться, и подумал с досадой: «Ни к чему это, надо бросить...» Но проснуться он не смог.

Муся была не одна. Вокруг нее ходили итеэры с верфи, они смеялись преувеличенно любезно и помогали ей надевать ботинки, которые она все снимала и отбрасывала от себя прочь. Все они не обращали внимания на Басова, должно быть не видали его вовсе, потому что он стоял неподвижно. Среди них был Нейман, и, что было уже совсем отвратительно, больше всех суетился именно он. Наклонялся к Мусе очень близко и заглядывал ей в глаза угодливо-нетерпеливо. А Муся держалась, как обычно при гостях, уверенно и дерзко, звонко смеялась, коротко и часто дышала, но Басов видел, что ей вовсе не весело, так как она хорошо знала, что он здесь, и только представлялась, что не видит его. Кто-то произнес его имя, но она только мельком взглянула в его сторону и покачала головой: «Ах, я не знаю, где он! Я его давно не видала».

Ей было тяжело лгать и трудно при этом улыбаться. Басов это очень ясно видел. И ему стало больно за нее так, как будто его оскорбили. Но тотчас же он вспомнил, что все это только сон, и открыл глаза.

По трапу вниз спускался Володя и издали махал ему рукой. По лицу его Басов понял, что случилось что-то.

— Минуточку! — крикнул Володя задыхаясь.— Ты не можешь ли пойти со мной наверх? Я, кажется, там такое наделал...

— Да что случилось? — вымолвил Басов, протирая глаза.— Ну-ну, спокойнее, Володя!

— Я не волнуюсь, право, не волнуюсь,— оправдывался Володя,— но я окончательно зашился. Котельников совсем болен, лежит и глаза заводит. Все точно угорели, а я один...

— Постой, что же все-таки случилось? — спросил Басов сердито.— Если пустяк какой-нибудь, тогда не пойду.

Володя схватил его за рукав и потянул к трапу.

— Пойдем, пожалуйста! Сначала лопнула антенна. Пришла, понимаешь, большая волна. Корпус судна прогнулся, и мачты разошлись вот так,— он растопырил пальцы, показывая, как разошлись мачты.— Лопнула моя антенна, аж звон пошел. А мне с Красноводском говорить надо и вообще... Случись авария, пойдем

ко дну, никто не узнает. Вот я и стал выходить из положения — натянул проволоку, а изоляторов-то нет. Начал вызывать Красноводск — не слышит. Я и давай поднимать напряжение динамо, чтобы получить больше мощности, да, видно, перестарался. Треснуло, гарью запахло — и конец. Разобрал машину — оказалась пробитой изоляция. Теперь уж я что-то ничего не могу придумать...

— Так ты на меня не надейся, какой же я электрик? — говорил Басов, продолжая, однако, идти за Володей.— Ну чем я могу помочь?

На мостике он приподнял плечи и подставил спину ветру. Сильно стемнело. Быстро меняя форму, тучи клубились совсем низко, в полумраке мелькали белые гребни волн. По грузовой палубе все так же прокатывались шипящие потоки воды, и мачтовые огни кружились широкими взмахами где-то у самых туч.

В радиорубке младший электрик Проценко, развалившись на стуле и кутаясь в клубах дыма, спокойно мусолил самокрутку. На полу валялись части разобранной машины, куски обгоревшей проволоки. Железные болты перекатывались от качки с места на место.

— Ось, дывитесь,— сказал Проценко, толкая ногой подкатившийся болт,— дывитесь, що радист зробыв. Хиба ж так можно? Ай, ай!

— Уйди отсюда! — крикнул Володя, и в голосе его зазвенели слезы.— Ты всегда под руку говоришь, когда у меня не ладится.— Он повернулся к Басову и робко заглянул ему в лицо.— Что же делать теперь, Александр Иванович?

— Не знаю,— сказал Басов.— А это что же за штука такая, вот то, что ты испортил? Динамо, что ли?

— Динамо...— повторил Володя упавшим голосом. Ему вдруг стало отчетливо ясно, что старший механик ничего не понимает в радио и ничем не может помочь. Тотчас же он отошел от Басова и, присев на корточки, огорченно потрогал машину.

— Значит, эта штука твое радио питала? — допытывался Басов.— Ну, а нельзя ли ее чем-нибудь заменить? Аккумулятором, например?

Володя передернул плечами.

— Аккумулятор имеет восемьдесят вольт, а машина тысячу двести. Смешно даже... Знаешь что,— доба-

вил он грустно,— ты уж иди, тебя там ждут, а я как-нибудь один...

— Подождут. Тысяча двести, ты говоришь? Да ведь ты сам сказал, что менял напряжение. Значит, можно и меньше дать на передатчик? Скажем, вольт шестьсот.

— Может быть, можно. Не знаю.

— Тогда надо попробовать. У нас есть аккумуляторы. Сколько их, Проценко?

— Восемь або девять... Нет, восемь.

— Ладно. Восемью восемьдесят будет шестьсот сорок вольт. Проценко, возьмешь кого-нибудь из палубных и притащишь их сюда.

Володя поднял голову и посмотрел на Басова, приоткрыв рот. Проценко потушил самокрутку о каблук и вышел.

— Это аккумуляторами-то передатчик питать? — изумился Володя.— Нет, не выйдет.

Басов посвистывал, рассматривая блестящие радиолампы сквозь сетчатые окошки передатчика.

— Чудесная вещь,— сказал он с любопытством,— да... Так почему же не выйдет?

— Да потому что... никто так не делает. Где это видано? Во-первых, аккумуляторов хватит ненадолго.

— Нам и не надо надолго. Только на один рейс, пока починим машину. Ну, не кисни, Володька!

Басову уже не хотелось спать. Он осмотрел со всех сторон передатчик и заглянул в коридор.

— Что они там копаются? — сказал он нетерпеливо.— А ну пошевели их, Володя!

Радист неохотно поплелся к двери.

— Тут и листа-то не хватит,— сказал он уныло.— Ну и придумал ты.

— Иди, иди,— торопил Басов.

Пока носили аккумуляторы, он успел открыть дверцу передатчика и заглянуть внутрь. Увидел лампы, толстые проволочные спирали и блестящие пластины конденсаторов (их он осторожно потрогал рукой) и решил про себя, что после шторма заставит Володю объяснить ему все это.

Аккумуляторы были большие и тяжелые, они едва уместились на полу в узкой рубке, и, когда судно валилось набок, из их отверстий брызгала кислота, разливаясь по полу.

— Всю рубку загадили,— ворчал Володя,—

и одежда в дырьях от кислоты. Напрасно все это...

Проценко, сидя на корточках, присоединял провода, высунув от напряжения кончик языка. Неожиданно его ударило током, он вздрогнул, прикусил язык и озлился.

— Чего стоишь? — набросился он на Володю.— Помогай, с-сукин сын.

Радист присел было возле аккумулятора, но опять поднялся.

— Александр Иванович, ничего не выйдет.

— Что еще? — обернулся Басов.

— Да ведь антенны-то нет у нас. Провод я привязал прямо к вантам, потому что нет изоляторов. Вот и выходит, что напрасно стараемся.

— Разве нельзя чем-нибудь заменить изоляторы? — спросил Басов. Он нахмурился и очень внимательно посмотрел на радиста.

— И так уж половину заменили...— проворчал было Володя, но встретил затвердевшие глаза Басова и затих.

— Э, черт! — брякнул Басов нетерпеливо.— Он совсем раскис. Пойдем поищем чего-нибудь, Проценко.

— Мабуть, бутылки с-под нарзану? — предложил Проценко неуверенно.— Стекло, оно ведь изоляция.

— Правильно. Тащи бутылки!

Володя вдруг покраснел как рак, суетливо задвигался и пулей выскочил в коридор. Басов хмуро посмотрел ему вслед, а Проценко хитро сощурился и полез за кисетом.

Радист вернулся с кучей пустых бутылок и, ни на кого не глядя, принялся за дело. Он вязал гирлянды из бутылок, работая с таким остервенением, что виски и лоб его покрылись каплями пота. Потом он смотал провод в кольца и быстро вышел, звякнув бутылками.

— Пойдем посмотрим,— предложил Басов,— он теперь готов до самых клотиков долезть. Еще упадет, чего доброго!

На мостике под фонарем стояли вахтенные матросы в дождевиках и, задрав головы, смотрели вверх. Радист висел на винтовой лестнице, раскачиваясь над палубой при каждом броске судна. Он судорожно цеплялся за ванты, стараясь привязать тяжелую гирлянду из бутылок. Проценко подхватил нижний конец провода и, взобравшись на крышу рубки, прикрепил его к вводу, потом он уселся на крыше, свесив ноги, и тоже стал смотреть вверх.

— Осторожнее, Володя! — крикнул Басов. Простым узлом завяжи! Эй, сорвешься!

От фонаря на мокрую палубу ложился золотой столб света, поминутно сметаемый потоками воды, переливавшимися через борт. Ветер то налетал стремительными порывами, кидая в лицо брызги, то бессильно падал и крутил под ногами мелкую пыль. Судно осторожно кренилось, встряхивалось от пены, медленно выпрямлялось.

— Ветер падает,— сказал кто-то рядом с Басовым.— Отогреться бы теперь, братцы!

Голос был сырой и хриплый, с долгой позевотой, и Басов как-то сразу почувствовал, что сам он устал смертельно и если останется теперь без дела, то тотчас заснет как убитый. Но Володя уже спустился, подошел к фонарю и пососал ободранный палец.

— Я хорошо поднял ее,— сказал он, переводя дух,— отсюда, кажется, видно. Посмотри.

Они вернулись в рубку. Радист натянул наушники, включил рубильник и постукал ключиком.

— А ведь есть генерация,— сказал он горячей скороговоркой и обернулся к Басову, как бы досадуя, что тот молчит и не высказывает радости.— Ты слышишь? Работает, говорю.

— Хорошо,— отозвался Басов,— теперь вызывай Красноводск.

Он прислушался к треску ключа и впервые усомнился. Ему представились почему-то зеленые дрожащие нити, протянувшиеся во все стороны от радиорубки. Нити взвивались над морем, как ленты серпантина, но падали в воду, не долетев до берега. «Все равно связи нужно добиться...» — подумал он упрямо, и зеленые нити погасли.

Володя долго трещал ключом, локоть его дрожал, трепетал хохолок на голове. Потом он завертел шишечку приемника, и лицо его приняло острое, сосредоточенное выражение, какое всегда бывало у него во время приема на слух. Репродуктор зашипел, свистнул и забарабанил звонко, словно просыпался на стекло мелкий бисер.

Вошел Проценко, гремя каблуками, и замер у порога, бесшумно притворив дверь. Репродуктор смолк.

— Готово! — воскликнул Володя сияя.— Они говорят, что нас слабо слышно. Если бы они знали, на чем

мы работаем. Разве передать им для смеха? Ведь не поверят!

— А ты говорил — не выйдет,— поддразнил Проценко.— Хиба ты що знаешь? Ты!

Басов вышел на спардек, медленно передвигая ноги, словно налитые свинцом. Он глотнул холодного воздуха и, подняв голову, увидел в разрыве туч полоску умытого звездного неба. Ветер растратил уже свою необузданную ярость и налетал порывами. Иногда наступала тишина и явственно слышался гул машин и шаги вахтенных на штурманском мостике.

«Спать,— подумал Басов, закрывая глаза.— Раздеться и укрыться одеялом... нет, раздеваться долго. Снять сапоги...— Перед его глазами вереницей поплыли черные пятна, и сам он как будто кружился, стоя на месте, и плавно опускался вниз.— Теперь уж спать непременно, только посмотреть двигатели».

Кто-то промчался по спардеку и налетел на Басова в темноте.

— Александр Иванович, я вас давно ищу,— заговорил моторист Козов, цепляясь за пуговицы басовского бушлата.— Во вспомогательном двигателе не ладно, топливный отсекатель испортился. Теперь мотор развивает бешеные обороты, того и гляди — разнесет. Задоров совсем осатанел — лается и грозит судом, точно я виноват... Так уж пойдемте, Александр Иванович, сделайте одолжение!

— Говоришь, отсекатель сломался? — спрашивал Басов на ходу.— А почему механик не остановил мотора? Истеричка с усами! Хорошо. Разбудить электриков и старшего моториста второй вахты. Быстро!

— Мустафа только что сменился, Александр Иванович.

— Слушай, что я говорю! Электрикам перейти на резервное освещение. Мотор заглушить. Разбудить Гусейна да еще слесаря Якубова. А ты не волнуйся, сейчас все уладим.

— Есть разбудить... Уж как я вас искал, Александр Иванович! «Скверная организация,— думал Басов, направляясь в машинное отделение.— Вахтенный механик боится машин, нервничает и ругает мотористов, а мотористы бегают по всему судну, разыскивают старшего механика. Скверная организация и скверное руководство! В сущности, я плохой организатор, потому без меня не могут обойтись».

Он уже не чувствовал усталости, в нем закипало глухое раздражение против вахтенного механика, против мотористов, против самого себя — раздражение, невольно заставлявшее его быть грубым и резким и возбуждавшее у подчиненных смешанное чувство страха и неприязни.

У дверей машинного отделения стоял Мустафа Гусейн, голый по пояс, в женском платке. Он потягивался, протирая глаза и сонно улыбаясь.

— Поторопитесь,— сказал Басов, глядя поверх лица моториста отчужденным взглядом,— выспаться успеем потом. Да чего вы ждете, когда в машинном авария?

— Тебя жду,— промолвил Гусейн, продолжая улыбаться.— Я уже был там, остановил мотор и осмотрел его. Испорчен отсекатель, как я и предполагал. Сейчас начнем исправлять... А ты уж набросился на меня. Экой ты вредный!

— Да когда ты успел? — пробормотал Басов краснея.— Говоришь, начали исправлять? Ну-ну...

— Меня давно позвали. А знаешь что? Тебе надо идти на боковую. Нельзя же так — вторые сутки без сна. Вот ты уж на людей бросаться начал.

— А ты не обращай внимания,— смущенно засмеялся Басов.— Это все проклятый ветер!

— Я и не обижаюсь. Только ты иди все-таки, не мешкая. Лишние люди — одна помеха, ты же сам говорил.

— Хо-хо! Гонишь, стало быть? Что ж, я пойду. А ты не напорешь, Мустафа?

— Еще что!

— Ну, прощай, Мустафа!

— Прощай!

«Теперь уж окончательно спать,— думал Басов, переходя мостик.— И вовсе никто не ждал меня, и без меня отлично могут обойтись. А организация... нет, организация тоже неплоха. Вот они уже заглушили двигатель, определили аварию и подготовили все, чтобы устранить ее. Едва ли я сделал бы это быстрее. Среди них есть лучшие, есть такие, как Гусейн, и все вместе они лучше, чем каждый в отдельности, потому что дополняют один другого. И как я мог скверно подумать о них, когда шел сюда? И что именно я мог подумать? Нет, просто сказалась бессонница и ветер... ветер!»

ОСТРОВ ЧЕЧЕН

I

Она имела странный, обманчивый запах — эта красноводская нефть. Когда наставили шланги и полилась в люки темная шипучая жидкость, Догайло потянул носом и сказал:

— Будто монпансье или другая какая конфетка. Нюхай на здоровье!

И матросы нюхали. Было так, как будто пронесли по палубе поднос с горячим кондитерским печеньем. Потом как-то неприятно защекотало в носу. И Догайло, аккуратно освободив ноздри при помощи большого пальца, сказал уже без всякого удовольствия:

— Однако шибает!

А под конец и это прошло. Казалось, что качают по нефтепроводу обыкновенную сураханскую нефть. Только палубный матрос Фомушкин, стоявший возле люка, пожаловался, что у него заболели виски, а Догайло отошел опасливо к борту и уже ничего не сказал.

В Красноводске капитан получил новое распоряжение пароходства: взять на буксир теплоход «Узбекистан», потерявший самоходность во время шторма. Это

было неприятное, хлопотливое дело. Несмотря на это, Евгений Степанович был в хорошем расположении духа. Сутки шторма в открытом море, тревога и непосильное напряжение — все это осталось позади, как будто кто-то отлично все устроил, и потому Евгений Степанович чувствовал прилив дружеского расположения ко всем людям.

— Посмотрите,— говорил он Касацкому,— нет, вы посмотрите, какая прелесть! Белый городок, над ним скалы совсем красные. И золотые отмели вокруг голубой бухты. Удивительно красиво!

У Касацкого был нездоровый, усталый вид и коричневые мешки под глазами. На кителе, обсыпанном табачным пеплом, было множество складок, словно помощник валялся на кровати не раздеваясь.

— Город белый, это верно,— отозвался он насмешливо,— и скалы безусловно красные, не придерешься. А вы нынче что-то уж очень веселенькие да розовенькие. С чего бы это? — Он медленно повернул голову, выпуклые глаза его неподвижно уперлись в капитанский галстук.— Впрочем, хорошо, что вы жизнерадостны. А я, знаете, привык заглядывать вперед. Вот кончился норд, все рады, а я нет. То есть и я доволен, конечно, но не так, как вы, потому что как только запоет во мне этот тоненький глупый голосок — радость, то тотчас я начинаю рассуждать, и выходит, что сколько ни пой, а под конец случится что-нибудь неприятное и придется играть «Разлуку».

— А потом опять ведь будет хорошо? Ведь будет?

— Не знаю. Может быть. Надоели мне отвлеченные темы. Вон стоит танкер «Узбекистан», видите, на той пристани? Следует осмотреть его перед тем, как взять на буксир. Пойдемте.

— Ах, еще эта буксировка! А отказаться-то и нельзя. «Узбекистан» потерял самоходность, а нефть в трюмы уже погружена, и надо ее вывезти.

— Придется буксировать этот утюг, ничего не поделаешь.

— Вы точно радуетесь...

— Да нет же, просто я вернул вас к действительности и доказал, что неприятности еще существуют. Вашу руку, жизнерадостный человек.

Они спустились на грузовую палубу и направились к сходням. Евгений Степанович потянул носом и приостановился.

— Чем это пахнет у нас? — спросил он с удивлением.— Неужели это нефть?

— А вы только заметили? Ну да, красноводская нефть. Что вы хмуритесь? Запах оригинальный, даже приятный.

Они шли, не торопясь, по берегу, и Касацкий говорил об интересных свойствах красноводской нефти — ароматических веществах и бензинах, содержащихся в ней, о низкой температуре ее воспламенения. А Евгений Степанович думал о том, что Касацкий знает много такого, чего не знают другие штурманы, но почему-то не любит обнаруживать свои знания и даже газеты читает в одиночестве, запершись у себя в каюте.

На «Узбекистане» их встретил добродушный рыжий толстяк, отрекомендовавшийся помощником капитана. Вместе они отправились на бак, осмотрели приспособления и условились о креплении буксира.

— Нам очень не везет,— жаловался толстяк, благодушно улыбаясь.— Зимою отремонтировались скверно, а теперь что ни рейс, то авария. Вчера заклинился вал, а погрузку все-таки произвели. Не порожнем же идти обратно!.. Но опять-таки, говоря между нами, это беззаконие, потому что палуба у нас не в порядке.

— В самом деле? — спросил Касацкий небрежно.— Ну, это обычная вещь.

— В одном месте заварили, но, как видно, недостаточно. Газом пахнет. А газоотвода у нас нет. Беззаконие...

— Нам надо вернуться,— заторопился Касацкий,— время, Евгений Степанович, время!

Рыжий зевнул и ушел в каюту. На палубе висело белье, развешанное для просушки, лежали и бухты троса. Евгений Степанович покачал головой.

— Загадили судно. Ах, подлецы, подлецы!

Почему-то Касацкий не пошел прямо к сходням, а завернул в противоположный проход палубы. Евгений Степанович покорно семенил за ним. По мере того как они приближались к юту, пряный запах усиливался, и у капитана защекотало в носу.

— Разве у них люки не задраены? — спросил он принюхиваясь.— Что за черт! Вот уже действительно беззаконие!

Касацкий, не останавливаясь, обогнул надстройку и пошел к сходням.

— А у вас при себе та бумажка? — спросил он быстро.

— Какая?

— Ну, сегодняшняя радиограмма пароходства насчет буксировки «Узбекистана». Покажите-ка!

Он посмотрел бланк, сложил его и шевельнул ноздрями.

— Пришьем это к делу,— пробормотал он озабоченно,— для порядка, знаете.

— Ей-богу, откажусь буксировать,— вздрогнул Евгений Степанович,— вот сейчас пойду и отправлю телеграмму!

— Тише! Что вам такое показалось? Ну, палуба газит немного. Эка невидаль. У них есть разрешение регистра продолжать эксплуатацию. Если вы откажетесь — вас обвинят в срыве плана.

— Вы думаете?

— Уверен.

— Ах, собачья должность! — вздохнул Евгений Степанович.— Будь проклята минута, когда я согласился покинуть канцелярию.

II

Во время погрузки к сходням «Дербента» подошел человечек в фуражке с якорем. На вид человечку было лет пятнадцать, но держался он важно и даже напускал на себя некоторую суровость. В руке он держал записную книжку и был, как видно, очень любопытен, потому что все поднимался на цыпочки, стараясь разглядеть то, что происходило на танкере.

— Добрый день,— вежливо приветствовал он Догайло.— Как поживаете?

— Да ты разве меня знаешь? — удивился боцман добродушно.— Откуда ты взялся?

— Нет, я вас еще не знаю,— возразил человечек,— но вы возьмете нас на буксир, и потому я пришел познакомиться. Здравствуйте,— кивнул он матросам, столпившимся у борта.— Я работаю радистом на «Узбекистане», меня зовут Валерьян.

Он мигом перебежал сходни и протянул руку боцману.

— Ну, здравствуй, Валерьян,— сказал Догайло усмехаясь.— Дело ваше дохлое, Валерьян. Тащить вас будем!

Из кают-компании вышли Котельников, Гусейн и Макаров. Володя пригляделся и крикнул:

— Да это же Валька!

Он подбежал, схватил мальчугана за плечи и завертел его перед собой.

— Валька, откуда ты выскочил? Как ты попал сюда? На «Узбекистане» плаваешь? Это нашего выпуска парень,— обратился он к товарищам,— самый молодой изо всех. Его принимать не хотели. Ведь не хотели, Валька, признайся? А теперь, смотри ты, плавает и не тонет. Ах ты, прыщ!

— Очень интересно,— сказал Валерьян солидно,— я уже сказал, что работаю радистом. И отлично справляюсь! Как вы перенесли шторм? Я все время дежурил у приемника, бессменно! Потому что могло же какое-нибудь судно терпеть бедствие, и я услышал бы и спас... то есть мы бы спасли. Это очень важно, такое дежурство. Приказ наркома о борьбе с авариями читал? Так что я бес-с-менно!

Он старался говорить небрежно, но, видно, находился в возбуждении, оттого что его слушают столько чужих взрослых людей, и голос его то басил с хрипотцой, то срывался на высокий мальчишеский дискант.

— У меня мощная радиостанция,— продолжал он с увлечением,— и я уже проделал много интересных опытов (я ведь старый радиолюбитель). Теперь я думаю послать статью в «Радиофронт». Я, видите ли, пробовал держать связь с черноморскими судами, и это мне удавалось, но только в вечерние часы и на короткое время. В науке есть объяснение этому факту. К сожалению, опыты пришлось прекратить, потому что контрольный пункт подслушал меня и вкатил выговор. Ведь чиновники — поспорь с ними, попробуй!

— Ах ты, милый! — восхитился Гусейн.— Да за что же выговор?

— За хулиганство в эфире. Но это ничего, все-таки очень интересно плавать. У нас большая библиотека, томов тридцать, даже больше. Кроме того, я юнкор. Пишу о нефтеперевозках и о стахановском движении. Собственно говоря, я недаром пришел сюда, я и записную книжку приготовил, чтобы записать впечатления. Чего ты смеешься, Володя? Мне бы хотелось поговорить с кем-нибудь из стахановцев. Как вы достигли ваших рекордов?

Вокруг него собралась уже порядочная толпа, и он на минуту смутился, но увидел веселые, доброжелательные лица и важно раскрыл записную книжку. Гусейн взял его под руку, и они пошли по палубе, сопровождаемые толпой любопытных.

— Значит, все дело было в двигателях и в экономии времени при погрузке? Постойте, я запишу... Это что-то вроде изобретательства, правда? Нет? Ну, я, может быть, глупость сказал. Да не смейся, Володя! Я забыл тебе сказать, что я конструктор. Я делаю маленькие планеры из дерева и картона, это очень интересно. К сожалению, их негде пускать — палуба у нас небольшая, и они все попадали за борт и погибли... А еще я сконструировал электромотор, совсем маленький. Он весит всего несколько граммов и вращается от карманной батарейки. И он выполнен целиком из советских материалов, заметьте!

Володя захохотал во все горло и, схватив гостя в охапку, поднял его в воздух.

— Из советских! — повторил он, захлебываясь от восторга.— Ах ты, трепло!

— Ну оставь, Володя, ну что за мальчишество! — морщился Валерьян, вырываясь.— Дай же поговорить с людьми. Слышишь, Володя!

Он оправил рубашку и обратился к Гусейну:

— Вы мне расскажете подробно о стахановских рейсах, когда мы придем в Махачкалу. Правда? Я уверен, что здесь можно многое перенять для нашей работы. У нас, на «Узбекистане», все делается по-старому, и механик очень много спит. Я думаю, у него сонная болезнь, только он об этом не знает. Это бывает, знаете, муха такая укусит — и вот... Опять ты смеешься, Володя! А между тем это очень скверно. Вот вчера двигатель испортился, а он проморгал. И еще я вам скажу по секрету...

Он сделал таинственное лицо, и Володя склонил к нему ухо, заранее улыбаясь.

— Еще у нас в палубе щель образовалась, и оттуда идет газ. Честное мое слово! На стоянке щель заделали, но, видно, не совсем, потому что запах. И газоотвода у нас нет. Вот видите!

Он выговорил все это одним духом, и Володя все еще машинально улыбался, но наступило молчание.

— Давно это у вас? — спросил Гусейн.— Вы не помните?

— Да уже порядочно. В порту на стоянке капитан вызывал инженера, забыл откуда...

— Из регистра, должно быть?

— Да, да. Он сказал, что надо как-нибудь заделать до конца навигации. Повертелся и ушел. Вот и заделали.

— Значит, регистр разрешил эксплуатацию с такой палубой? И без газоотвода? Да не может быть!

— Нет, я очень хорошо это помню. Повертелся и ушел...

Котельников покусывал ногти и хмурился.

— Надо что-то сделать, ребята,— сказал он тихо.— Им нельзя выходить в море. Это ясно.

— А что ты сделаешь?

— Снесемся с пароходством и заявим об этом. Нельзя же так оставлять.

— Теперь уже поздно,— сказал Володя,— сейчас окончится погрузка. А скажи-ка, Валерьян, у вас есть электромоторы на палубе?

— Есть. Шпилевой мотор на палубе стоит. А то где же?

— Может быть, не поздно? — спросил Гусейн, тревожно оглядываясь.— Может быть, разбудить Басова?

— Поздно, Мустафа. Басов не чудотворец. Да нам и не поверит никто. Регистр разрешил...

— А у вас не курят на палубе, Валерьян? Может, бывает, а?

— Н-нет, как будто запрещено.— Валерьян оглядел по очереди всех троих, виновато моргая. Ему было жалко, что начавшийся так хорошо разговор прервался.

— Вот что, ребята,— решил Котельников,— сейчас уже поздно действовать, но в Махачкале мы поднимем на ноги партийную организацию. О чем же ваш помполит думает, товарищ юнкор?

— Не знаю. Он у нас недавно.— Валерьян помолчал и вдруг улыбнулся по-детски просительно: — Ну, давайте же разговаривать о чем-нибудь другом. Ну, пожалуйста!

Он очень понравился всем, этот маленький радист с «Узбекистана», и ему махали фуражками, когда он уходил по причалу на берег. А Догайло даже расчувствовался, глядя ему вслед.

— Сынишка у меня был... умер...— сказал он пригорюнясь.— Такой же был вот вежливый да затейник. Ему бы теперь тридцать было или поболе...

III

День прошел, похожий на другие дни в море, истек незаметно, раздробленный на четырехчасовые отрезки вахт. В открытом море еще не улеглась мертвая зыбь. По склонам волн катилось отраженное солнце. На корме поскрипывал буксирный трос, и за ней в пенную полосу вступал высокий нос «Узбекистана», и мачты его чернели на фоне голубого неба. К нему как-то скоро привыкли на «Дербенте», словно тащился он позади уже давно и не было на нем ни людей, ни горючего груза, а были только мачты, ржавый остов да белые надстройки. А вечером, когда стемнело и зажглись по каютам огни, его не стало совсем. Только уходил в темноту звенящий буксирный трос и на конце его висела гирлянда огней, а под ней на самом дне моря колыхались зыбкие огненные цепочки, и невидимые волны рвали их, набегая, но они срастались опять, снова рвались в клочья — и так без конца.

На эти-то блестящие цепочки и засмотрелся штурман Касацкий, стоя на вахте в глухую полночь. Он поставил локти на перила мостика, запахнул тулуп и затих. Далеко за кормой извивались золотые змейки, и он следил за ними очень пристально и все не мог оторваться, хотя это созерцание было почему-то неприятно. Он обрадовался, когда внизу раздались голоса, и он перегнулся насколько возможно через перила, прислушиваясь.

— Здесь остров должен быть. Какой это?

— Чечен-остров.

— Ишь ты, Чечен. Да ты небось все море знаешь?

— А то как же! Сызмальства здесь плаваю.

Отвечал высокий тенорок боцмана; спрашивал хрипловатый насмешливый голос.

«Хрулев, должно быть»,— догадался Касацкий.

— Дядя Харитон...

— Ась?

— А где ты вчера был, когда мы мотор на палубе покрывали? Уж мы тебя искали, искали!

— Не помню, парень... Верно, дело какое было. Не помню.

— Залива-а-а-ешь! Гусейн сказывал, что ты на кухню забрался. Мертвым жуком притворился, значит? Ай да боцман!

— Врет он все... Грубиян он, обидчик!

— Верно, что грубиян. А все-таки?

— Да ведь кому охота тонуть-то, хе-хе. Старик я...

— То-то. А мне пришлось отдуваться.

— Его вчера чуть за борт не смыло, Гусейна-то,— добавил Хрулев, как бы вспомнив приятное.

Касацкий слушал с застывшей улыбкой, выставив из мохнатого воротника белое тонкое ухо. Но разговор кончился.

— Так! — вполголоса удовлетворенно сказал Касацкий.— Остров Чечен миновали. Надо засечку сделать...

Он вошел в рубку, зажмурил глаза от света и потянулся, выгибая спину, как сытый кот. Когда он наклонился над картой, где-то снаружи раздался долгий тяжелый звук, словно ударили молотком в железный лист, и тотчас же пронзительно вскрикнул на мостике Хрулев и распахнул дверь рубки.

— Ты что? — обернулся Касацкий.— Муха укусила?

Он увидел побледневшее, с разинутым ртом лицо Хрулева и прыгнул к двери. За кормою, в том месте, где до этого сверкали гирлянды огней, поднимался, качаясь, султан багрового дыма и сквозь него проступали мачты и переплеты снастей «Узбекистана», оснащенные розовым светом. Касацкий подбежал уже к трапу, но вдруг остановился как вкопанный, покусывая пальцы. Перед ним опять появилось белое безглазое лицо матроса и хрипло заголосило:

— Помоги-и-ите!

— Молчать! — крикнул Касацкий визгливым голосом.— Молчать и слушать команду! — Он затопал ногами и, схватив матроса за ворот рубашки, притянул его к себе.— Извольте успокоиться и слушать. Нужно обрубить буксир... Немедленно долой его, в воду... Понял? Ну живо!

— Топор надо,— забормотал Хрулев, приседая.— Есть обрубить!

Касацкий оттолкнул матроса и скатился по трапу. Сзади мчался Хрулев, тяжело дыша и причитая:

— Сейчас, сейчас... Ох, милые, голубчики, сейчас!

— Топор-то где? — спросил Касацкий, не замедляя бега.— Слышите, вы?

— В ящике пожарном есть,— простонал Хрулев,— сейчас достану... Ох, скорее!

Воздух всколыхнул гулкий удар взрыва, и за кормой вырос новый огненно-черный гриб дыма, посыпанный блесками искр. Торопливо забарабанил судовой колокол «Узбекистана», но тотчас оборвался и затих. На палубу выскочил Догайло. Он волочил спасательный круг, тыкаясь во все стороны, как слепой, и спотыкаясь. Наткнулся на люк и громко вскрикнул:

— Ай!

Сверху спрыгнул Хрулев и схватил его за руку.

— Дядя Харитон, давай топор скорее. Миленький, пропадаем!

— Топор? — лепетал Догайло оторопело.— Ни к чему теперь топор. Круги спасательные надо.

— Я тебя пришибу! — зарычал Хрулев.— Давай зараз топор, черт старый!

Догайло попятился, уронил спасательный круг, и оба исчезли из дрожащей полосы света, падавшей из-за кормы. Через минуту на освещенное место вынесся Хрулев с закинутым за плечо топором. Он взобрался на корму с удивительной быстротой, широко раскрывая рот от одышки. На палубе Догайло искал брошенный им спасательный круг, тихонько стонал и крестился. Наконец он нашел его и принялся надевать через голову, прислушиваясь к стуку топора, доносившемуся с юта. Когда дрогнуло судно, освобожденное от буксира, он шатнулся и сел на палубе, зажмурив глаза. На освещенное место выбежал Касацкий и наткнулся на боцмана.

— Есть! Целы! — сказал Касацкий, улыбаясь дрожащей, вымученной улыбкой.— Брось свою баранку, старик, буди капитана!

В это время из двери машинного отделения вышел Гусейн и остановился на переходном мостике, прислушиваясь.

— Буксир лопнул! — крикнул он, увидев людей на палубе.— Остановиться надо, товарищ помощник.

— Идите обратно! — закричал Касацкий.— Все в порядке, говорю вам. Ступай назад!

Но Гусейн вдруг отбежал подальше, и в глазах его блеснул отраженный розовый свет.

— Где капитан? — крикнул он, дико озираясь.— Эй вы, там... Горит ведь!

— Идите назад! — завизжал Касацкий, исступленно топая ногами.— За неисполнение приказа в момент аварии... под суд!

Гусейн уже не смотрел на палубу и не слушал помощника. Он постоял несколько секунд, соображая, и вдруг бросился на спардек, взобрался по трапу на штурманский мостик и скрылся.

— Это он сиреной шумнуть задумал,— догадался Хрулев.— Эх, перебудит он всех, Олег Сергеевич. Кабы не заставили воротиться.

На мгновение как будто потемнело вокруг и погасли блики на черной воде, но тотчас взвилось из-за кормы золотое облако искр, вспыхнуло и побагровело небо.

И, словно обожженный полыхающим заревом, оглушительно заревел «Дербент» в темноту.

Басов лежал на койке одетый, раскинув босые ноги и задрав кверху подбородок, точно сраженный на месте пулей. Что-то беспокоило его сквозь неплотно прикрытые веки, и ему казалось, что наступило утро и встает розовое солнце, а над самым ухом ревет что-то долгим, протяжным ревом и сотрясаются переборки каюты. Наполовину проснувшись, он повернулся на бок, потому что красные лучи солнца пробрались сквозь ресницы и защекотали зрачки. Рев оборвался, и в наступившей тишине ему послышались крики, но он все еще не двигался, медленно соображая, почему так хочется спать, когда наступило утро, и почему не разбудили его на вахту, как он просил. Он услышал, как распахнулась дверь, кто-то ворвался в каюту и с разбегу наткнулся на стул. И тогда, открыв глаза, он понял, что светит вовсе не солнце, и увидел склоненное над ним лицо Гусейна, который хочет его напугать,— так показалось ему.

— Который час? — спросил он, сонно улыбаясь и нащупывая выключатель.— Что ты сказал, Мустафа?

— Я говорю — на «Узбекистане» пожар,— сказал Гусейн, встряхивая его за плечо.— Вставай скорее!

Басов повернул выключатель и сел на койке.

— Врешь! — крикнул он во весь голос.— Не может быть!

При свете электрической лампочки его странно поразили не слова Гусейна, а его лицо, то знакомое выра-

жение тупого и угнетенного отчаяния, какое было на лице у Мустафы во время первых позорных рейсов.

— Что только делают, сволочи! — сказал Гусейн глухо.— Теперь уже все пропало... амба...

— Спокойно, Мустафа.— Басов натянул сапоги и выскочил в коридор, на ходу застегивая пуговицы бушлата.— Кто это кричит? — спросил он, прислушиваясь.

— Ребята собрались на спардеке. Требуют, чтобы вернуться.

Они миновали коридор и вышли на грузовую палубу. Басов остановился и поднял руки к вискам.

— Что это? — спросил он шепотом.— Да что же тут делается, Мустафа?

Далеко позади клубилось облако дыма, и в нем, как раскаленный уголь, горела ослепительная малиновая сердцевина, выбрасывая кверху снопы золотых искр.

— Обрубили буксир и уходят,— проговорил Гусейн с отчаянием.— Я дал гудок, но меня прогнали... Послушай, делай же что-нибудь! Есть еще время. Неужели так и уйдем, Саша?

Он вгляделся в лицо механика и вдруг отчетливо понял, что Басов так же бессилен, как и он сам, потому что подчиняется капитану и не волен повернуть судно, а если он будет настаивать, ему пригрозят судом и прогонят, как прогнали Гусейна.

Но Басов как-то вдруг успокоился и посмотрел назад, словно измеряя глазами расстояние до горящего судна. Неожиданно он повернулся и молча зашагал к трапу. И так же молча, уже ни о чем не думая, двинулся за ним Гусейн.

На спардеке люди пугливо озирались, не узнавая друг друга при мерцающем свете пожара. Голоса то раздавались вперебой, заглушая друг друга, то снижались до шепота, и тогда становилось слышным каждое громко сказанное слово и все вдруг оглядывались на говорившего, словно ожидая приказания, чтобы действовать.

На штурманском мостике у подхода к трапу виднелась фигура Касацкого. Он стоял неподвижно и только изредка медленно поворачивал голову, когда усиливался шум внизу. Рядом с ним у самых перил прикорнула согнутая грузная фигура капитана. Он непрерывно двигался, проделывая массу мелких, ненужных движений. Как бы от холода, он двигал плечами

и принимался застегивать пуговицы кителя, но тотчас оставлял их и вертел головой, глядя то на горящее судно, то вниз, на спардек, вздыхая и ломая пальцы.

На спардеке слесарь Якубов, взволнованный и красный, вытирал платком мокрое лицо, и глаза его казались выпуклыми от навернувшихся слез...

— Пускай они спустятся сюда! — кричал он вне себя от гнева.— Пускай объяснят: почему уходим? Предсудкома, заставь их объяснить!

— Разговоры в сторону! — проскрипел Котельников, с ненавистью взглядывая на мостик.— Надо заставить их вернуться.

— Капитана сюда! — крикнул кто-то.

— Да здесь он, капитан.

— Где?

— Вон у перил корежится.

Наступила короткая тишина. Люди теснились у трапа, разглядывали неясную фигуру на мостике, на минуту забыв о пожаре, охваченные болезненным любопытством.

— А мальчонка-то горит небось,— раздался в тишине жалобный голос Догайло.— Мальчонка, радист, ведь горит он, братцы, горит!

— Вернуться! — яростно крикнул Котельников, выкатывая глаза, и сразу неистовым криком взорвался спардек:

— Капитана сюда!

— Капи-та-на!

— Людей спасать надо! Слышите, вы!

— Арестовать их!

— Помполита сюда!

— Очумел ты, что ли? Вместо него механик. Нет давно помполита.

— Что только делают, прохвосты! Шлюпки спускать надо... Что они делают, товарищи?

— Об чем разговор? — заорал Хрулев, протискиваясь в толпе.— Гореть захотели? Ветер искры носит, а у нас разве не тот же груз? Бараны! — Он по-хозяйски расталкивал матросов и, проходя мимо слесаря, бросил с угрозой: — А ты потише. За срыв дисциплины знаешь, что бывает? То-то!

Неожиданно он увидел Басова, появившегося из-за угла, и тотчас же торопливо посторонился, притиснув кого-то спиною к борту. Как-то сразу наступила тишина, люди расступались, давая дорогу, и в образо-

вавшемся проходе быстро шел Басов, глядя прямо на капитанский мостик, словно прицеливаясь, а за ним по пятам двигалась огромная фигура Гусейна. Навстречу им кинулся Володя Макаров, бледный, задыхающийся от волнения.

— Валька Ластик еще там, я слышу его сигналы! — крикнул он, как полоумный, хватая Басова за руку.— Я не могу слушать! Трусы мы или...

Басов оттолкнул радиста и взбежал на мостик. За ним сразу бросилось несколько человек, и вся толпа молча хлынула к трапу.

— Эт-то что такое! — закричал Касацкий.— Потрудитесь вернуться назад! Евгений Степанович, прекратите безобразие, я не могу работать...

Он отступил от трапа, пропуская Басова, но тотчас же забежал вперед и загородил дорогу в рубку. Они остановились друг перед другом, тяжело переводя дыхание, как два борца, готовые сцепиться.

— Это вы обрубили буксир? — спросил Басов тихо.— Почему вы уходите?

— Не ваше дело,— так же тихо ответил Касацкий,— здесь распоряжается капитан...

Вокруг них быстро сомкнулось молчаливое кольцо людей, так же прерывисто-тяжело дышащих.

«Сейчас я ударю его»,— подумал Басов, пристально глядя в белую переносицу помощника и машинально отводя руку.

Из-за его плеча выдвинулась голова Гусейна с оскаленными зубами и еще другие лица, неузнаваемые при слабом свете зарева.

— Бей его, Мустафа,— хрипнул позади слесарь Якубов.— Не бойсь, бей с маху... На-ка зубило-то!

Толпа вокруг сгрудилась и глухо загудела, словно подхваченная вихрем надвигающегося возмущения. Сзади теснили, заставляя Басова касаться груди помощника. Он опомнился и опустил руку.

— Спокойно, товарищи! — крикнул он, работая локтями.— Лишние долой с мостика! Сейчас вернемся и подберем людей с «Узбекистана». А ну, разойтись!

Он почувствовал, как за его спиной отвалилась жаркая груда тел, и заорал изо всей силы, срывая голос:

— Слушай мою команду! Очистить мостик! Второго штурмана и донкермана ко мне. Подготовить шлюпки к спуску и... спокойно, ребята!

— Вы не имеете права! — возвысил голос Касацкий.— Здесь распоряжается капитан... На меня замахнулись. Все видели.

Люди, подошедшие к трапу, остановились в нерешительности. Басов приблизился к неподвижной фигуре капитана, склонившегося у перил.

— Евгений Степанович,— позвал он настойчиво.— Надо вернуться, там люди горят. Ну-ну, успокойтесь же, слушайте!

Капитан отнял руку от лица и жадно взглянул вокруг, словно надеясь, что багровое небо, вой сирены и крики — все это только померещилось ему. Он увидел розовые отблески на стеклах рубки и схватился за воротник дрожащими пальцами.

— Я не знаю, дружок, я ничего не знаю! — воскликнул он жалобно.— О боже мой, боже мой! Ну что вы хотите?

— Не знаешь? — бешено заревел Гусейн, расталкивая людей, чтобы получше разглядеть капитана.— Ты не знаешь? Должен знать, если ты командир, а не какая-нибудь...

Он не договорил и метнулся к рубке. За ним бросилось несколько человек, и остальные опять решительно двинулись к трапам.

— Вы губите себя, Евгений Степанович,— сказал Басов, силясь приподнять капитана.— Мы оба пойдем под суд, если те люди погибнут. Ну-ка обопритесь на меня.

В рубке Гусейн оттолкнул плечом рулевого, и тот, шатнувшись к стене, забормотал:

— Брось... Эй, брось, говорю! Ответишь...

— И отвечу, отвечу, браток,— говорил Гусейн, расставляя локти и поворачивая штурвал,— не беспокойся, отве-ечу!

Басов тащил капитана к рубке, поддерживая его под руку.

— Так вы говорите, вернуться? — спрашивал Евгений Степанович.— Я что-то уж ничего не соображаю, голубчик... Делайте все, что надо, пока я не приду в себя. Вы же видите, я совсем болен!

Золотое облако выкатилось из-за кормы и поплыло с левой стороны корабля, описывая гигантскую дугу, и море за бортом заискрилось огненными бликами.

— Ах,— сказал Евгений Степанович, закрывая глаза.— Право, я умру здесь с вами... Мне плохо, пустите меня.

Он прижал руки к груди и сел на ступеньку трапа. Сердце его бешено колотилось, и все тело как бы расползалось, терзаемое противной дрожью. Он ненавидел в эту минуту свое дрожащее, потное тело и прерывистый голос. Кто-то промчался мимо, нечаянно задев его полой бушлата по лицу. Он отвернулся и подумал, что напрасно цепляется за жизнь и что самое лучшее теперь было бы перестать существовать. Но в следующий момент ощутил сквозь закрытые веки трепетание красного света, который приближался и разгорался все ярче, и задохнулся от сердечной тоски.

— Александр Иванович,— позвал он тихо.— Ведь красноводский мазут в трюмах... Боже мой!

— Открыть повсюду водяные краны! — кричал Басов, подталкивая матросов к трапу.— Второму штурману следить за курсом. Эй, боцман, станешь у кислотных батарей. При появлении огня действуй по инструкции. Краны, краны открыть!

Возле рулевого стоял теперь штурман Алявдин с сосредоточенным, бледным лицом, и видно было, что он волнуется, но старается быть четким и спокойным и все-таки доволен представившимся ему испытанием.

— Лево немного! — крикнул он, ободряясь от звука собственного голоса.— Еще немного... Так держать!

Огненное зарево описало полукружие, и порозовели пласты пены вокруг бортов. В том месте, куда устремлялся корабль, дрожащее багровое небо делил пополам желтый столб дыма, изгибавшийся, как дерево, под ветром, и у подножья его ползли по воде блестящие огненные корни.

— Никакой опасности нет, уверяю вас,— сказал Басов, подходя к капитану.— Ну, вот вы оправились как будто... Сейчас придется спустить шлюпки,— прибавил он, отворачиваясь, и было непонятно: просил он разрешения или приказывал.

«Теперь уж скоро,— подумал Евгений Степанович,— подходим с наветренной стороны... Он делает все как надо, ему подчиняются все, даже Алявдин. Только бы он не растерялся».

Впереди с правой стороны показалось горящее судно, разметавшее по воде клочья дыма и поднявшее кверху острый нос, не тронутый огнем. Вода вокруг го-

рящего судна была покрыта язычками огня, проворно взбиравшимися на черные гребни волн.

«Нефть горит на воде, разлилась и горит»,— подумал Евгений Степанович с испугом, и сердцебиение его возобновилось. Рявкнула оглушительно сирена, и ему показалось, что это раскололось с треском багровое небо. Потом наступила тишина, и он слышал, как перекликались голоса внизу, журчала вода и кричал Басов в переговорную трубку:

— Малый ход!.. Запустить аварийный двигатель... Хорошо.

Навстречу потянуло горячим смрадным дуновением, и донесся монотонный могучий гул, словно где-то жарко топилась печь и ветер шумел в поддувале.

— Лево, еще лево! — неожиданно крикнул Евгений Степанович и торопливо, украдкой перекрестился.— Так держать...

IV

На спардеке матросы стаскивали брезент со шлюпок. Одна из них ярко освещена заревом пожара, и под ней за бортом вскипала розовая пена. Другая шлюпка была по ту сторону спардека, под ней было темно и шумели невидимые волны.

Гусейн первым прыгнул в освещенную шлюпку и стоял там, разбирая весла. За ним почему-то полез пожилой матрос Фомушкин, дотоле беспокойно вертевшийся у борта и помогавший снимать брезент.

— В шлюпке-то поспокойнее,— пробормотал он, посмеиваясь,— все от мазута подальше.

Он уселся за руль, вцепился обеими руками в борта и виновато поглядел на Гусейна, как бы стыдясь своей робости.

— Майна! — крикнул Гусейн.— Советские моряки не бросают товарищей! Понятно?

Он был оживлен, почти весел теперь и, пока матросы вертели рукоятки шлюпбалок, все поглядывал на горящее судно, словно ему не терпелось рассмотреть его поближе.

Подбежал запыхавшийся Володя Макаров и замахал руками на матросов, спускавших шлюпку.

— Постойте, я с ними поеду! — кричал он.— Да постойте же!

— Спускай! — заорал Гусейн, поднимаясь во весь рост и балансируя руками.— Чего стали? Майна!

— Как же это, Мустафа? — залепетал Володя.— Басов идет, и ты, и Котельников... Вместе жили — и вот...

— Тебе держать связь с берегом надо. Ступай к аппарату. Дисциплины не знаешь!

Шлюпка скользнула вдоль борта танкера, и Гусейн, оттолкнувшись веслом, поставил ее против зыби.

— Как же это? — повторил Володя печально.— Один я...

Шлюпка нырнула между черными горбами зыби, слегка зачерпнув воду. Весла Гусейна взлетали над водой широкими взмахами, и сам он то подавался вперед, то медленно отклонялся, словно опрокидываясь на спину. Борт «Дербента» уходил в темноту, пламенея отраженным светом, и из-за его кормы выплыла, поблескивая веслами, вторая шлюпка, нежно-розовая и хрупкая, как апельсиновая корка.

— Басов идет,— сказал Гусейн, налегая на весла.— Советские моряки не бросают товарищей! — Он с удовольствием повторял ту фразу, которая, наверно, понравилась бы и Басову.— Правильно я говорю, браток?

Шлюпка взлетела на большую волну, ярко осветившись на гребне, и навстречу ей ветер донес первые струи дыма.

Фомушкин кашлянул и судорожно скривил рот, пытаясь улыбнуться.

— На огонь держи! — крикнул Гусейн, оборачиваясь.— Куда ты правишь?

— Там никого нет,— промолвил матрос, показывая на горящее судно,— там вода горит, посмотри!

Вокруг них колыхались широкие полосы света, и вода, стекавшая с весел, ярко блестела. Гусейн все оглядывался через плечо, стараясь разглядеть, что происходит на «Узбекистане». Он увидел острые языки огня, взвивавшиеся над переходным мостиком, и пустые окна верхних кают, извергавшие тучи искр. По борту судна, как из кипящего котла, текли пылающие струи нефти, растекаясь по воде красными ручьями, тускло светящимися сквозь завесу дыма.

— Там никого нет,— повторил Фомушкин упрямо,— пойдем назад, Мустафа.

— Но-но! — грозно окрикнул Гусейн.— Поговори у меня.

Навстречу шлюпке неслись розовые кусты дыма, и сквозь них виднелось что-то похожее на буй.

Буй приближался, покачиваясь на волнах, и както странно шевелился, словно живое существо, обросшее щупальцами. Гусейн бросил весла и перешел на нос. Двое людей держались за спасательный круг, повернув головы навстречу подплывающей лодке.

— Давай руку! — крикнул Гусейн человеку, смотревшему на него из воды.— Скорее, товарищ!

Рука была скользкая и холодная. Гусейн осторожно подхватил под мышки обвисающее тело и перетащил через борт.

— Ложись, браток, отдыхай,— сказал Гусейн, подтягивая спасательный круг.— Ну-ка, давай, следующий!

Второй был почти голый, и скользкое тело все вырывалось из рук Гусейна. Один глаз его был плотно прикрыт, другой то открывался широко и бессмысленно, то снова прикрывался дрожащим веком. Он свалился на дно лодки и подобрал колени, сжимаясь в комок.

— Ми-и-лые,— сказал он, раздувая грудную клетку,— уж мы думали — амба нам.

— После расскажешь,— перебил Гусейн, садясь за весла.— Где же ваши шлюпки?

— Одну-то я видел... спустили,— простучал зубами спасенный,— да одна без весел... кажется, опрокинулась, когда я нырнул... Холодно!

Сзади набежала вторая шлюпка с «Дербента», гремя уключинами и качаясь на волнах.

— Ветер переменился! — крикнул Басов, сидевший у руля.— Не задерживайся, Мустафа!

— Двое есть,— отозвался Гусейн, работая веслами и оглядывая первых спасенных им людей с видом рыбака, вытянувшего хороший улов.

Фомушкин, сидевший все время неподвижно, вдруг вскочил и принялся стаскивать с себя пиджак, морщась от нетерпения. Он перешагнул через банку и приподнял за плечи голого человека.

— Надевай, надевай, пожалуйста,— говорил он настойчиво,— мне не надо...

— Ишь ты! — сказал Гусейн.— А у меня ничего нету... — Он взглянул на свою открытую грудь и за-

сученные рукава рубашки, словно сожалея, что ему нечего отдать.

Навстречу двигалась густая пелена дыма. Она свивалась вокруг бортов шлюпки и клубилась под ударами весел, как вода. Где-то совсем близко вспыхнул тусклый язык пламени, и струя воздуха коснулась лица Гусейна. Он закашлялся и смахнул ресницами навернувшиеся слезы.

— Нефть горит,— проговорил Фомушкин, с тоской оглядываясь назад,— она разливается... Мы не выйдем отсюда, Мустафа.

— Помолчи! — приказал Гусейн.— Никак, зовет кто-то! — Он прыгнул на банку и прислушался.

Откуда-то, сквозь ровный гул пожара, донесся протяжный, ленивый крик; казалось, кричал насмерть усталый человек, потерявший надежду быть услышанным.

— Ид-ду-у! — заорал Гусейн.— Эй, подавай голос!

В ответ закричало уже несколько голосов, но крики доносились глухо, как сквозь стену. Из-за дыма выдвинулся острый нос шлюпки и медленно проплыл мимо. Матрос, сидевший на веслах, пригнул голову, сотрясаясь от кашля. Басов оставил руль и бросился к нему. По лицу его текли обильные слезы, он облизывал сухие губы, вдыхая едкий дым.

— Греби,— сказал он странным, глухим голосом,— греби, душа из тебя вон!

Матрос поднял кверху красное лицо с выпученными глазами загнанной лошади и замахал веслами. Ветер разметал дым и помчал над морем черные хлопья копоти, и на очистившемся клочке воды все увидели опрокинутую шлюпку. Она качалась, и поперек нее лежали человеческие тела. Другие, извиваясь, вползали по ее гладким бокам, и подошедшая волна сбрасывала их обратно в воду. Вокруг дымились и тлели пятна нефти, а с противоположной стороны медленно растекалась сплошная лава огня.

Фомушкин положил руль на борт и завертелся на сиденье, поводя вокруг полоумными глазами.

Шлюпка круто свернула влево.

— Посмотри, Мустафа,— лепетал матрос невнятно,— назад посмотри... горит...

Вдалеке маячил неподвижный силуэт «Дербента», и по его спардеку, как вспышка молний, пробегали красные искры.

— «Дербент» горит,— заплакал навзрыд Фомушкин, корчась, как эпилептик, грозя кулаком Гусейну.— Погубил ты меня, сволочь... Куда я теперь? Море кругом... А-а-а!..

Он вытаращил в темноту чудовищные плошки глаз и громко всхлипывал, захлебываясь дымом. Гусейн лез к нему через банки, раскачивая шлюпку и скрипя зубами.

— Молчи! — заревел он неистово.— Расшибу в кровь... За борт кину. Молчи!

— Он взмахнул кулаком, но не ударил, а схватил матроса за шиворот и стащил с сиденья. Красные огни на «Дербенте» мелькнули раз, другой и погасли.

— Смотри, дура! — крикнул Гусейн задыхаясь.— Это стекла блестят, а ты скулишь! Э, дерьмо!

Он выдернул руль из гнезда и сел на весла. Шлюпка Басова была уже подле кромки огня и сильно раскачивалась оттого, что люди повисли на ее бортах, торопясь выбраться из воды. Опрокинутая шлюпка переваливалась на волнах, и мокрые бока ее, как зеркало, отражали огонь. Гусейн приблизился к ней, ударил с разбегу в ее борт и тотчас вскочил на ноги. Из воды показались цепкие руки и темные гладкие головы с запрокинутыми бледными лицами.

— Стой! — кричал Гусейн, перебрасывая через борт тяжелое тело, обдавшее его потоками воды.— Не хватайся все с одного края! Перевернемся, гляди!

Лицом и открытой грудью ощущал он нестерпимую близость огня, и казалось, что вот-вот лопнут глаза — не выдержат слепящего жара. Но он все вытаскивал из воды скользкие полуголые тела и клал их к противоположному борту, чтобы не перевернулась шлюпка.

— Всех возьму,— говорил он, плеская себе горстью в лицо соленую воду.— Да не цепляйся же руками. Брошу разве тебя здесь? Эх, товарищ!

Потом он нащупал неподвижное, совершенно нагое тело и старался приподнять его, но оно выскользнуло из рук, и он снова поймал его за волосы и уже не выпускал больше. Опрокинутая шлюпка уже дымилась, и ее осторожно облизывали желтые язычки пламени, выползавшие из-за пелены дыма. Шлюпка Басова развернулась кормою к огню. Она прошла совсем близко,

и Гусейн увидел, как греб Басов, медленно забрасывая весла, словно висела на них непомерная тяжесть.

— Отходи! — крикнул механик все тем же звенящим голосом.— На тебе рубашка тлеет!.. Отходи, говорю!

Но Гусейн все еще боролся с мертвым грузом безжизненного тела. Он поднял его наполовину из воды и подхватил под мышки, собираясь с силами.

Внезапно дунуло жгучим потоком, посыпались красные искры, и он почувствовал нестерпимую боль. Рядом с ним кто-то замычал громко сквозь сжатые зубы и заколотил ногами в борт шлюпки. Гусейн напрягся, медленно преодолевая тяжесть, повисшую на его руках, и, когда вытащил, наконец, тело, упал на сиденье и ощупью нашел весла.

Он ничего не видел в дыму, его забил кашель, в глазах поплыли черные круги. Он греб, машинально двигая руками и откидываясь назад, чутьем угадывая направление.

Понемногу дым поредел, воздух стал чище; Гусейн глубоко вздохнул несколько раз и, откашлявшись, сплюнул за борт. Глаза его слезились от жара и копоти, но сквозь пелену слез он видел летящие по ветру кудрявые пряди дыма и за ними черно-золотой остов горящего танкера. Огонь метался над ним, как рыжий косматый зверь, перепрыгивая через надстройки и вгрызаясь в палубу, и из-под его зубов брызгали фонтаны горящей нефти. Потом танкер медленно повалился набок, показав из воды плоское дно, и из трюмов хлынула буйным потоком золотая лава, выхватив из темноты широкий круг моря.

На самом краю освещенного круга стоял «Дербент». К нему сходились плотно набитые людьми белые шлюпки, кивали носами, переваливаясь на волнах, и блестели мокрыми лопатами весел — три впереди и одна сзади. Передние замедлили ход, поджидая отстающую, на которой гребец неравномерно взмахивал веслами, качаясь на банке, как пьяный. Потом его сменил другой, и отставшая шлюпка скоро присоединилась к передним. Так шли они некоторое время рядом, но вдруг одновременно затормозили и подняли весла.

Горящий корабль уходил кормою в воду, задрав кверху черный нос, кутаясь в облаках дыма, и небо над ним быстро темнело. Скоро дым рассеялся. В том месте, где лежало судно, уже ничего не было. Только широкие

полосы нефти догорали на воде, вспыхивая тусклым пламенем.

Яснее обозначились на «Дербенте» блестящие ряды иллюминаторов и освещенных окон верхней палубы. Металлический вой сирены, скликавший шлюпки, рванул воздух.

Гусейн сидел на корточках, упираясь руками в мокрое дно лодки и прислонясь плечом к маленькому человеку, сидевшему рядом. Когда скрылся под водой остов «Узбекистана», человек этот начал всхлипывать, и Гусейн молча нашел его руку. Рука была маленькая, тонкая, и Гусейн подумал, что этот спасенный человек должен быть очень мал ростом и худ, как ребенок.

— Это ты, Валерьян? — спросил он тихо.

— Конечно, я,— отозвался басом маленький радист.— А вы кто?

— Я Гусейн, моторист с «Дербента». Почему ты плачешь? Ты обгорел?

— Нет, не очень. Мне танкера жалко... А вам?

— Мне тоже...

Мальчик завозился и вздохнул глубоким, дрожащим вздохом.

— Вон наша шлюпка идет, цела, значит. А другая опрокинулась, я на ней был. Только тут не все наши...— Он прижался к плечу Гусейна и зашептал: — Послушайте, здесь лежит дядя Коля, наш кочегар. Он не двигается и, кажется, не дышит. Я боюсь...

— Молчи, Валек,— сказал Гусейн, обнимая мальчика.— Дядя Коля умер.

На палубе «Дербента» столпились вдоль борта люди, освещенные сзади ярким светом фонаря. Фомушкин энергично налегал на весла, поглядывая через плечо туда, где свешивались со спардека концы перекинутых через блоки шлюпбалок.

— Крюк! — крикнул Гусейн, поднимаясь на ноги.— Эй, на «Дербенте»!

Он дышал коротко и неглубоко, в груди его клокотало и скрипело, кожа горела, в глазах было мутно от слез. Шлюпка скользнула вверх, и он увидел у борта Володю, высматривающего его с заботливой тревогой. Он улыбнулся Володе, как улыбается человек после кошмарного сна, узнавая склонившееся над ним участливое, дружеское лицо. Ему хотелось сказать, что он плохо видит и едва стоит на ногах, что ему больно, но не сказал и только прохрипел деловито:

— Позаботься насчет перевязки, Володька. Здесь есть обгоревшие.

V

Басов стоял на палубе и прикладывал к лицу рваные бинты, смоченные в марганцевом растворе. Его томило бездействие, хотелось заглянуть в машинное отделение, но Догайло сказал, что нужно держать у лица эти прохладные тряпки.

— Антонов огонь как бы не приключился,— заметил боцман, погрозив пальцем.

Он торопился в кают-компанию, где перевязывали обгоревших. Их оказалось очень много, и все они жаловались, что им холодно и нечем дышать. Басов тоже побрел туда, но как-то не нашел себе дела. Несколько человек из команды «Дербента» сумели оказать первую помощь. Электрики раздевали пострадавших или просто разрывали на них мокрые лохмотья. Вера накладывала повязку, испуганно засматривая в равнодушное почерневшее лицо, опасаясь, что затянула слишком туго.

На обеденном столе лежал штурман «Узбекистана», которому пробило голову во время взрыва. Он лежал на животе, вцепившись в клеенку и дергая лопатками. Володя вытаскивал из раны клочки волос, хмурился и нерешительно поглядывал на склянку с йодом.

— Мочи нет,— шептал штурман, багровея.— Да что ты надо мной мудруешь, парень?

— Сейчас, чутку, пожалуйста, потерпите,— шептал Володя, делая отчаянное лицо.

Он смочил йодом кусок ваты и провел им по краям раны. Штурман рванулся, заскрипел зубами и выругался.

— Готово,— возгласил Володя с видом хирурга, окончившего сложную операцию.— Вера, перевяжи товарища!

Мустафа послушно протянул Володе обожженные руки. Лицо его было наспех забинтовано, и сквозь щель между бинтами смотрели воспаленные, слезящиеся глаза. Он заметил Басова и оживился.

— Жжет, Александр Иванович? — спросил он лукаво и, посмотрев на свои руки, добавил с удивлением: — Ишь ты, красные, как морква!

— Сиди смирно,— заворчал Володя с угрюмой нежностью.— Моя, что ли, шкура слезает? Дубина!

На полу валялись обрывки бинтов и тряпье. Пахло больницей. При ярком свете всюду блестело человеческое голое и влажное тело. Басов постоял и вышел на палубу. Прозрачное предрассветное небо голубело над мачтами, и звезды тонули в нем, просвечивая, как сквозь чистую воду. Но ему все мерещились на море отблески красного света, и по временам он как бы переставал видеть. Лицо и руки ощущали палящий жар, и видения минувшей ночи еще не оставили его. Все, что делал он в ту ночь, было до того призрачно, что не хотелось об этом думать. Да и не произошло ли все это помимо него? И он думал о людях, работающих с ним бок о бок, о людях, которых он любил и которыми гордился.

Всего несколько месяцев назад он считал их никуда не пригодными, какой-то лукавой, мелкой породой. Нет, то были совсем другие люди. Они исчезли, и он не помнил, как их звали, не помнил их лиц. Гусейна, и Володю, и слесаря Якубова он как будто знал долгие годы, и они были ничуть не хуже сборщиков или токаря Эйбата, которыми он когда-то гордился.

Весною, покидая завод, он думал, что жизнь его кончилась. А сейчас он знал: на будущий год появятся новые, повышенные нормы. Многие суда перешли уже на стахановские рейсы, и «Агамали» снова выдвигается, угрожает занять первое место. Как-то покажет себя к будущему году команда «Дербента»? Басов подумал, что если бы он сейчас исчез, то в его отсутствие, пожалуй, ничего бы не изменилось на «Дербенте». Но именно поэтому он твердо знал, что не уйдет с танкера после окончания навигации.

Ему стало весело. Держа бинты у лица, он засвистел какой-то дикий бравурный мотив, фальшивя и поминутно обрывая свист, потому что кашель подступал к горлу. Он прошелся по палубе и вдруг, дойдя до канатного погреба, круто остановился и оборвал свист.

На палубе под дырявым кормовым флагом лежали трупы. Ветер заворачивал край флага и открывал неподвижные раскинутые ступни мертвецов. Как мог он забыть о них? Сам же помогал их укладывать здесь, накрывал флагом и помнил, что их было двое и что один утонул до прихода шлюпок. Помнил все время, а теперь почему-то забыл.

«Это от усталости»,— подумал он, как бы оправдываясь и силясь вызвать вновь то ощущение непоправимости случившегося, которое ошеломило его, когда он впервые увидел мертвых.

Но, как ни старался, ему не удавалось сосредоточиться на печальных мыслях. В ушах его продолжал звенеть все тот же бравурный мотив.

«Что со мной? — мысленно спрашивал он себя.— Ведь люди погибли, и это непоправимо. Как могу я думать о мелочах, радоваться чему-то, мечтать о будущем? Или я очерствел и, научившись командовать, потерял жалость к людям? Тогда мне не место здесь...»

«Неправда,— ответил он себе.— Ты шел за ними в огонь и заставлял других делать то же самое. Ты любил их, этих неизвестных тебе людей, иначе какое же другое чувство двигало тобою в эту ночь? Но они умерли, и это стало не нужно. Мустафа Гусейн едва не погиб, вытаскивая из воды мертвое тело. Он не ведает страха, у него большое, горячее сердце, и перед ним ты со всеми твоими знаниями — деловитый сухарь. Но он смеется, бинтует свои ожоги и думает о машинах, о стоянке в порту, и разве мертвые нуждаются в его печали?»

Басов поправил завернувшееся полотнище старого флага и отошел прочь. Лицо его горело, но на душе было спокойно. Он поглядывал на часы, соображая, не пора ли телеграфировать в порт о приходе, прислушивался к журчанию воды,— забыли-таки закрыть кран на спардеке.

Потом он встретил Котельникова, и тот повел его к фонарю, таинственно улыбаясь.

— А у меня штучка есть одна,— сказал он, пряча за спиной руку.— Хорошая штучка. Показать?

Он протянул Басову листок бумаги, исписанный четким косым почерком, и Басов прочел при свете фонаря:

«Помочь «Узбекистану» не можем из-за сильного ветра и искр. Вышлите спасательное судно. «Дербент». Кутасов».

— Это первый помощник писал? — догадался Басов.— Откуда у тебя телеграмма?

— Да очень просто! Пока Мустафа сиреной шумел, Касацкий написал этот документик и сунул Володьке, чтобы тот отправил по радио. А Володька, натурально, не отправил и сейчас хотел в гальюн захватить, да я

у него отобрал. Это же клад! Ну, давай. На суде сгодится.— Котельников аккуратио сложнл лнсток.— Теперь уж они не отвертятся. Угрызем паразитов! Сколько лет нм припаяют, как ты думаешь?

— Не знаю,— сказал Басов.— Я не юрнст. Жалко все-таки старнка,— добавил он брезглнво.

— Кого?

— Старика, говорю, жалко, капитана. В сущностн он очень несчастен...

Котельников перестал улыбаться.

— Жалко? Ай-ай! Но что ж теперь делать? Может быть, покрывать нх будем, а? Как твое миенне?

— Ты меня не понял,— смутился Басов.— Покрывать? Я только сказал про старика, что он жалок н...

— Жалок, говоришь? Ай-ай! А это что там лежит, ты вндел? — вдруг крикиул Котельников, ткнув пальцем в сторону канатиого погреба.— Кабы не твой старик, этн головешкн были бы людьмн. Слушай-ка, еслн ты вздумаешь его покрывать...

— Да у меня н в мыслях не было,— поспешио оправдывался Басов.— Просто я сморозил глупость.

— Уж такую глупость! Хорошо, что мы одни. Ребята сейчас сердитые... Слышь-ка, а мальчонка радист у меня на койке спнт. Его Мустафа прнвез. Целехонек, только волосы немиого опалило. Сиачала все хныкал — танкера ему жалко и записные кннжкн сгорелн. Там, говорит, много интересного было. А теперь умучился, спит. Худенькнй, рукн, как стебелечки, ты бы посмотрел!

Небо на востоке быстро светлело. Из-за моря выступали горы, похожие на стаю облаков, н за ними клубились облака, похожие на снеговые горы. Показался краешек солнца, и гребни волн жемчужно порозовели.

НЕОБХОДИМОСТЬ

I

Дождавшись смены, Белецкая торопливо, молча оделась. Ей хотелось теперь только одного — уйти незаметно, чтобы избежать расспросов сослуживцев. Но Лиза Звонникова ходила вокруг и плаксиво тянула:

— Да что же ты молчишь, Му-усь-ка? Это же что-то невероятное. Ну, Му-сенька, милая, золотая, расскажи.

— Голова болит,— скороговоркой отвечала Муся, натягивая берет и глядясь в оконное стекло.— Это такая жуть, что вспоминать неохота. Тебе Тарумов расскажет.

Она пошла к двери, но Лиза догнала ее и всплеснула руками.

— Муся, да ведь там же Сашка. Что же с ним-то? Муся, милая...

— Ты только сейчас вспомнила? — злобно прорвалась Муся.— Не знаю я ничего. Оставь меня.

Она выскочила на крыльцо и сбежала по ступенькам. За белыми домами вставало солнце, со стороны пекарен ветер доносил запах горячего хлеба. Люди бежали к трамвайной остановке, торопливо взбирались на подножки вагонов, и лица у них были совсем обыкновенные, озабоченные, немного помятые со сна.

В трамвае, усевшись между толстой старухой, сосавшей леденцы, и черным человеком в папахе, Муся

почувствовала себя очень одинокой.

«Сейчас они подходят к Махачкале,— думала она.— Саша стоит на палубе и смотрит на берег... Впрочем, зачем ему смотреть на берег? Вероятно, спит себе спокойно в каюте. Он всегда спокоен, доволен своим положением, а я мучаюсь, неизвестно отчего. Ну, да хватит думать об этом... А вдруг он обожжен и лежит вместе с другими обожженными?

Мусе представились белые койки и на них неподвижные фигуры, закрытые простынями. Она вздрогнула и испуганно оглянулась. Толстуха грызла леденец, сонно глядя перед собой, щеки ее тряслись от толчков трамвая. Человек в папахе собирался выходить и поглядывал в окно.

«Сколько времени мы не виделись,— думала Муся,— май, июнь, июль...— она быстро загибала пальцы, шевеля губами,— август, сентябрь, октябрь... с половиной... Он не давал знать о себе, он выкинул меня из головы, вот и все. Ну и черт с ним, даже лучше! Ах, скорее бы домой».

Муся с ненавистью взглянула на толстуху и поджала под себя ноги. Трамвай загремел на стрелке, и в окнах замелькали деревья бульвара.

«Я вела себя как дура сегодня. Тарумов, вероятно, думает, что я просто курица-клушка, вроде Гали Гончаренко, которая спит с фотографией мужа. Ух, какая гадость! Но не все ли равно, что он думает? Главное, я очень боюсь... и ничего не могу с собой поделать. Кажется, сейчас зареву. Ах, я просто сумасшедшая!»

На углу Молоканской Муся сошла с трамвая. На тротуаре какие-то двое читали газету. Высокий человек в морской фуражке обратился к другому:

— Это случилось сегодня ночью, значит, в газетах появится завтра. Конечно, завтра, а не сегодня.— Он, улыбаясь, смотрел на Мусю и толкнул товарища, чтобы тот оглянулся.— Эх, хороши девушки бакинские — первый сорт!

Добежав до перекрестка, Муся остановилась. Моряк все смотрел на нее с бесцеремонным любопытством и даже как будто собирался подойти. Муся подумала с минуту и вдруг опрометью бросилась через дорогу.

«Справлюсь только в управлении, нет ли чего нового,— соображала она.— В этом нет ничего особенного, все справляются, не я одна. Но что я могу там узнать, когда я только что с радиостанции? Все равно... Ах, какая я дура!»

Она злилась на моряка, смотревшего ей вслед, на грузовик, загородивший дорогу, на самое себя.

В управлении пароходства она действительно не узнала ничего нового. У подъезда стояли женщины, и одна из них — совсем молоденькая, в желтой кофточке — украдкой плакала, отвернувшись к стене.

— Успокойтесь,— сказала ей Муся.— У вас там муж?

— Нет... знакомый.

— Где?

— На «Дербенте».

— Ну перестаньте же,— говорила Муся.— У меня муж там, но я пока не плачу. Послушайте, все обойдется.

Девушка вытерла глаза и улыбнулась.

— Вы думаете?

Муся бежала по Ольгинской, и щеки ее пылали. «Зачем я сказала ей про мужа, зачем наврала? Незачем было ходить сюда. Ведь он жив и спокоен, как всегда, и уж, верно, не думает обо мне. Однако эта девушка плакала... Вздор! Он же подписал телеграмму... Это ничего не значит. Он мог подписать ее даже, если... Ах, когда все это кончится!»

У подъезда гостиницы она приостановилась и заглянула в зеркало, прикрепленное к двери. Перед ней в рамке стояла девушка с темными злыми глазами. Из-под берета выбились волосы и прикрыли горящие уши.

— Ну, что? — шепнула Муся ненавистно.— Куда теперь побежишь? Ждать надо. И кому нужна твоя тревога? Сидела бы дома...

Девушка в зеркале ответила злобной гримасой и даже оскалила зубы. Муся побрела дальше. Она прошла Молоканскую, машинально свернула во двор и поднялась по лестнице. В коридоре дети с грохотом таскали по полу деревянную лошадь. Соседка вынесла из кухни мокрое белье.

— Мусенька, к вам вчера инженер приходил,— сказала она,— тот самый, Истомин, кажется...

Она улыбнулась лукавой, сочувственной улыбкой, какой улыбаются пожилые, давно женатые люди, когда говорят о чужих любовных делах.

— Он просил что-нибудь передать? — поинтересовалась Муся.

— Он сказал, что зайдет завтра. Вы прячете ее от меня, говорит, да я все равно ее найду. Угадали, го-

ворю, она у меня в кармане. Да вы не краснейте, Муся. Я вам всегда желала добра. По-моему, он очень симпатичный.

— У нас с ним ничего нет,— сказала Муся уныло.— Вы смеетесь надо мной.

— Уж я знаю. Ох, и скрытная вы, гражданочка!

Муся прошла в свою комнату и легла на кровать, свернувшись калачиком, подложив под щеку ладонь, как делала она всегда перед сном. Но сон не приходил, хотя все тело ее ныло от усталости. Ей все казалось, что она лежит неудобно, и она старалась найти покойное положение. Несколько раз наступал момент, когда мысли ее цепенели и перед глазами мелькали короткие туманные образы. Но внезапный толчок встряхивал ее изнутри, и, приходя в себя, она ощущала вновь страшное беспокойство, хотелось немедленно встать, идти куда-то и что-то предпринять, хотя она знала, что предпринять ничего нельзя, надо ждать.

«Что-то я натворила неладное,— думала она, переворачиваясь на спину и открывая глаза.— Ну, давай разберемся и покончим с этим... Саша на «Дербенте», и о нем ничего неизвестно, это самое главное; но скоро все выяснится, и... тут я ни в чем не виновата. Что же еще? Он стал другой... нет, он всегда был другой, не такой, каким я его представляла. Разве он неудачник, фантазер? Теперь о нем пишут в газетах... А Яшка Нейман оказался предельщиком, и его ругают на собраниях, а он старается изобразить так, будто никогда и не думал травить стахановца Басова. Но ведь я-то тут ни при чем... Врешь!.. Ты тоже травила его вместе с другими, но об этом никто не знает... Вместе с Нейманом... Фу, какая гадость!.. А все-таки, когда сегодня случилось несчастье, я боялась за него. Значит, уж не такая я дрянь? Опять врешь! Он никогда не был тебе безразличен, ты всегда тянулась к нему. Но тебя напугали его неудачи, и ты шарахнулась от него, как лошадь. Попросту струсила... Ясно. Еще что? Ах да, этот Истомин! Ты ставила его в пример Саше потому, что он преуспевает и его ценит начальство. Сашка слушал и молчал... Да что же это такое?.. Слушал и молчал... Дура, заплачь теперь!»

Муся повертелась на кровати, покусала губы и действительно заплакала. Она вспомнила, как однажды зашла к Истомину на службу в управление пароходства, чтобы идти с ним в театр. Это было в середине лета.

Саша давно ушел в море, и она встречалась с Истоминым почти ежедневно.

У подъезда стоял автомобиль Годояна, и вокруг него прохаживался маленький потный шофер, протирая тряпкой стекла машины. Минуту спустя из подъезда вышел Истомин в сопровождении нескольких сотрудников. Не замечая Муси, он подошел к машине.

— Здравствуй, Николай,— любезно приветствовал он шофера.— Как дела? Степан Дмитриевич на совещании?—Он вытащил портсигар и протянул его шоферу.

В его движениях, в тоне голоса Муся заметила что-то заискивающее, и, вероятно, это заметил также и шофер, небрежно взявший папиросу и разминавший ее маслеными пальцами.

— Хорош фордик,— завистливо сказал Истомин пожилому человеку, стоявшему рядом с ним.— Эх, кабы нам-то...— Он обернулся и увидел Мусю.

— Я опоздал немного,— сказал он совсем другим, уверенным и внушительным голосом,— меня задержали, простите.

Мусе показалось, будто он нарочно громко произнес эту фразу, чтобы ее услышали его товарищи, стоявшие на тротуаре. Она встретилась глазами с шофером и покраснела.

— Вы пришли вовремя,— отрезала она сухо.— Что же, пойдемте.

В это время из подъезда вышел Годоян. Он подхватил портфель под мышку, снял очки и принялся протирать их носовым платком, близоруко щурясь. Истомин выпустил Мусину руку, нахмурился и коротко-ловко поклонился. Годоян прикоснулся к фуражке и полез в машину.

— Вы видели? — спросил Истомин, шагая рядом с Мусей по тротуару.— Он меня знает и всегда раскланивается со мной при встрече. Других он даже не заметил. Вы видели?

В тот вечер совсем не было ветра, и над городом висел густой, неподвижный воздух, напитанный запахом цветов и бензинной гари. По гладкому зеркалу взморья двигались красные и зеленые огни судов, и Муся все смотрела в ту сторону, отвечала невпопад и чувствовала себя одинокой, никому не нужной. С тех пор прошло много месяцев, но воспоминание вдруг встало так живо, как будто все это случилось вчера.

«Завтра пойду на пристань,— думала она, поне-

многу успокаиваясь.— Пойду ли? Саше покажется, что я из-за газетных статей к нему прибежала. Все равно, пусть думает, что хочет... Мне бы только увидеть его разок. Теперь уж я засну, потому что решила идти и мне не о чем больше думать... Нет, постой. Как могла я так ошибаться?.. Струсила его неудачи? Нет, тут есть еще что-то. Я не понимала главного в нем: необходимости для него — такого, как он есть,— идти по этому трудному, но единственному для него пути...»

Откуда-то появилось лицо старухи. И эта с таким усилием завоеванная мысль вдруг затуманилась, исказилась. Старуха совала в рот леденцы, и щеки ее тряслись, как у бульдога. Муся не сразу смогла освободиться от этой старухи, но, засыпая, повернулась на бок, и сразу перед ней появилось другое лицо, спокойное, пожалуй даже немного флегматичное, и у глаз морщинки на шафранной коже. И Муся отчаянно потянулась обеими руками к этому лицу, боясь, чтобы оно не исчезло.

— Мне так не хватало тебя, командир,— пожаловалась она, блаженно улыбаясь.— Но ты уже уходишь? Именно теперь, когда я так стосковалась по тебе? Послушай, я знаю теперь, что это необходимо, тебе пора идти. Видишь, я не удерживаю тебя, хоть мне и больно. Как больно, как ясно и хорошо...

Дорогое лицо затуманилось и исчезло. Больше оно не появлялось, и Мусе снились потом физкультурные соревнования, дежурство на радио, какие-то телеграммы. Но все время, пока она спала, ее не покидало светлое, горделивое чувство, которое оставило первое сновидение.

III

Они сходили поодиночке на пристань — моряки, спасенные с «Узбекистана»,— медленно шли по сходням, осторожно придерживаясь за перила забинтованными руками. С танкера им махали фуражками, и они медлили и оглядывались, расставаясь с близкими, дорогими людьми. Санитары в белых халатах выводили их за пристанскую ограду, где стрелки портовой охраны расчищали проход в толпе. На шоссе зычно лаяли гудки санитарных автомобилей.

Последним с пристани сошел Валерьян Ластик. Он ворчал на санитара, пытавшегося взять его под руку, и порывался зачем-то вернуться.

— Володя, ты должен держать со мной связь,—

кричал он Макарову.— Мне так не хочется уходить! Почему ты не смотришь на меня, Володя?

Перед оградой он еще раз обернулся и крикнул своим скрипучим мальчишеским басом:

— Передай вашим стахановцам, что я напишу о них... И буду всегда по-вашему...

Калитка захлопнулась за ним, и белые халаты заслонили его от Володи.

— Ты слышал? — спросил Володя стоявшего рядом с ним Басова.— Передай, говорит, стахановцам. Уж очень мы ему полюбились. Котельникова он даже чмокнул напоследок, губошлеп этакий.— Володя весело рассмеялся и придвинулся к Басову.— Слышь, Александр Иванович, что капитан-то рассказал ночью. Говорит: у них с помощником вроде как бы круговая порука была. И в прошлом у них что-то грязное было, не пойму я. Рассказывает и трясется весь, как в лихорадке, и слезы на глазах. «Голубчики, миленькие, говорит, что этот человек со мной сделал!» Совесть его замучила, значит, вот он и открылся. Теперь они с помощником под суд пойдут, а к нам назначат новых, проверенных. К нам теперь с камнем за пазухой не суйся — заклюем! Знаешь, у меня сегодня настроение какое-то дурацкое, точно я именинник. Даже стыдно как-то.

— Хорошее настроение? — улыбнулся Басов.— Это ничего.

— Нет, все-таки стыдно. Ведь авария была и жертвы. А у людей болячек сколько! Вон, смотри, Мустафа с врачом воюет.

Старичок врач, прибывший из города, загораживал дорогу Гусейну, пытавшемуся ускользнуть в проход палубы. Гусейн напирал, стараясь протиснуться боком, и тоскливо озирался.

— Нет, вы невозможный человек,— говорил врач, молитвенно складывая руки и глядя на Гусейна поверх очков с таким видом, точно сомневался, что у невозможного человека под бинтами простое человеческое лицо.— Да знаете ли, чем вы рискуете? Ведь если попадет инфекция...

— Но они присохли уже,— бормотал Гусейн, оглядывая перевязки на руках.— Зря вы волнуетесь, доктор.

— Все-таки пожалуйте на берег.

— А вот и не пойду. Очень просто.

— Нет, вы пойдете! Где тут помощник по политчасти? Это возмутительно!

Басов заложил руки за спину и направился к спорящим ленивой походкой.

— Ты должен пример подавать другим,— сказал он Гусейну,— а ты гвалт поднял на всю пристань. Как тебе не стыдно?

— Я там хуже заболею с расстройства,— проговорил Гусейн упрямо.— Послушайте, доктор, отвяжитесь, право!

— Не могу я допустить тебя к машинам с такими руками,— терпеливо объяснял Басов.— Ну пойми ты, голова!

— Ладно, я сойду... Не по-товарищески это, Александр Иванович.

— Иди, иди...

— Публику пускают! — крикнул Володя Макаров.— Котельников, твоя жинка идет.

Толпа хлынула из-за ограды, растекаясь по пристани. Женщины бежали, шагая через трубопроводы, издали приглядываясь к стоявшим у борта морякам, отыскивая своих. Басов видел, как бросилась навстречу Гусейну девушка в желтой кофточке, стремительно протянув к нему руки. Но она не коснулась его, руки ее бессильно опустились,— они стояли друг против друга.

Басов отвернулся и медленно побрел на бак. У канатного погреба валялся выцветший дырявый флаг, прикрывавший мертвых. Шумели потоки нефти, падавшие из шланга в грузовой люк. Басов заглянул туда, стараясь угадать, сколько времени осталось до конца погрузки. «Скорее бы»,— подумал он с внезапной тоской. За спиной раздавались звуки шагов, приближающиеся и отдаляющиеся, возбужденные женские голоса, прерываемые быстрым дыханием, обрывки фраз.

— Я не знаю, как дождалась...

— Где он, где? Позовите его, товарищ...

— Отчего не сообщали по радио?.. Я так беспокоилась...

— Э, пустяки какие...— ответил мужской голос.

Басов узнавал все эти голоса, но он уходил от них, отошел к противоположному борту и перевесился через перила. Далеко внизу на зеленых волнах колыхались рыжие пятна мазута, и крутая стена танкера, ломаясь, уходила на дно.

«Хорошо, что у Котельникова есть жена и ребенок,— думал он, разглядывая свое зыбкое отражение на поверхности воды.— И к Гусейну пришла желтенькая. Как она бросилась к нему... Нужно бы уйти куда-нибудь на время стоянки. Тяжело смотреть, и тут уж ничем не поможешь. Уйти в каюту! Переждать».

Он уже хотел отойти от борта, но вдали раздались шаги, и он медлил, выжидая, пока пройдут мимо.

— Позвать его? — раздался голос Володи.

— Не надо,— быстро ответил знакомый женский голос.

Басов вздрогнул и обернулся.

— Я сама...

Муся стояла в двух шагах от него, и на лице ее он заметил страдание, испуг, словно ее что-то ужаснуло в нем. И неожиданно для себя Басов вымолвил нелепо-развязно:

— Проведать меня пришла? Ну-ну... Вспомнила, значит...

— Представь, я тебя не узнала сейчас,— сказала Муся низким, грубым голосом.— Мне показалось, что это чужой.

Она была одета по-зимнему, в пушистом платке, который он видел на ней в вечер перед разлукой. Она приблизилась, отбросила платок на шею и вдруг вспыхнула до корней волос, даже глаза ее увлажнились. Басов взял ее за руку, и так постояли они несколько секунд, не зная, что делать дальше.

— Как же ты меня не узнала? — спросил он тем же насильственно-развязным тоном, внутренне холодея от того, что говорил он вовсе не то, что хотел.— Разве я изменился?

— У тебя лишаи вот здесь,— сказала Муся, нахмурив брови и касаясь пальцами своей щеки.— Откуда это?

— Это ожоги. У нас здесь было жарко вчера. Правда, Володька?

Володя Макаров сдержанно кивнул и внимательно оглядел их обоих. Потом он повернулся и пошел вдоль палубы, раскачивая плечами.

— Это скоро пройдет,— громко сказала Муся, провожая глазами радиста,— надо промыть марганцовкой... Ты вспоминал меня немножко, командир? — спросила она быстрым, угрожающим шепотом, склоняя голову.

Басов пожал ей руку, она вскинула на него глаза и улыбнулась.

— Вот только что...— выговорил с усилием Басов,— когда ты подошла...

— Что только что?

— Вспоминал. И вообще часто думал о тебе, когда сидел без дела. А сейчас ты пришла, и мне показалось, что это случайно.

— Случайно пришла? — засмеялась Муся.— Вздор ты какой-то несешь!

Она оглянулась и быстро закинула ему руки за шею.

— Здесь ходят все время... Черти!..— горячо шепнула она, прижимаясь губами к тому месту на его щеке, где потрескалась кожа.— А я так много должна сказать тебе... У тебя хоть каюта-то есть отдельная, стахановец? — Она решительно взяла его под руку и повлекла за собой.— Сколько времени мы не видались! Я, когда ехала сюда, сосчитала: шесть месяцев и десять дней, вот сколько. Но почему ты не сердишься на меня, хоть немного? Для порядка бы следовало. Ах нет, ты даже теперь ничего не скажешь.

Басов шел за ней, перебирая ее пальцы, и ему вспомнилась та далекая ночь, когда вела его Муся в темноте по пустырю и дорогу им указывали тонкие свистки буксиров. Только сейчас светило яркое солнце, и под ногами была стальная палуба нефтевоза, и журчал мазут в грузовых люках, напоминая о скорой разлуке. И он еще не понял ее до конца, хоть и сплелись их пальцы в крепком пожатии и сияли неудержимым счастьем Мусины глаза. Они очутились в жилом коридоре, здесь пахло кухней, было тихо и полутемно, но из-за неплотно прикрытой двери падал столб света, и в нем кружились шалые осенние мухи, сверкая слюдою крыльев. От крепкого объятия у Басова захватило дыхание, но, как в те далекие дни их знакомства, она первая положила этому конец, сжимая его руки и заставляя слушать себя.

— Постой... Я говорила, что ты странный, не такой, как другие. Почему ты не упрекнул меня до сих пор? Я не могу освободиться от этого груза без твоей помощи. Мне все кажется, что мое счастье оборвется. Но нет, это вздор. Если ты не хочешь, я сама могу причинить себе боль. Вот слушай: меня испугало, что ты такой... особенный, и это было так дико тогда — один против всех

со своими затеями... Какой-то мечтатель, прожектер... Знаешь, есть люди, от которых за версту пахнет неудачником. И мне казалось, что за тобой пустота — одни мечтания и житейская неуклюжесть... Я ведь только средний, ограниченный человек, командир, и мне было больно жалеть тебя, потому что я тебя любила. Я действовала заодно с предельщиком Нейманом... Нет, нет, молчи, это так и было! Неймана осудили рабочие, а обо мне никто не знает, кроме тебя, но какой же ты судья, когда мы только что целовались? Ну вот, сейчас ты ответишь мне на один вопрос, только дай слово, что скажешь правду...

— Даю, конечно. Да ты о чем?

— Слушай. Если бы я позвала тебя на берег вот сейчас и навсегда. Пошел бы ты? — Она впилась глазами в его лицо, заранее торжествуя.

— Не пошел бы, Муся.

— Сказал все-таки, ах ты, милый! Я сегодня влюблена в тебя, командир, как будто мы только что познакомились. Пройдет полчаса, и мы расстанемся, потому что так надо. Ты не уйдешь отсюда ради меня, и я не попрошу тебя об этом, хоть и стосковалась по тебе.

— Н-не знаю. Эх, Муська, если бы можно было взять отпуск...

— Да молчи ты, экий дурной! — топнула она ногой в досаде.— Ничего не понял, так я и знала! Ты умеешь мыслить только прямыми линиями и совсем не знаешь себе цены. Пожалуй, ты думал, что я забыла тебя. Ну, вот и есть, вижу, что думал. А я тебе расскажу, что со мной было, когда вы в море бедовали. Тиликает репродуктор, и я знаю, что это про тебя, про вас, и ничего не понимаю, и зареветь нельзя — гордость мешает. Но теперь все прошло, ты со мной, и мне так хорошо...— Они обнимались, стоя у полуоткрытой двери, и сквозняк путал их волосы и шевелил распустившиеся концы Мусиного платка.

— Пойдем же к тебе,— блаженно лепетала Муся,— нельзя же здесь...

В эту минуту снаружи грянул оглушительный металлический вой, в котором потонули все звуки. Мусины губы шевелились, произнося еще что-то, но он не слышал ее и только видел, как постепенно твердели ее влажные глаза и исчезало их сияние. Потом гудок оборвался, и они стояли неподвижно, держась за руки, как бы ободряя друг друга.

— Кончилось,— сказала Муся спокойно.— Я не думала, что время пройдет так скоро. А ты и не показал мне свою каюту, командир,— добавила она со смешанным выражением лукавства и грусти.— Теперь мне надо уходить.

— Не спеши... Сегодня было мало времени из-за пассажиров с «Узбекистана». Обычно можно побыть гораздо дольше. Скоро у нас введут выходные рейсы, и тогда три дня в месяц мы будем вместе... Мы свое возьмем, Муся.

Они вышли на палубу, и Муся опиралась на его руку, с любопытством разглядывая проходивших мимо матросов. На пристани рабочие оттягивали шланги, протяжно скрипевшие в шарнирных узлах. По сходням сбегали женщины, придерживая юбки, словно перебираясь через лужу. Навстречу им взбирался Гусейн. На голове его копной сбились бинты, и теперь он был похож на араба в чалме.

— Почему ты здесь? — накинулся на него Басов.— Ведь мы договорились! Послушай, Мустафа...

— Я только хотел предупредить тебя... «Агамали» грузится на четвертой пристани. Сейчас я встретил их-них ребят возле дежурной лавки. «Мы, говорят, машины заново перебрали. Теперь покажем вам, как надо бегать!» А я говорю: мол, интересно будет посмотреть.— Он покосился на Мусю и сдвинул бинты, падавшие на глаза.— Одним словом, поднажать надо, Александр Иванович.

— Ты проводи-ка вот эту женщину,— сказал Басов, подталкивая Гусейна,— она мне родня.

— О-о! — удивился Гусейн.— Да когда ж ты успел?

— Иди, иди, сходни снимают,— торопил Басов, краснея.

Муся улыбалась и делала знаки губами.

— Александр Иванович, насосы остановили,— отрапортовал моторист Газарьян, появляясь в дверях машинного отделения.

— Хорошо. Заглушить грузовой двигатель! Кто на вахте?

— Механик Задоров. Есть заглушить!..

Загремели опущенные сходни, и на баке взвизгнул пронзительно шпиль. Узкая темная щель между пристанью и судном увеличивалась, в ней проступили опрокинутые очертания корабля. Взвились и растаяли над ютом белые кольца дыма.

1938 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Библиотека юношества
Для старшего школьного возраста

Юрий Соломонович Крымов

Танкер «Дербент»

Повесть

Художник Игорь Леонидович Либерман

Редактор *А. Столова*
Художественный редактор *А. Святченко*
Технические редакторы *Н. Милян, В. Бужуля*
Корректоры *Ю. Цуркан, В. Пержу-Литинская*
ИБ 2090

Сдано в набор 23.09.83. Подписано к печати 26.03.84. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага тип. Усл. печ. листов 10,08. Уч.-изд. листов 10,45. Усл. кр. отт. 10,34. Тираж 100000. Зак. № 934. Цена на бум. №1 — 55 коп; на бум. № 2 — 50 коп.
Фотонабор и верстка выполнены с использованием автоматизированной системы переработки текстовой информации АККОРД, разработанной в УНИИПП, г. Львов и функционирующей на РВЦ ЦСУ Молдавской ССР, г. Кишинев.
Издательство «Литература артистикэ». 277004, Кишинев, пр. Ленина, 180.

Центральная типография, 277035, Кишинев, ул. Флорилор, 1. Государственный комитет Молдавской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

